

К 1237450

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. П. РАЗУМОВА

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

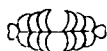
1 9 5 4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАРЕЛО-ФИНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

А. П. РАЗУМОВА

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

П. Н. РЫБНИКОВ
П. С. ЕФИМЕНКО

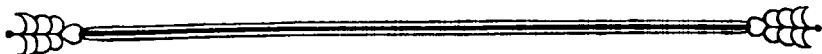

У 1237450

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 5 4

Под редакцией
В. Г. БАЗАНОВА

ВВЕДЕНИЕ

В буржуазно-дворянской науке о народном творчестве работы революционных демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, в которых ставились и освещались вопросы устного народного творчества, не принимались во внимание. Если и вспоминали о некоторых их высказываниях, то между строк как о высказываниях публицистов, но отнюдь не ученых.

Между тем, значение работ революционных демократов в развитии русской фольклористики огромно. Именно Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов разработали новое учение о народной поэзии, в котором народное творчество рассматривалось в связи с освободительной борьбой русского народа, а фольклористика включалась в общую систему общественно-политических и эстетических взглядов революционных демократов.

Идейное и литературное наследие революционных демократов приобретает первостепенное значение в свете марксистского учения о двух культурах в каждой национальной культуре.

В. И. Ленин писал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — при том не в виде только „элементов“, а в виде господствующей культуры».¹

Советские ученые много сделали в области изучения политических, философских и эстетических взглядов Радищева и декабристов, Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 20, стр. 8.

бова. Появились и работы, посвященные революционно-демократической фольклористике.¹

«Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении, — писал Ленин, — был еще при крепостном праве В. Г. Белинский».² Воздействие Белинского на формирование революционного мировоззрения и создание передовой русской культуры последующих поколений чрезвычайно велико. На идеях Белинского воспитывалась разночинная интеллигенция, выдвинувшая из своих рядов великих русских революционных демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Разоблачая «самодержавие, православие и народность», мистические теории славянофилов и другие формы реакционной идеологии, Белинский пробуждал в передовых людях русского общества новое отношение к народу, стремление поднять народные массы на борьбу против угнетателей. Крепостнической реакции Белинский противопоставлял программу ближайших действий русской революционной демократии.

Именно Белинский определил основные задачи фольклористики, которая призвана изучать народную поэзию: народ следует вести вперед, наука, имеющая дело с народом, должна служить целям освободительной борьбы. Народ для Белинского — огромная положительная, решающая сила, духовно богатая, но еще не раскрытая и задавленная крепостничеством. Фольклор и этнография помогают правильно понять и оценить эту силу.

Белинский нанес самый решительный удар славянофильской концепции народного творчества. Он дал великолепные образцы критической фольклористики, фольклористики боевой и публицистической, не отгораживающейся от политической борьбы и

¹ Б. И. Богомолов. 1) Борьба В. Г. Белинского за научное собрание и издание народной поэзии. Сов. этнография, 1949, № 1; 2) В. Г. Белинский и вопросы народного творчества. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук, Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). — Л. Н. Пушкирев. Из истории революционно-демократической этнографии. И. А. Худяков. Сов. этнография, 1949, № 3. — В. Г. Базанов. П. И. Якушкин. Изд. «Орловская правда», Орел, 1950. — И. М. Колесницкая. Проблемы народного быта и народного творчества в демократической литературе 1860-х годов (А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, В. А. Слепцов). Уч. зап. Ленингр. Гос. ун-в., № 158, филологический факультет, сер. филолог. наук, вып. 17. Русские революционные демократы, Л., 1952. — Е. И. Покусаев. Щедрин и устное народное творчество. Уч. зап. Саратовск. Гос. ун-в., т. XX, вып. Филологический. Саратов, 1948. — М. К. Азадовский. Народная песня революционных просветителей 40-х годов. Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, 1950, т. IX, вып. 6. — В. Е. Гусев. 1) Добролюбов и проблемы фольклористики. Сов. этнография, 1950, № 4; 2) Герцен и народная поэзия. Сов. этнография, 1951, № 3.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 223.

актуальных вопросов современности. «Исконным» началом русской народной жизни славянофилы считали патриархальность, смирение и покорность, религиозность и ненависть к социальным потрясениям. Такое понимание русского народа было ложным и глубоко реакционным. Смирение и покорность, приписываемые славянофилами русскому народу, никогда не были показательны ни для русского народа, ни для других народов, населявших Россию. Славянофилы выступали против революционной теории Белинского, они идеализировали порядки допетровской Руси. Правда, на словах славянофилы были как бы сторонниками крестьянского освобождения. Но какое освобождение имелось ими в виду? Они сочувствовали личному освобождению крестьян, но желали, чтобы основные земельные владения оставались за помещиками, не возражали и против крепостнических методов эксплуатации, приветствовали патриархальную власть помещика над крестьянином. Эти взгляды были прямо противоположны требованиям революционных демократов, вставших на путь решительной борьбы за революционное полное освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Славянофилы стремились через фольклор познать «добрую душу» народа, при изучении народного творчества они делали акцент на религиозно-нравственные мотивы, русского крестьянина изображали сусальным мужичком, которому нет дела до социальной борьбы. Из огромного богатства народной поэзии их в первую очередь интересовали духовные стихи, которые они считали особенно ценным материалом для подтверждения своих взглядов на крестьянство.

В накоплении фактического материала славянофил П. В. Киреевский сыграл свою положительную роль, но консервативность его мировоззрения сказалась и здесь, в собирании и в изучении народной поэзии. Из собрания записей песен П. В. Киреевского при его жизни были подготовлены к печати прежде всего духовные стихи, которые считались лучшим и наиболее верным показателем «народных идеалов», «подлинной народной души». Эти стихи, по мнению Киреевского, являются плодом народной фантазии, воплотившим в себе лучшие душевные переживания народа, который «любил в простоте своей украшать предметы священные своими полевыми цветами».¹

Большую роль в создании революционно-демократического направления в науке о народном творчестве сыграл Герцен. Советские фольклористы впервые указали на глубокий интерес

¹ Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. I. Русские народные стихи. Изд. имп. Общ. ист. и древн. росс., М., 1848, стр. VII.

Герцена к изучению прошлой и современной культуры русского народа. Герцен рассматривал народную поэзию в тесной связи с действительной жизнью, с подлинной историей народа, он резко осуждал славянофилов за уход в прошлое, за идеализацию феодальной старины, за «квасной» патриотизм. Взгляды Белинского и Герцена на народное творчество нашли дальнейшее развитие в трудах Чернышевского и Добролюбова в шестидесятые годы XIX века.

Это были годы, когда в ожесточенной борьбе решался вопрос о путях развития всей страны. Во главе демократического движения, отражавшего интересы русского крестьянства, попавшего после реформы 1861 года в новую кабалу, стояли Чернышевский и Добролюбов, властители дум молодого поколения, выдвинутые эпохой, революционной обстановкой шестидесятых годов, крестьянским освободительным движением. В. И. Ленин так охарактеризовал эти годы: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недопечальство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России „Колокола“, могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждения крестьян, которых „очень часто“ приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять „Положение“, обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять такое „Положение“, студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной».¹

Крестьянское движение в шестидесятые годы было жестоко подавлено. В России еще не было пролетариата, который мог бы внести организованность и политическую сознательность в борьбу крестьянства с помещиками. Несмотря на это борьба крестьян имела огромное историческое значение, «... падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, вести борьбу за полную свободу».²

Пореформенная действительность окончательно обнаружила реакционную сущность русских либералов. В решающие годы общественной борьбы либералы пошли на сговор, на примире-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26—27

² Там же, т. 17, стр. 65.

ние с крепостниками. Шестидесятые годы характеризуются борьбой двух противоположных лагерей — либерально-крепостнического и демократического, возглавлявшегося Чернышевским, Добролюбовым и их соратниками. «Либералы 1860 года и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию», — писал В. И. Ленин.¹ Если либерально-помещичий лагерь стремился разрешить крестьянский вопрос мирным путем, путем частных уступок и соглашений, то революционные демократы боролись за решительное освобождение крестьян от крепостничества и власти помещиков. Они считали, что свободу для крестьян можно получить лишь путем свержения самодержавия и экспроприации помещичьих земель.

Четкую характеристику эпохи шестидесятых годов XIX века, когда складывалось новое демократическое направление в фольклористике, дал В. И. Ленин в работе «Гонители земства и аннибалы либерализма».² Вместе с целым рядом моментов, характеризующих революционную ситуацию в то время, Ленин указал и на «студенческие беспорядки». В общественном движении студенчество не выступало как единое целое, оно отразило в своей борьбе противоречия основных борющихся классов, характерные для бурных шестидесятых годов.³

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 65.

² Там же, т. 5, стр. 26—27.

³ О студенчестве имеется ряд статей дореволюционных авторов: В. С. Иконников. Русские университеты в связи с ходом общего образования. Вестн. Европы, 1876, № 10—11. — В. Е. Якушкин. Из истории русских университетов XIX века. Вестн. воспитания, 1901, № 7. — С. Ашевский. Русское студенчество в эпоху 60-х годов. Современ. мир, 1870, № 7. — Б. Глинский. Революционный период русской истории 1861—1881 гг. Исторический очерк, ч. I. СПб., 1913, и другие. Дореволюционные исследователи пытались объяснить студенческое движение случайными причинами и не признавали его политического характера, не учитывали, что оно возникло как естественное отражение всего хода общественного развития и сформировалось под влиянием идей Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова. В работах советских исследователей — С. Гессена, В. И. Орлова, Н. Н. Фирсова, М. М. Клевенского, Б. П. Козьмина — накоплен большой материал по данному вопросу. Значению студенчества в русском революционно-демократическом движении посвящена диссертация М. П. Свищевой, в которой критически рассмотрен имеющийся материал. — «Студенчество в русском революционно-демократическом движении периода революционных ситуаций (конец 1850-х — начало 1860-х гг.)». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Академия общественных наук при ЦК ВКП(б), М., 1952.

В то время среди студенчества появились разночинцы, которых В. И. Ленин называл главным массовым деятелем освободительного движения.¹

Разночинцы, жаждущие знаний, окрыленные патриотическими стремлениями, вносили в учебные заведения недовольство существующим строем, возглавляли противоправительственные выступления, организовывали тайные студенческие общества и кружки, ставившие своей задачей разрешение политических и социальных вопросов.

Н. Г. Чернышевский придавал большое значение студенческому движению, он рассматривал передовых студентов как «основной резерв для пополнения кадров революционеров» и надеялся, что по выходе из стен университета передовые студенты не останутся в долгу перед народом.²

С. А. Покровский правильно указывает, что Чернышевский много внимания уделял руководству студенческого движения: «Особое внимание Чернышевский, — пишет С. А. Покровский, — обратил на пропаганду среди разночинной студенческой молодежи, готовя из ее среды испытанных революционеров. В Петербурге был создан специальный студенческий комитет во главе с Н. И. Утиным, Е. П. Печаткиным, Д. А. Студенским и В. Л. Гогоберидзе. Этот комитет оказывал влияние на студенческие революционные организации и в других университетских городах. Царское правительство, напуганное ростом революционного настроения среди студенчества, приняло draconические меры».³

Студенчество действительно вписало яркую страницу в историю общественного движения шестидесятых годов. Под воздействием «Колокола», «Современника» и «Русского слова» молодежь вышла из-под влияния академической науки и вступила на путь активного участия в общественной жизни. Обращения к Чернышевскому студентов, сосланных в разные концы России за участие в революционном движении, говорят о преданности их своему идейному вождю.

Борьба между крепостниками и либералами, с одной стороны, и революционными демократами, с другой, обусловила резкое столкновение двух противоположных сил в журналистике, в литературе и в науке. В области фольклористики эта идейная борьба имела свои особенности. И либералы, а иногда

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

² С. А. Покровский. Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М., 1952, стр. 103.

³ То же.

и крепостники, выдавали себя за любителей народного творчества, они даже были не прочь путешествовать по деревням, собирать и изучать произведения народного творчества. Но все это делалось ими для того, чтобы доказать верноподданический характер русского крестьянина, затушевать противоречия между помещиками и крестьянами. Революционные же демократы изучали народ в интересах самого народа, они искали в народной жизни и в народной поэзии подтверждение, опору для своих социалистических убеждений.

Революционно-демократическая фольклористика, отстаивающая интересы трудового народа, была просветительской. Характерные черты демократического «просветительства», как определяет В. И. Ленин, проявлялись в горячей враждебности «к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области», в защите «просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни», наконец в отстаивании «интересов народных масс, главным образом крестьян».¹ Революционные демократы вели решительную борьбу с самодержавно-крепостническим режимом, старым укладом и последовательно требовали уничтожения помещичьего землевладения и свободной жизни для многомиллионного крестьянства. Чернышевский и Добролюбов верили, что народ представляет собой активную силу исторического процесса и что он найдет выход из тяжелого положения путем окончательного освобождения от экономического и политического гнета.

В своей теории крестьянской революции они придавали огромное значение внесению в народные массы политического сознания. Новая, демократическая точка зрения на народ была далека от идеализации крестьянства, требовала при разъяснении политических заблуждений народа не подделываться под «мужика», а говорить с ним как с равным.²

Революционные демократы потребовали от статистики, фольклористики и этнографии отражения реальной жизни в интересах народа. Формальному, внешнеописательному народознанию была противопоставлена, таким образом, подлинная наука о народе.

Борясь против внешнего этнографизма, за глубоко реальное изображение действительности, представители демократической фольклористики с сарказмом отзывались о тех любителях на-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 472.

² С. А. Покровский. Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М., 1952, стр. 287.

родной словесности, которые ходили в народ «в лайковых перчатках». Нижегородский краевед Гацисский вспоминает, как однажды П. И. Якушкин резко осуждал экономиста Безобразова, который изучал быт волжских рыбаков с чужих слов, не зная и не понимая народной жизни, фальсифицируя ее. «Душою небольшого общества нашего был Якушкин, — рассказывает Гацисский о встрече с Якушкиным на Нижегородской ярмарке в 1864 году, — особенно остривший над экономистом Безобразовым, по поводу найденной им, в недавнем его исследовании, пристани на несудоходной реке. В остроумных насмешках Якушкина просвечивала, однако, серьезная мысль о том, как у нас исследуют народную жизнь, не выдавши вовсе ее, о том, что принимаются за эти исследования джентльмены в белых перчатках, которые подходят к ней, ворота нос, и в конце концов далеки от нее попрежнему, попрежнему видят в ней то, что им хочется, а не то, что существует в действительности.

«Да вот вам, — говорил Якушкин, — этим галантерейным исследователям изучить народную жизнь в три дня и в день описать ее плевое дело. Вот мы поехали к ловцам, вовсе их не видали, а посмотрите — уже Владимир Павлович (Безобразов, — А. Р.) завтра преподробно опишет способы ловли рыбы на Волге, быт ловцов и, пожалуй, если ему кто объяснит, различие между волжским словом „ловец“ и общим „рыбак“». ¹

Под влиянием революционно-демократического движения значительно повышается интерес к конкретным исследованиям народной жизни: поднимаются вопросы о земле, о крестьянских платежах, кустарных и отхожих промыслах, об общине, о бытовых обрядах, серьезное внимание обращается на собрание устно-поэтического творчества народа. Н. С. Курочкин в своих воспоминаниях замечал: «В разных местностях России, прежде всего в Петербурге и Москве, начали появляться какие-то необыкновенные коллежские, провинциальные и губернские секретари, которые, состоя попрежнему, как и надлежало быть, в служебной России, в разных ведомствах и департаментах, уже не удовлетворялись исполнением своих чиновничьих обязанностей и из узкой сферы отношений и предписаний уносились мыслью в область науки и литературы и задумывались о приложении своих молодых сил в общественной деятельности» (II, 50, стр. XXXIV). ²

¹ Ч. Ветринский. П. И. Якушкин в Нижнем Новгороде. Соврем. мир, 1908, № 4, стр. 45.

² Здесь и далее ссылки на работы, помещенные в «Библиографии», даются в тексте: римские цифры обозначают отдел «Библиографии», арабские — порядковый номер работы.

Вместе с общественным подъемом в шестидесятые годы заметно оживилось в русских провинциях краеведение. В обследовании народной жизни включались некоторые статистические комитеты, повысилась роль местных периодических изданий,¹ активизировало свою деятельность Русское географическое общество. В эти годы появляются настоящие энтузиасты фольклористы-сборители, печатаются классические сборники русского фольклора.² Но в этом потоке фольклорных материалов, добываемых в разных концах России, не было единого направления, материал накапливался по разным мотивам. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность тоже требует дифференцированной оценки, революционные демократы и на собиРание материала имели свою точку зрения, которая расходилась со взглядами реакционных ученых.

А. Н. Пыпин отмечал особый тип исследователя народной жизни, какого не знала прежняя литература, и именовал таких исследователей этнографами-народниками в лучшем смысле этого слова. «Их создала эпоха освобождения крестьян и других реформ, — писал Пыпин, — они вдохновились идеей служения народу, которое осуществлялось для них ревностным изучением его быта» (IV, 85, т. II, стр. 346). Справедливо указывая на появление в эпоху «освобождения» собиРателей и ученых, каких не знало прежнее время, Пыпин не понял и не раскрыл «внутреннего портрета» этого «нового народолюбца». По Пыпину русская фольклористика шестидесятых годов своими лучшими достижениями обязана П. В. Киреевскому, представителю славянофильства. В действительности же новым типом

¹ А. Н. Пыпин (IV, 85, т. II) отмечал, что официальные статистические работы впервые стали появляться с тридцатых годов прошлого века при Министерстве внутренних дел; они носили официальный характер, служили лишь административным целям, и, как правило, пропадали в архивах. В 1861 году выходят в свет первые выпуски «Списков населенных мест Российской империи» (Архангельской, Астраханской, Бессарабской губерний). С этого времени в изданиях статистических комитетов, кроме сухих цифровых отчетов, стал публиковаться научный материал по географии, истории, этнографии. К числу такого рода изданий Пыпин относил «Памятные книжки», «Записки» и «Труды» статистических комитетов.

² К 1860-м годам относятся следующие издания: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки 1856—1864 гг. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10. Изд. Общ. любит. российск. словесн., М., 1861—1871. — В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1861. — И. А. Худяков. 1) Великорусские сказки, вып. I—III. М., 1860—1862. 2) Великорусские загадки. М., 1861. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I, М., 1861; ч. II, М., 1862; ч. III, Петрозаводск, 1864; ч. IV, СПб., 1867. — Л. Н. Майков. Великорусские заклинания. СПб., 1868. — Записки Русского географического общества, отд. этнографии, т. II, 1868. К 1859 году относятся первые публикации песен, собранных П. П. Шейном («Чтения Общества истории и древностей российских», кн. 3).

исследователя являлись последователи революционных демократов, они-то и создали новое направление в русской фольклористике. Для фольклористов-разночинцев фольклор не существовал ради фольклора, они ставили задачей фольклористики, как уже было сказано, изучение действительности, реальной жизни народа с тем, чтобы делать политические выводы о внутреннем состоянии России, о положении и нуждах крестьянства. Буржуазные историки литературы не хотели и не могли дать правильной оценки деятельности Рыбникова, Худякова, Якушкина, Ефименко, они или совсем исключали из истории русской фольклористики представителей демократического лагеря или деятельности их давали ложное истолкование. Так, А. Н. Пыпин смешивал воедино представителей совершенно противоположных взглядов и направлений, преувеличивая значение славянофильской фольклористики. Ясно, что славянофильские идеи, воодушевлявшие и Киреевского и Хомякова, не могли быть почвой для развития передовой фольклористики. Б. И. Богомолов совершенно справедливо указывает, что «„славянофильское народолюбие“ и „патриотизм“ быстро обнаружили свою ограниченность и приобрели реакционный характер».¹

Во взгляде на народную поэзию Киреевский руководствовался теорией «официальной народности», сущность которой сводилась к ложному утверждению, что русский народ по природе своей религиозен, стоит за царя и доволен существующим строем. Характерной чертой славянофильской фольклористики являлись поиски такого «самобытного» пути русского исторического развития, который якобы не мог быть революционным.

Революционно-демократическая фольклористика боролась со славянофильской фольклористикой и с либерально-дворянским «народознанием», пытавшимся низвести народ до серой безликой массы, лишенной самостоятельного исторического значения и собственной культуры. Подобная точка зрения особенно отчетливо сказалась в те годы в трудах Милюкова² и была резко осуждена Н. А. Добролюбовым. «Мы не можем, — писал Добролюбов в своей рецензии на книгу Милюкова, — согласиться с г. Милюковым, который все безобразие русских сказок и песен складывает на народность и говорит, что от нее нечего было ожидать без коренной реформы. Мы думаем, что у нас нет достаточно данных для того, чтобы обвинять народность в безобразиях поэзии и даже самой жизни, а есть, напротив,

¹ Б. И. Богомолов. Борьба В. Г. Белинского за научное собрание и издание народной поэзии. Сов. этнография, 1949, № 1, стр. 134.

² А. П. Милюков. Очерки истории русской поэзии. 1-е изд., 1847; 2-е изд., 1858.

данные, позволяющие видеть причину их в обстоятельствах пришедших извне».¹ Добролюбов вскрывал подлинно народные и наносные мотивы в фольклоре, противопоставляя народные сказки духовным стихам.

Для революционных демократов народная поэзия, народные верования и обряды, кроме своей исторической, этнографической и эстетической ценности, имели огромное общественное значение, весь этот материал привлекался ими для решения основного вопроса — освобождения народа. Вопрос о поэзии народа, таким образом для Чернышевского, Добролюбова и других революционных демократов, приобретал первостепенное теоретическое и практическое значение и являлся неотъемлемой частью их политических взглядов. Статья «О степени участия народности в развитии русской литературы» Добролюбова стала программной для всей передовой молодежи. В противоположность славянофилам, рассматривавшим народную поэзию как отражение патриархального периода в жизни русского народа, Добролюбов считал ее зеркалом подлинной народной жизни.

В своей рецензии на сказки Афанасьева Добролюбов снова подчеркивал необходимость расширить изучение народной поэзии до изучения реальной действительности: «Но дело в том, — писал Добролюбов, — чтобы иметь возможно полное и ясное наглядное понятие об этих курных избах и лохмотьях, об этих пустых щах и гнилом хлебе. Без знания этого невозможно никакое усовершенствование в народном быте».² В народной поэзии революционные демократы видели самый надежный источник подлинной народности в литературе. По их мнению, русская классическая литература своими лучшими образцами обязана народной жизни и народной поэзии, отражающей эту жизнь. В историко-литературных построениях Чернышевского и Добролюбова народное творчество занимало очень важное место, проблема народности, выдвинутая и разрешенная революционными демократами, предполагала союз между художественной литературой и народной поэзией, между писателем и народом. Творчество лучших писателей-реалистов (Пушкина, Гоголя, Островского, Тургенева, Толстого) под-

¹ Н. А. Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы. Полн. собр. соч., под ред. П. И. Лебедева-Полянского, т. I, М., 1934, стр. 203—245. Впервые напечатано в «Современнике» (1858, кн. II, отд. II, стр. 113—167).

² Н. А. Добролюбов. Народные русские сказки, изд. А. Афанасьева. В. III и IV, М., 1858. Полн. собр. соч., т. I, М., 1934, стр. 431.

тверждает правоту концепции Чернышевского. Революционные демократы требовали от писателей не фольклорной стилизации, не подделок под народную словесность, а отражения чаяний народных, художественной правды, которой не могло быть без знания народной жизни и народной психологии. Отсюда их повышенный интерес к этнографии и фольклору, к методике собирания этнографических и фольклорных материалов.

Революционные демократы неоднократно обращали внимание на важность собирания и издания драгоценных памятников народного творчества. Русская этнографическая наука и фольклористика многим обязаны советам и указаниям революционных демократов. Уместно вспомнить отзывы В. Г. Белинского о работе краеведов: «Какой благодарности, — писал Белинский, — заслуживают те скромные бескорыстные труженики, которые с неослабным постоянством, с величайшими трудами и жертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели забвения».¹ О необходимости собирания народного творчества напоминал в свое время и Герцен: «Ныне во всей Европе с величайшим вниманием собираются малейшие частности быта простого народа, в котором преимущественно сохранились и поверья и предания древности... но не одни обычаи былых времен важны, с ними рядом стоят и настоящие обряды, которыми сопровождает народ важнейшие события своей жизни, как свадьбы, похороны».² В рецензии на сборник сказок Афанасьева Добролюбов указывал также на необходимость собирания фактического материала: «... нам кажется, что на излишество фактов и через сто лет нельзя будет пожаловаться у нас; а теперь, напротив, приходится постоянно сожалеть о недостатке фактов, с толком подмеченных и добросовестно обнаруженных».³

Фактически вопрос о двух типах собирателя решил окончательно А. М. Горький, выделив и подчеркнув принципиальное отличие тех собирателей, которые имели дело с народом, а не с помещичьими хорами, получали материал непосредственно из уст народа, а не «из вторых рук». Горький особенно ценил П. И. Якушкина, который записывал произведения на ярмарках, в кабаках, на базарах. Исправляя искажения своей статьи «О Василии Слепцове»,⁴ Горький писал в редакцию «Литера-

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., под ред. Венгерова, т. III, СПб., 1901, стр. 448.

² А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. II, П., 1919, стр. 241.

³ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. I, М., 1934, стр. 431.

⁴ Статья «О Василии Слепцове» была впервые опубликована в Бер-

турного наследства»: «Выпало место, где я сравнивал Слепцова как наблюдателя с Якушкиным, противопоставляя их Рыбникову, Киреевскому, Сахарову и др., которые собирали материал фольклора — песни от помещичьих хоров, т. е. материал цензурованный помещиками, искаженный. Якушкин „черпал“ его непосредственно из уст народа, на сельских ярмарках, на базарах» (II, 80, стр. 166).¹

Говоря об истинном собирателе народной словесности и противопоставляя Слепцова и Якушкина «степному помещику» П. В. Киреевскому, Горький не знал, что и П. Н. Рыбников, подобно Якушкину, тесно общался с народом, записывал народные произведения от непосредственных носителей фольклора. Горькому неизвестны были позднейшие материалы о Рыбникове, свидетельствующие о принадлежности его к числу передовых ученых, имевших дело с подлинным народным творчеством.² Совершенно справедливо отмечено исследователями, что в данном случае важна общая оценка Горьким принципов собирания — требование точной записи народных произведений, которые передавали бы истинное содержание народной поэзии без каких-либо ее искажений.³

Теоретические вопросы, связанные с изучением народа и его устно-поэтического творчества, были поставлены В. Г. Белинским, А. И. Герценом, Н. А. Добролюбовым и Н. Г. Чернышевским. Практическое решение этих вопросов выпало на долю их последователей и сторонников, собирателей и исследователей народного творчества. К числу последних принадлежат фольклористы-шестидесятники И. А. Худяков, П. И. Якушкин, И. Г. Прыжов, П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко и другие. Собирая и изучая народное творчество, они во многом сумели претворить в жизнь требования своих учителей. Поэтому наряду с теоретическим наследием Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова существенный интерес представляет наследие

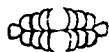
лине в издательстве Гржебина в 1923 году. Издательство внесло в статью Горького «исповедания», которые затемнили ее подлинный смысл. Горький обратился в «Литературное наследство» с письмом (от 30 марта 1923 года), в котором восстановил свой взгляд на собирательскую деятельность В. А. Слепцова.

¹ Возможно, что на оценку Рыбникова А. М. Горьким повлиял тот факт, что «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» были изданы П. А. Бессоновым, который придерживался явно реакционных позиций и совершенно не знал народной поэзии в ее живом бытовании.

² Впоследствии Горький положительно отзывался о Рыбникове (об этом см. стр. 55).

³ Б. Бялик. О Горьком. Статьи. Изд. «Сов. писатель», М., 1947. — Н. К. Пиксанов. Горький и фольклор. Изд. 2-е, Л., 1938.

тех собирателей народной словесности, которые находились под непосредственным влиянием революционных демократов. Для широкого и всестороннего изучения революционно-демократической фольклористики предстоит сделать еще очень много: необходимы архивные разыскания, обращение к периодическим изданиям, изучение губернских «Памятных книжек» и газет. Из отдельных исследований постепенно должна быть создана история русской фольклористики, где революционные демократы получат всестороннюю оценку.

П. Н. РЫБНИКОВ И П. С. ЕФИМЕНКО В ГОДЫ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1

При изучении истории русской фольклористики должна быть отмечена деятельность двух крупных представителей демократического направления — Павла Николаевича Рыбникова и Петра Саввича Ефименко, занимавшихся собиранием и изучением народного творчества в Олонецкой и Архангельской губерниях. Без Рыбникова и Ефименко будет неполной общая картина передового движения в русской фольклористике.

Деятельность П. Н. Рыбникова и П. С. Ефименко не была предметом специального изучения. Имя Рыбникова упоминается во многих работах по истории русской этнографии дореволюционных авторов, но упоминания и краткие сообщения не дают подлинного представления об общественной и научной деятельности этого видного представителя передовой русской фольклористики.

Дореволюционные ученые считали Рыбникова последователем славянофилов (А. С. Хомякова и К. С. Аксакова), сторонником славянофильских взглядов на народ и народное творчество. Очень схематичные и непроверенные сведения о Рыбникове были даны в свое время А. Н. Пыпиным (IV, 85, т. II, стр. 61), повторившим в какой-то степени сообщения учителя Петрозаводской гимназии В. Модестова (II, 52). Указывая на ясно выраженный интерес Рыбникова к всестороннему изучению народной жизни и отмечая его широкую образованность, начитанность, знание истории и народной жизни, буржуазно-либеральный историк литературы не был в состоянии правильно осветить демократическую направленность работы Рыбникова и все объяснял влиянием славянофилов, прежде всего, — А. С. Хомякова. Пыпин полагал, что кружок Хомякова сыграл

решающую роль в формировании взглядов молодого Рыбникова.

Значительные данные о Рыбникове приведены во вступительной статье А. Е. Грузинского ко второму изданию «Песен», собранных П. Н. Рыбниковым (II, 69). Грузинский использовал дополнительно ряд источников, значительно подробнее осветил биографию Рыбникова. В распоряжении биографа были письма Рыбникова к знакомым, воспоминания сестры Рыбникова (С. Н. Карзинкиной) о студенческих годах, некоторые документы из архива Московского университета, где учился П. Н. Рыбников, краткие воспоминания университетских товарищей, наконец, свидетельства собирателя Е. В. Барсова. Кроме того, Грузинский использовал отдельные сведения из местной (олонецкой) периодической печати, в которой Рыбников сотрудничал. Однако и Грузинский ошибочно продолжал считать Рыбникова сторонником славянофилов. Правда, биограф указывал, что Рыбников расходился с Хомяковым в политических убеждениях, но тут же замечал, что основным разногласием между ними был вопрос о роли личности в обществе. «Это разногласие, — писал Грузинский, — неминуемо выступало, разумеется, и в религиозных, и в философских, и в нравственных вопросах, также, как, например, в понимании русской истории и будущих путей народного развития» (II, 69, стр. XX). Что касается непосредственно изучения народного быта и духовной жизни крестьянства, то здесь Рыбников, по мнению Грузинского, находился под сильнейшим влиянием славянофильского кружка (II, 69, стр. XXI).

Подобного же мнения придерживался М. Сперанский, который обратил внимание на точность записанных Рыбниковым текстов былин и на особый интерес собирателя к самим певцам. Наблюдения Рыбникова, по выражению Сперанского, «были значительным шагом вперед в знакомстве с былинной». С появлением «Песен» Рыбникова «стало возможным обстоятельное, научное исследование русского былевого эпоса». Отмечая заслуги Рыбникова, Сперанский не раскрывал существа его собирательской и исследовательской деятельности и ограничивался самыми общими замечаниями. Следуя за Пыпиным и Грузинским, Сперанский также считал Рыбникова славянофилом. «В частности, — писал Сперанский о Рыбникове, — он интересовался мирозерцанием русского народа, поскольку оно отразилось у наших старообрядцев, которых он считал как наименее затронутыми западной культурой, хранившими древнее созерцание» (IV, 102, стр. 39).

Кроме указанных работ о Рыбникове, имеются отдельные

воспоминания, мелкие заметки и некрологи, которые сообщают важные биографические сведения, но не вносят ничего принципиально нового в общую оценку Рыбникова-фольклориста (см. Библиографию о П. Н. Рыбникове в конце книги).

Советские ученые восстановили реальную биографию П. Н. Рыбникова, биографию отнюдь не славянофильскую. М. Клевенскому в одном из архивов в 1928 г. удалось разыскать дело «О сборищах на квартире студента Рыбникова».¹ Рыбников тогда (1854—1859) был студентом Московского университета, в его квартире собиралась передовая студенческая молодежь, чтобы поспорить об исторических судьбах русского народа, о смысле народности, а также определить свое отношение к тому или иному общественному и научному течению. В противоположность славянофильскому кружку студенты образовали свой кружок под названием «Вертеп».²

В статье «Вертепники» Клевенский не дал вполне ясного представления о политической направленности студенческого кружка и не подчеркнул особой роли Рыбникова, но основной вывод сделан был правильно: «„Кружок вертепников“, возникший еще до того, как признанным руководителем молодежи стал Чернышевский, заполнял некоторый пустой промежуток в развитии социалистической мысли» (II, 77, стр. 42). Клевенский обратил внимание на несостоятельность мнения ученых, старавшихся возводить Рыбникова к славянофильскому влиянию. Опираясь на материалы, опубликованные М. Клевенским, М. К. Азадовский причислил Рыбникова «к той же генерации фольклористов, что и Худяков и Прыжов, идейным вождем которой был Добролюбов».³ В статье Азадовского особенно подчеркивалось влияние Добролюбова на Рыбникова. Наконец, Рыбникову посвящена глава в книге В. Г. Базанова «Народная словесность Карелии» (II, 88, стр. 30—52). В работах Клевенского, Азадовского, Базанова освещена деятельность Рыбникова и поставлен вопрос о русской демократической фольклористике, о своеобразии этой фольклористики. И все же тему о Рыбникове нельзя считать законченной. До сих пор ничего не сказано о связи кружка вертепников с другими студенче-

¹ В настоящее время дело «О сборищах на квартире студента Рыбникова» хранится в Московском областном историческом архиве (оп. 48, св. 148, л. 240, 1858 г. Дело Канцелярии московского генерал-губернатора по секретной части).

² Можно предположить, что название «Вертеп» применялось участниками кружка иносказательно, в ироническом смысле, так как с точки зрения правительства подобные кружки были вертепами.

³ М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Гос. Изд. худож. литер., Л., 1938, стр. 188.

скими кружками, недостаточно поставлено в связь участие Рыбникова в студенческом движении с последующей деятельностью собирателя и т. п.

Необходимо, по возможности, дать полную характеристику деятельности Рыбникова, уточнить его место как собирателя и исследователя народного творчества, обобщить имеющийся материал и внести окончательную ясность в вопрос об участии Рыбникова в революционно-демократическом движении 50—60-х годов. Нами заново пересмотрена периодическая печать Олонецкой губернии¹ и архивное дело о П. Н. Рыбникове, использованное М. Клевенским. В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина и в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде нам удалось найти несколько неопубликованных писем Рыбникова от 1859, 1860 и 1864 годов, в которых содержатся новые сведения.

О П. С. Ефименко литература значительно беднее, нежели о Рыбникове. В 1887 году была опубликована очень краткая биография Ефименко, где речь шла о последнем периоде его жизни (1880—1890-е годы), проведенном на юге.² Эта биография, очевидно, легла в основу данных, сообщаемых о Ефименко А. Н. Пыпиным (IV, 85, т. II, стр. 347). Характеризуя изучение народной жизни в связи с общественным движением, Пыпин указывал на важное значение материалов из русской провинции: на «Губернские ведомости» и «Памятные книжки», где публиковались ценные этнографические и исторические материалы. Пыпин называл целую группу местных историков и краеведов и среди них упомянул П. С. Ефименко (IV, 85, т. II, стр. 310—311). Не отрицая, что Ефименко внес посильный вклад в изучение народных обычаев и этнографии северной части России, Пыпин все же считал его этнографом родного ему юга. Он замечал: «Но и по происхождению, и по характеру, и по вкусам Петр Саввич — южанин и, только попавши снова на юг, в Воронеж, Самару, Чернигов и, наконец, в Харьков, он почувствовал себя в своей тарелке» (IV, 85, т. II, стр. 347—348). Между тем Ефименко, сосланный за участие в «противоправительственной деятельности», в студенческом движении и ранних революционных кружках, провел на севере России десять лет (1860—1871) и за это время он много сделал для изучения северного края.

¹ «Олонецкие губернские ведомости» за 1838—1870 гг.; «Памятные книжки Олонецкой губернии» за 1858—1870 гг.

² Харьковский сборник, под ред. чл. секр. В. И. Касперова. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю» на 1887 г., вып. II, Харьков, 1888.

О фольклорно-этнографических занятиях П. С. Ефименко на севере, о важности для науки «Сборника народно-юридических обычаев Архангельской губернии» (1869) и «Материалов по этнографии русского населения Архангельской губернии» (1877—1878) говорилось мало и неопределенно. Несколько беглых замечаний посвящено Ефименко в трудах М. Сперанского (IV, 102) и М. С. Архангельского (IV, 101), но из многообразных жанров, представленных в сборниках Ефименко, Архангельского заинтересовали только заговоры, отличающиеся, по его словам, «свежестью и картинной изобразительностью». Ни Сперанский, ни Архангельский не раскрыли истинных целей фольклорно-литературной деятельности Ефименко, они не пошли дальше Пыпина.

Таким образом, П. С. Ефименко был известен в научной литературе прежде всего как этнограф и исследователь народного права, его общественная биография была освещена слабо, почти ничего не было сказано о его политической деятельности. Только в год смерти П. С. Ефименко (1908) вышла в свет статья М. Лемке (IV, 94),¹ где сообщалось о студенческой революционной организации в Харькове, здесь же говорилось о принадлежности к ней П. С. Ефименко. Но эти важные факты не ставились в связь с дальнейшей судьбой Ефименко, с его фольклорно-этнографическими занятиями. При публикации материалов о П. Н. Рыбникове и кружке вертепников М. Клевенский упомянул, что по делу Рыбникова давал показания Ефименко. Однако и этот интереснейший факт политической биографии Ефименко, проливающий свет на связи между московским и харьковским студенческими кружками, не был достаточно изучен.

Изучение следственных и других архивных материалов помогло установить, что Ефименко в молодости принимал непосредственное участие в революционно-демократическом движе-

¹ Дополнительные сведения о харьковском тайном обществе и об участии в нем Ефименко были сообщены М. Лемке в примечаниях к «Полному собранию сочинений и писем» А. И. Герцена (т. XV, Пгр., 1920, стр. 317—320). Значительно позже Б. П. Козьмин указывал, что харьковское тайное общество и кружок «Вертеп» в Москве были самыми ранними студенческими объединениями и что харьковское тайное общество прекратило свое существование в 1857 году (IV, 104, стр. 125—139). Утверждение Б. П. Козьмина о прекращении существования харьковского тайного общества в 1857 году опровергается исследованием М. П. Свицовой «Студенчество в русском революционно-демократическом движении периода революционных ситуаций (конец 1850-х—начало 1860-х годов)». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). М., 1952.

нии. Из архивных дел о харьковском кружке становится очевидным, что Ефименко, начав свою деятельность в харьковском кружке, продолжил ее в Москве, в кружке вертепников (V, 17, ч. 155, лл. 21, 24 и др.). Здесь же завязались политические связи Рыбникова с Ефименко. Кружки эти имели много общего в политической программе, в частности члены того и другого кружка считали своей обязанностью заниматься изучением народной жизни.

П. С. Ефименко принадлежал к тому типу исследователей, что и Худяков, Прыжов и Рыбников. Дальнейшая судьба Рыбникова и Ефименко тоже показательна: Рыбникова ссылают в Карелию, а Ефименко в Архангельскую губернию. В годы ссылки и Рыбников и Ефименко, каждый самостоятельно, продолжают изучение народной поэзии. Пребыванию Ефименко в Архангельской губернии посвящена специальная глава нашей работы.¹ Архивные документы (V, 23 и др.) дают ряд дополнительных сведений о Ефименко в Архангельской ссылке, раскрывают его деятельность как исследователя русского севера, как собирателя и как организатора краеведческого изучения Архангельской губернии.

2

Фольклористические интересы П. Н. Рыбникова и П. С. Ефименко в годы ссылки на севере не могут рассматриваться в отрыве от их более ранней общественной и политической деятельности. Попав на север, они продолжали изучать народную словесность и народный быт не только потому, что оказались в провинции, в благоприятной для собирательской деятельности обстановке. Их интересы к народному творчеству берут свое начало в революционно-демократическом движении шестидесятых годов, участниками которого они являлись. Изучением народного быта и народного творчества Рыбников и Ефименко занимались еще до ссылки. Можно утверждать, что и сама ссылка была в какой-то мере результатом их ранних «хождений в народ». На север они приехали сложившимися людьми, прошедшими школу общественной борьбы: оба в пятидесятые-шестидесятые годы участвовали в студенческом

¹ При написании этой главы были использованы из местных периодических изданий: «Черниговские губернские ведомости» за 1859—1864 г., «Архангельские губернские ведомости» за 1838—1874 г., «Архангельские памятные книжки», «Труды Архангельского статистического комитета»; из центральных периодических изданий — «Киевская старина», «Русская старина», «Юридический вестник» и др.

движении — Рыбников в Москве, Ефименко в Харькове. Ефименко являлся одним из организаторов кружка в Харьковском университете, а Рыбников фактически возглавлял московский кружок вертепников.

Кружок вертепников состоял главным образом из демократической молодежи. В него входили московские студенты-филологи: П. Н. Рыбников, М. Я. Свириденко, А. Козлов, И. Рассадин, А. Котляревский и другие. Они собирались (чаще на квартире Рыбникова), чтобы поговорить о будущности России, об изменении самодержавного правления на республиканской строй. Это была активная молодежь, жадно воспринимавшая новые общественные веяния, увлекавшаяся передовой журналистской, чутко откликавшаяся на современные события. Многие из них оказались в 1858 году в «списке неблагонадежных лиц», а впоследствии были подвергнуты ссылке в отдаленные губернии России. Студент И. П. Деркачев вспоминает, что Рыбников пользовался большой популярностью среди товарищей, всегда выступал на собраниях, его страстные речи переписывались и заучивались наизусть (II, 77, стр. 34). О выступлениях Рыбникова в студенческие годы его сестра С. Н. Карзинкина писала: «Он (Рыбников, — А. Р.) часто говорил на сходках и все время был под надзором полиции» (II, 69, стр. XIV).

М. Клевенский правильно отмечал, что студенческие кружки пятидесятых годов еще мало изучены. Между тем эти кружки, соединявшие эпоху Белинского с эпохой Чернышевского, сыграли свою роль в развитии передового общественного движения. Д. М. Погодин (сын историка) свидетельствует в воспоминаниях о вертепниках: «Молодые люди этого кружка зачитывались Фейербахом, Ренаном и всем, что писалось с целью колебания веры в бога и полного отрицания его существования».¹

Политическая программа вертепников не сохранилась, да и едва ли она была написана. Но о ней все же можно судить по тем сведениям, которые поступали от полицейских агентов в III отделение и доходили до императора. В докладе оберполицеймейстера Кропоткина на имя князя Долгорукова говорилось: «Постоянно с вечера по вторникам бывали у него (Рыбникова, — А. Р.) разного рода посетители... и просиживали за полночь... посетители эти были учащиеся и получившие образование в университете. Всех посетителей, несмотря на квартиру, состоящую из одной комнаты, иногда бывало до 20 и более: замечательнее же были обладающие более других даром

¹ Д. М. Погодин. Из воспоминаний. Истор. вестн., 1892, № 4, стр. 39—40.

слова Свириденко, Власьев и Козлов, а первенствовал Рыбников. Собрания эти назывались неизвестно почему-то вертепом, а бывшие там вертепниками, которые называют себя социалистами. . . Тут будто бы Рыбников читал какие-то свои переводы, читались сочинения в рукописях, и сверх того сочинения, издаваемые за границей Герценом. . . Кроме Хомякова и Аксакова, все общество, бывшее у Рыбникова, проникнуто духом атеизма и безначалия. Вообще Рыбников и Козлов образа мыслей весьма вольного, при разговорах о политических предметах рассуждают, что в России следует сравнять все сословия, учредить все должности по выборам общества, а не по определению от правительства, изменить по духу времени все законы государства и применить систему держав западных; в обществе студентов они носят название вольных мыслителей, сеющих семена правды и истины, и что они приверженцы идей и мыслей Герцена, которого почитают с подобострастием и называют мучеником за отчизну» (II, 77, стр. 23, 30, 31). Увлечение Герценом подчеркивалось в полицейских доносах неоднократно. Так, в секретном рапорте того же Кропоткина от 9 июня 1858 года на имя московского генерал-губернатора сообщалось: «Вероятно, что единомышленники Рыбникова одушевляются не одним Рыбниковым, а преимущественно сочинениями Герцена» (V, 1, л. 25).

В кружке вертепников бывали славянофилы А. С. Хомяков и К. С. Аксаков. Но едва ли они присутствовали на конспиративных собраниях, где раздавались голоса в защиту революции и вопрос шел о ликвидации сословий. Видимо, вертепники приглашали Хомякова и Аксакова на те заседания, где разговоры шли не о политике, а о народной жизни и народной поэзии. С другой стороны, приглашение известных и «благонадежных» славянофилов отводило от кружка правительственные подозрения и делало его более легальным. В беседах сравнительно нейтрального характера тоже не было единства мнений, Рыбников и Свириденко спорили с Хомяковым. В этом легко убедиться по воспоминаниям кружковцев. П. И. Деркачев, например, писал: «Мы, студенты, искавшие истины, сидели рядышком вдоль просторной комнаты, а перед нами в рубашке-косоворотке, с поджатой под себя ногой восседал на диване А. С. Хомяков. Вел он одушевленный спор почти всегда с одним и тем же достойным противником его по словоизвержению, со студентом Свириденко . . . Спорили Хомяков и Свириденко между собою очень красиво и достаточно горячо».¹ О горячих

¹ П. И. Деркачев. Воспоминания о студенческой жизни. М., 1898, стр. 230—233.

спорах молодежи свидетельствует П. С. Ефименко: «На собраниях я несколько раз видел Хомякова, К. С. Аксакова и один раз Самарина и Ивана Сергеевича Аксакова. Тут же ... происходили споры об общине, о народности в науке, о родовом быте и прочее» (II, 77, стр. 28). Несомненно, что под прочими спорами разумелись и политические разногласия. «Предметом для споров, — говорил Ефименко, — иногда служило учение социалистов, защитниками которого были какие-то учителя корпуса, также Рыбников и Свириденко. Хомяков же и Аксаков восставали против этого учения» (II, 77, стр. 28). Рыбников, как об этом свидетельствует Ефименко, выступая в спорах с Хомяковым о «чудесах», утверждал свою точку зрения, ссылаясь на Фейербаха; Хомяков с ним не соглашался, опровергая мнение Фейербаха. Подобные сведения сообщает Ефименко и в автобиографических заметках: «Я учился год в Москве, где посещал известный тогда кружок студента П. Н. Рыбникова (будущего известного этнографа) с социалистическими западническими тенденциями, куда к нам, к молодежи, приходили известные московские славянофилы для дебатов, из коих на меня особенное впечатление производил К. С. Аксаков» (V, 15).

Конечно, А. Е. Грузинский ошибался, когда отрицал революционный характер кружка вертепников (II, 69, стр. XX). Буржуазный исследователь не уделил должного внимания политическим взглядам Рыбникова, вернее, он их не понял и в какой-то степени исказил, заявив, что вертепники и славянофилы спорили о роли личности в истории и Рыбников придерживался узко индивидуалистических концепций. Кстати, проблеме личности Рыбников решал не с позиций идеалистической философии, как это думал А. Е. Грузинский, а именно в духе философии революционных демократов, выступающих в защиту свободной личности, протестующей против феодально-крепостнического произвола. Отголоском ранних воззрений Рыбникова по этому вопросу является его незаконченная статья о Толстом. В условиях крепостнической действительности, утверждал Рыбников, нет возможности для развития личности. Всякая попытка к свободному развитию личности осуждена на гибель. «Вот почему, — говорил Рыбников, — образованной русской личности' тяжело жить в великой русской жизни. Если она выходит из традиционных рамок, ее гонит в бесплодное отрицание нигилизм; если она приобщается своему племени, ей надобно наложить на себя печать смирения, вступить в казенную церковь, подчиниться безусловно всякой обрядности, начинать с постного масла, и отказаться от всякого самостоятельного мышления» (II, 69, стр. LVIII). О том, как остро чувствовал

Рыбников непримиримость своего мировоззрения с реакционным направлением славянофилов, свидетельствует его письмо, написанное после смерти А. С. Хомякова и обращенное к сыну покойного славянофила. Рыбников писал: «И для нашего времени „мир твоему праху“ может означать, например, окончание борьбы, но я расходился с ним (Хомяковым, — А. Р.) в веротерпимости и видел в нем благородного представителя одного из известных мне мировоззрений, на которые люди разделены по необходимости, а потому мне не нужна эта формула» (II, 69, стр. XX). Рыбников спорил с Хомяковым, но это не значит, что они были личными врагами, борьба партий не означала личной вражды. Хомяков был и оставался для Рыбникова видным поэтом и ученым, «благородным представителем» определенного общественного направления. В годы ссылки Рыбников постоянно переписывается с К. Аксаковым — представителем того же направления. Напомним, что П. И. Якушкин, сотрудничавший в «Современнике» и находившийся под влиянием Чернышевского, тоже переписывался с Аксаковыми. Наивно думать, что между литераторами и учеными противоположных направлений не было личных знакомств, встреч и совместных дискуссий.

Демократическая фольклористика создавалась не в дворянских салонах и в кабинетах Буслаева и Аксакова. Она развивалась вместе с революционно-демократическим движением и этим движением была порождена.

Якушкин, например, покинул IV курс математического факультета Московского университета и пошел в народ, он отказался от меценатства Киреевского и соединил свою судьбу с «Современником», был непререкаемым участником молодежных кружков, общался со Свириденко, посещал Чернышевского, пока III отделение не посадило его в «чугунку» и не отправило подальше, в Орловскую губернию, под надзор губернатора. Худяков учился в Казанском университете и, будучи студентом, принимал участие в революционной пропаганде. Тогда же, в студенческом кружке, Худяков решил издавать книги для народа, заниматься изучением народного творчества.

Другой будущий исследователь севера, Ефименко, был организатором харьковского студенческого кружка и принимал участие в деятельности кружка вертепников.¹ Через Ефименко

¹ В статье «Вертепники» Клевенский сообщал, что по делу вертепников давал показания Ефименко, но не раскрывал вопроса о принадлежности его к «Вертепу». М. К. Азадовский в статье «Добролюбов и русская фольклористика» (Литература и фольклор, Гос. Изд. худож. лит., Л., 1938), говоря о «Вертепе», вскользь упомянул: «Как-то был связан с этим кружком и Ефименко».

осуществлялось общение между харьковским студенческим обществом и кружком вертепников.

О харьковском тайном кружке частично писал М. К. Лемке (IV, 94; 103, т. XV, стр. 317—320), Б. Б. Глинский (IV, 98, стр. 114—118), С. С. Татищев (V, 45), Б. П. Козьмин (IV, 104, 125—139). Харьковское тайное политическое общество, вместе с другими кружками второй половины 1850-х годов, рассмотрено в указанной диссертации М. П. Свинцовой. Некоторые архивные материалы позволяют осветить деятельность этого кружка более подробно, указать на связи его с другими кружками и выделить участие в нем будущего исследователя севера П. С. Ефименко. Именно за участие в этом кружке Ефименко и оказался в ссылке.

Харьковский кружок ставил своей целью произвести правильный переворот в России путем революционной пропаганды в народе. Возникший в 1855 году, этот кружок был раскрыт лишь в феврале 1860 года, а 1 апреля того же года в «Колоколе» уже сообщалось: «В Петропавловской крепости велено приготовить казематы. На-днях ждут 12 студентов Харьковского и Киевского университетов, обвиненных в революционном образе мыслей и революционных замыслах» (IV, 103, т. X, стр. 272).

Особая комиссия под председательством статс-секретаря князя А. О. Голицына, назначенная царским правительством для расследования дела харьковского кружка, установила, что организатором его была группа студентов: М. Д. Муравский, Яков Бекман, П. В. Завадский и П. С. Ефименко. При дознаниях член кружка Бекман показал, что внимание их было сосредоточено главным образом на освобождении крестьян (V, 21, ч. 7, л. 70). Кружок сознательно шел на сближение с простым народом — крестьянами и раскольниками. В воспоминаниях студента Петербургского университета Л. Ф. Пантелеева неправильно сообщается, что никакого политического общества в Харьковском университете не было, а существовал просто замкнутый кружок, задававшийся просветительными целями (II, 67). Следственные дела харьковского кружка опровергают это утверждение.

При первоначальном допросе член кружка М. Д. Муравский отрицал существование тайной организации. Он говорил, что в 1857—1858 годах участники их группы разочаровались в революции и возложили все надежды на «мирное развитие», на благое намерения Александра II «пойти навстречу народу». Вероятнее всего, что такое признание Муравского было вызвано стремлением смягчить свою участь. И все же Муравский не мог

скрыть главного: общество существовало и на собраниях ставились вопросы о подготовке в России восстания. Речь шла и о судьбе императорской фамилии, предполагалось выслать царскую семью за границу, но потом было решено ее истребить, чтобы навсегда обеспечить спокойствие государству (IV, 94, стр. 230—231). До второй половины 1856 года деятельность общества состояла в собирании, переписывании и распространении вольнолюбивых сочинений, прокламаций и пародий на манифест об окончании восточной войны. В распространении этих сочинений принимали участие М. Д. Муравский, П. В. Завадский и П. С. Ефименко. Но уже тогда, в 1855 году, Ефименко организовал другое студенческое общество, называемое «Пасквильным комитетом», которое занималось непосредственным обличением правительства.¹ Оба общества слились в одно в конце 1856 года и поставили перед собой в качестве основной задачи — изменение существующего строя в России на республиканский, а ближайшей целью — содействие по мере возможности этому перевороту.

Призывы к свержению самодержавия нашли отражение в переписке студентов, попавшей впоследствии в III отделение. В одной из прокламаций, адресованной студенту Харьковского университета Тышинскому, говорилось: «Теперь мы уважаем то, что прежде считали каким-то святотатством, какою-то в высшей степени заносчивою дерзостью. Я подразумеваю тут благородные порывы людей энергических, старающихся более или менее воспитанием в казенных заведениях или по программам, высочайше утвержденным; потрясти веру в неприкосновенность верховной власти и ее главы, хотя бы эта глава была одержима бесом зла и тупоумия и хотя бы цель ее была уничтожить у нас на родине все разумное, молодое, гениальное, но не верноподданническое, прибегая при том для этого к средствам самым возмутительным. Удивительно, однако, какой страх навели на всех у нас виселица, тюрьма, палач и кнут. Все так запуганы земным идолом и жандармами, что боятся нарушить законы основы больше, чем законы природы, несмотря на то, что основные законы предписаны не народом, не сердцем, не умом, не любовью к родине и человечеству, а каким-то полупьяным,

¹ Членами этого общества был составлен для распространения обличительный документ на бывшего харьковского генерал-губернатора Кокоткина, считавшего основой всякого обучения муштру и сожалеющего, что в университете нет специальной кафедры «дисциплины» (П. Вейнберг. Харьковский университет в 50-х годах. Русск. богатство, 1905, № 2, стр. 247).

полубешеным извергом и злодеем — монархом, в ограждении своей преступной, достойной десяти казней головы, от мести народной, вполне заслуженной им» (V, 21, ч. 4, л. 27). Кроме свержения самодержавия, харьковский кружок ставил задачей приготовление членов общества к предстоящему преобразованию России. На заседаниях кружка говорили о равенстве сословий, об издании законов, об управлении государством посредством выборных депутатов от всех сословий и областей.¹

Для отклонения всяких подозрений по предложению студента Н. Раевского было организовано литературное общество, где проводились литературные беседы, а вместе с этим и вербовка в члены тайного политического кружка. При этом обществе имелась библиотека, составленная из личных книг. Президентом общества был избран Н. Раевский. Начальник Харьковской губернии предполагал, что тайное общество имело свой устав, который был уничтожен до раскрытия организации.²

Харьковский кружок вел пропаганду далеко за пределами Харькова, поддерживая связь с другими учебными заведениями. П. В. Завадский, называя членов общества, указал на студентов из университета св. Владимира в Киеве (V, 21, ч. 1, л. 75). Очень важно то обстоятельство, что харьковский кружок был связан с Герценом. Эта связь поддерживалась через студента Харьковского университета Богомолова, который привозил из Лондона запрещенные сочинения и передавал, что Герцен очень надеется на харьковских студентов (V, 21, ч. 1, л. 67). При обыске у студента Бекмана было найдено письмо студента Хлопова от 20 апреля 1859 года, в котором он сообщал: «Я познакомился с Богомоловым, приехавшим из-за границы. Он привез бездну запрещенных сочинений, особенно Искандера, у которого он был в Лондоне. Он много про него рассказывал. Сильно желает увидеть опять Россию, из которой он теперь особенно надеется на Малороссию и в особенности на Харьков» (V, 18).

¹ Архив канцелярии харьковского гражданского губернатора, д. № 26, 1860.

² Предположение об имевшемся уставе общества подтверждается письмом Ефименко к своему товарищу от 23 мая 1863 года, из г. Холмогор Архангельской губернии (За сто лет, 1928, кн. II, стр. 115). Ефименко писал, что устав имелся и был взят вместе с письмами и манифестом при аресте членов кружка. Среди различных бумаг у студентов были обнаружены запрещенные сочинения и рукописный студенческий журнал, в котором были записаны сочинения Герцена и отмечены действия правительства. Харьковчане мыслили издавать свой студенческий сборник, в котором должна была отражаться студенческая жизнь (V, 21, ч. 4, лл. 15—16).

Нужно полагать, что в данном случае Герцен имел в виду тайный кружок харьковских студентов.

Члены тайного харьковского кружка подвергались преследованиям со стороны правительства еще до раскрытия их организации. Так, в 1858 году в Харьковском университете произошла «история». Поводом к волнениям послужило удаление из университета двух студентов (IV, 90, стр. 163—164). Арестованы были Я. Бекман и Хлопов. Студенты собрали сходку, где было решено прекратить слушание лекций и 38 студентов подали прошение об увольнении. Н. Мазуренко, бывший студент университета, принимавший участие в судьбе арестованных, в своей заметке пишет, что после ареста подали прошение об увольнении почти все студенты (IV, 93, стр. 835). За эту солидарность Герцен высоко оценил харьковскую молодежь. «Событие замечательное и ставящее высоко харьковское юношество. Ждем с нетерпением, чем кончится это дело», — писал Герцен и несколько позднее добавлял: «Мы получили подробную и прекрасно составленную записку о прошлогодней харьковской истории. Поведение студентов было удивительное, не только благородно, но и исполнено такта. Имена пострадавших не должны быть забыты» (IV, 103, т. IX, стр. 543).

После университетской «истории» «по различным причинам» была исключена целая группа студентов, в том числе и П. С. Ефименко. Через некоторое время исключенным удалось возобновить свои занятия, но уже в других университетах, при этом они сохранили между собой самую дружескую переписку. Большинство студентов продолжили свое образование в Казани или Киеве, Ефименко же сознательно определился в Московский университет, он имел задание от харьковского кружка — убедить студентов Московского университета в необходимости организации «литературного общества», подобного харьковскому, и хотя тогда это общество ему организовать в Москве не удалось, согласие на такое объединение со стороны московских студентов уже имелось (V, 21, ч. 7, л. 91). В Москве Ефименко примкнул к кружку вертепников.

В Харькове, как уже отмечалось выше, Ефименко был одним из организаторов передовой молодежи. У него на квартире проводились собрания кружка, здесь же была составлена пародия обличительного характера на манифест об окончании восточной войны, и Ефименко принял участие в разбрасывании ее по городу (V, 21, ч. 1, л. 48). Не случайно Ефименко носил кличку «Царедавенко». Хотя на допросе он пояснил, что «так называли в насмешку его предков, из коих один был задавлен в поле сыном царенного сторожа, охраняющего засеянные хлебом поля»

(V, 21, ч. 7, л. 94), мы можем предполагать, что эту кличку он получил за свою политическую деятельность, за ненависть к самодержавию.

В автобиографических заметках Ефименко рассказывает о своих политических убеждениях еще до участия в харьковском кружке. Формирование его убеждений происходило под влиянием сложившейся в России обстановки после неудачной восточной войны, вскрывшей всю гнилость царского самодержавия и пробудившей к нему ненависть народа. По этому поводу Ефименко писал следующее: «Мне случилось прожить несколько месяцев в 1855 году в Мелитополе, в то время как через этот город возвращались остатки крымской армии. В нашем доме останавливались офицеры, крайне недовольные, раздраженные, которые распространяли вокруг себя отрицательное отношение к нашим порядкам и мысль о необходимости реформ. С этих пор я стал отыскивать в университете товарищей, солидарных со мной по взглядам и стремлениям» (V, 15).

Стремясь к организации студенческих коллективов, Ефименко вел соответствующую пропаганду в этом направлении и в Москве. В бумагах М. Д. Муравского (товарища Ефименко по Харькову) сохранилось письмо Ефименко из Москвы от 3 ноября без обозначения года, заключавшее в себе следующее сообщение: «Старайся распространять свой круг между студентами, а действовать на других можно после ... правду кажут, гуртом добре и батька быты, а по одиночке батько всих перебье. Следовательно, нам более нужно стараться о распространении круга в центре» (V, 21, ч. 7, л. 40). На допросе Ефименко показал, что они стремились собрать вокруг себя как можно больше сочувствующих их взглядам и обращали внимание прежде всего на организацию студенческих коллективов в университетах, где надеялись получить поддержку, рассчитывая на большую сплоченность и организованность молодежи.

3

Харьковский кружок и кружок вертепников, возникшие одновременно, наряду с политическим преобразованием общества, огромное значение придавали изучению народной жизни и просветительской пропаганде.

Особенно четко выражал эти стремления кружок вертепников, считавший «хождение в народ» обязательной частью своей политической программы. Русская демократическая молодежь того времени, поставив перед собой задачу борьбы с само-

державием старалась сблизиться с народом, прислушаться к голосу народа. Члены кружка, переодетые в крестьянскую одежду, посещали трактиры, беседовали с простым народом. «Весьма многие из наших товарищей, — писал в воспоминаниях бывший студент Петербургского университета Сорокин, — разъезжались на лето по деревням, собирали там народные песни, предания, изучали народный быт, толковали с крестьянами, обучали их грамоте».¹ Интерес Рыбникова к народному творчеству, таким образом, следует объяснять не связями с Хомяковым, как это утверждали буржуазные исследователи, а влиянием демократического общественного движения и, прежде всего, влиянием революционных демократов — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Стремление к изучению подлинной жизни и быта народа зародилось у Рыбникова еще в кружке вертепников. Это стремление было общим для передовой демократической молодежи шестидесятых годов.

В кружке вертепников «хождение в народ» понималось как одна из форм политической пропаганды, обращенной непосредственно к народу. Об этом впоследствии стало известно полиции. В рапорте московского оберполицеймейстера Кропоткина на имя московского губернатора Закревского было сказано: «Однажды заметили Рыбникову, Козлову и Власьеву, что их „вертеп“ должен разориться во время каникул, тогда кто-то из них заметил: „если они уедут из Москвы, то везде будут сеять свои убеждения и что почва вдали свежее здешней“» (II, 77, стр. 24). Одновременно губернатор Закревский высказывал предположение, что, пользуясь поездками, студенты будут стараться расширять круг недовольных настоящим порядком вещей (II, 77, стр. 24). Появлявшиеся среди крестьян студенты подвергались строгому надзору, и в одну из поездок в Черниговскую губернию в начале 1859 года П. Н. Рыбников был арестован, после чего отправлен в ссылку в Олонецкую губернию, в Петрозаводск. Рыбников был заподозрен в сношениях с раскольниками и рассуждениях о политических делах. Обвинение гласило: «Причиной ссылки Рыбникова послужили разъезды по слободам Черниговской губернии, населенным преимущественно раскольниками, и неуместные рассуждения в обще-

¹ С. Ашевский. Русское студенчество в эпоху 60-х годов (1855—1863). Соврем. мир, 1907, август. — Студент Сорокин лично был знаком с П. С. Ефименко. На допросе по делу харьковского кружка П. С. Ефименко показывал, что получал от Сорокина запрещенные сочинения для распространения (V, 21, ч. 7, л. 94).

стве сих последних, также и прежнее его поведение в Москве, где он, быв студентом, имел у себя частные собрания, навлекавшие подозрения по тем разговорам, которые вели посетители оных» (II, 82, стр. 318).

О ссылке бывшего студента Московского университета в глухой Олонецкий край стало известно Герцену и 1 сентября 1859 г. он писал в «Колоколе»: «Мы были бы очень благодарны, если бы нам сообщили подробности, за что сослан в Петрозаводск Рыбников. Нам пишут, что он сослан за то, что, изучая в Черниговской губернии промышленность, он ходил в русском, а не в немецком платье. И это не при Бироне, не при Николае» (IV, 103, т. X, стр. 85). Действительно, с первого дня появления Рыбникова в Черниговской губернии за ним был установлен строгий секретный надзор полиции. Он обратил на себя внимание своим подозрительным костюмом: «старые сапоги, поддевка и рубаха с косым воротом» (II, 56). В этом костюме он и был доставлен в Петрозаводск. Позднее Рыбников писал, что крестьянское платье ему помогало в сближении с народом, но далее добавлял: «Но главное дело не в платье: надо носить в себе уважение к самостоятельности религиозных верований народа, к особенностям его быта, к тяжкому труду землепашца, работника и ремесленника и отбросить некоторые кабинетные предрассудки и барские замашки, тогда крестьянин не откажется признать своего брата и в человеке, получившем университетское образование, и охотно расскажет ему все, что нужно» (II, 56). Из рассказа самого Рыбникова видно, что он очень быстро входил в доверие крестьян, вступал с ними в самые простые отношения, «обращался открыто и свободно, без всякой официальности» (I, 8, № 47).

Во всех статьях буржуазных исследователей и воспоминаниях, касающихся Рыбникова, указывалось, что недовольство властей Черниговской губернии было вызвано якобы особо подчеркнутым интересом Рыбникова к старообрядчеству. Учитель петрозаводской гимназии Модестов сообщал, что у Рыбникова «хранился, как некая святыня, портрет казненного при Петре князя Мышецкого, которого он считал как-то себе родственником» (II, 60, стр. VIII—17). А. Н. Пыпин относил увлечение Рыбникова старообрядчеством за счет его семейных связей с раскольниками (IV, 85, т. II, стр. 62). Исходя из подобных доводов, Грузинский тоже считал Рыбникова ревнивым поборником раскола. В обнаруженном нами рапорте губернатора Закревского от 21 января 1859 года сообщалось: «Находясь в Клинцах (Черниговской губернии), Рыбников заводил знакомство с тамошними раскольниками и единоверцами, посеща-

которых, рассуждал о древних нравах и обычаях русского народа, называл себя по происхождению из поморских беспоповцев, носил их прежний костюм и бороду. В прошедший праздник рождества христова и во все время пребывания в Клинцах Рыбников нигде в церкви не был, а по слухам... посещал клинцовский красноборский раскольничий монастырь... Раскольники отзываются, что Рыбников, ходящий с бородою, в казакине, без галстука, в красной шелковой рубаше, принадлежит к старообрядцам» (V, 1, л. 85—86). Казалось бы, что и этот документ дает основание считать увлечение расколом главной причиной путешествия Рыбникова по Черниговской губернии. В действительности перед Рыбниковым стояли задачи более многосторонние, нежели только изучение раскола.

По Черниговской губернии он ездил в качестве сотрудника «Вестника промышленности». Собираение сведений о состоянии промышленности Черниговского края — такова официальная цель поездки. В то же время он интересовался бытом народа, в частности и старообрядцами, вел с ними беседы о нравах и обычаях русского народа. Из неопубликованного письма к И. Аксакову видно, что Рыбников изучал историю Украины, проявляя особый интерес к вопросам общинного землевладения. «Могилевские помещики, — писал Рыбников, — смотрят на общину, как на единственную гарантию в уплате денег за землю. Таково же мнение черниговских помещиков... Все делается помещиком, крестьянин лишен всякой инициативы. Его положение может быть (по моему мнению) облегчено: 1) освобождением с землей, 2) общинным воспитанием» (V, 2).

Известно, что Рыбников в Черниговской слободе встречался со старообрядцами. В среде старообрядцев он искал воспоминания о прежних крестьянских движениях. И, конечно, не о современных старообрядцах думал Рыбников, когда в этой же Черниговской слободе записывал народные песни о Пугачеве (I, 38, т. I, стр. XVI).

В том же письме к И. Аксакову Рыбников приводит песню про Пугачева: «Вот песня про Пугачева на старинной картинке, где он изображен в красном казацком кафтане, с синим воротником, с медалью и крестом на груди, в черной шапке с синим верхом, борода у него длинная, волосы в скобку:

Емельян Пугачев природою с Дона
В России как дома,
Пришел в Россию с малой дружиной,
А сделал Россию с кручиной,
Он был яр до бояр,
Ежели б он всю Россию уловил,
Много бы господ подавил;

Емельян господам был крестным отцом,
 Жаловал жарким и холодцом.
 Крестьянам было бы весело,
 Когда бы рука их господ вешала».
 (V, 2).

Естественно, что полностью текст этой песни не мог войти ни в первое, ни во второе издание «Песен» Рыбникова. Но в оба издания включено первое четырехстишие. Оторванное от всей песни, оно воспринимается как изображение Пугачева разорителем России — «пришел он в Россию с малой дружиной, а сделал ее со великой кручиной» (I, 36; 38, т. III, стр. 298). На этом песня обрывалась. В песне, записанной Рыбниковым, Пугачев — настоящий народный герой. В шестидесятые годы подобные песни имели огромное агитационное значение, они призывали вешать господ, бороться за свою независимость. Заслуживает внимания также и комментарий Рыбникова к этой песне, дающий портретную характеристику Пугачева.

Можно предполагать, что эта песня имела тяжелые последствия для Рыбникова. Достаточно сопоставить дату 23 февраля 1859 года, когда шеф корпуса жандармов сообщал министру внутренних дел о неблагонадежности Рыбникова, после чего последовал арест, с датой письма к И. Аксакову (V, 2).

Друг Чернышевского М. Л. Михайлов, будучи в Оренбургской губернии в 1857 году как член литературной экспедиции, снаряженной великим князем Константином, также слушал и записывал предания о Пугачеве и Разине. Павел Якушкин в Астраханской губернии, находясь в политической ссылке, собирал предания о Пугачеве и Разине и почти полностью свои записи включил в «астраханские письма», появившиеся в «Отечественных записках» (1868—1869). На важность собирания преданий и песен, отражающих крестьянские освободительные движения XVII—XVIII веков, обращал внимание А. И. Худяков. Он сожалел, что не собрано сказок о позднейших народных героях, например, о Пугачеве: «Об нем, наверно, есть немало всяких преданий: недаром же чувашаи и черемисы ведут от него летоисчисление... Их старики считают свои годы и определяют хронологию разных народных событий от пугачевщины».¹ В 1859—1860 годах предания о Пугачеве появились в «Пермском сборнике».² В нем были опубликованы местные архивные материалы о пугачевском восстании на Яике. В Перми, во время ссылки, П. С. Ефименко слушал рассказы о Пугачеве

¹ А. И. Худяков. Народные исторические сказки. Журн. Мин. народн. просвещ., 1864, ч. 121, отд. IV, стр. 45.

² Пермский сборник, 1859, кн. 1; 1860, кн. 2.

и пугачевцах. В годы подготовки крестьянской революции необходимо было еще раз напомнить о вождях крестьянских восстаний.

Известно, что в Черниговской губернии Рыбников непосредственно занимался собиранием народной поэзии, о большом количестве собранных им песен сам Рыбников сообщает в письме к К. Аксакову от 3 января 1859 года. Но почти все его бумаги были сожжены в доме Жеребцовой, где Рыбников подвергся аресту. Кроме указанного отрывка из песни о Пугачеве, в издании «Песен» Рыбникова из записей, произведенных в Черниговской губернии, вошли только несколько уцелевших бытовых песен и две исторические песни — о Чернышеве и Румянцева (I, 36, стр. 224—246; 38, т. II, стр. 725—727).

Но и эти случайно сохранившиеся записи свидетельствуют о том, что привлекало внимание Рыбникова на раннем этапе его собирательской деятельности. Уже тогда он записал ряд прекрасных песен, среди них имеются такие, которые выражают протест против семейного деспотизма, и антиклерикальные песни, отразившие отрицательное отношение к монастырскому затворничеству. Из двух исторических песен, дошедших до нас, песня о Чернышеве принадлежит к числу тех, в которых с наибольшей силой выразились патриотические чувства народа. Неподкупный герой противопоставлен ограниченному верховному властителю, который не в состоянии сломить волю героя в борьбе. Героический образ русского полководца, верного своей родине — центральный образ песни. Именно в силу внутреннего идейного богатства, патриотического содержания песня о Чернышеве имела широкое распространение. На нее обратил внимание и Рыбников.

Путешествие Рыбникова по Черниговской губернии совпадает с выездом из Москвы в Черниговскую губернию П. С. Ефименко и с поездкой в южные губернии М. Я. Свириденко. Возможно, что существовала предварительная договоренность членов кружка вертепников, совершавших в одно и то же время «хождение в народ». Этот факт был явно недооценен М. К. Азадовским, который выделил одного Свириденко как единственного собирателя-вертепника,¹ тогда как центральными фигурами в этом отношении были П. Н. Рыбников и П. С. Ефименко.

Рыбников, Ефименко и Свириденко не могли не вызвать подозрений, за их «путешествиями» было приказано установить бдительный надзор. О необходимости наблюдать за Свириденко

¹ М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Гос. Изд. худож. лит., Л., 1938, стр. 187.

во время его поездки в южные губернии было сообщено из Москвы заблаговременно (V, 1, л. 19), и к такой предосторожности имелись достаточные основания. Свириденко являлся активным членом «Вертепа». В воспоминаниях кружковцев о нем говорится, как о достойном сопернике Хомякова и самом активном организаторе кружка. Член «Вертепа» А. А. Козлов замечал, что Свириденко «имел огромное влияние на весь кружок в смысле обращения его к социализму и всякого рода эмансипации» (II, 70, стр. 19). Очень ценные сведения о Свириденко извлек из архива московского генерал-губернатора М. Клеверский: «В конце 1858—1859 года, живя в Херсонской губернии Ананьевского уезда, в деревне Каменный мост, Свириденко „посещал тамошних крестьян, входил в их быт, принимал участие в крестьянских работах, со всеми обращался ласково“ и особенно отстаивал тех, кто „подвергался взысканию“. Новороссийский и Бессарабский губернаторы доносили: „... таким образом Свириденко приобрел у крестьян особенное уважение и вместе с тем имел на них сильное нравственное влияние, они его во всем слушались и повиновались» (II, 77, стр. 32). В Херсонской губернии Свириденко заводил связи не только с крестьянами, но и с местной интеллигенцией. При расследовании дела харьковского тайного кружка (в котором состоял Ефименко) срочной секретной депешей сообщалось в херсонское жандармское управление о необходимости обыска у делопроизводителя Херсонского статистического комитета, проживающего в г. Херсоне, — Виктора Раевского (V, 21, ч. 1, л. 44). Загадочная цель приезда Свириденко в южные губернии и его переписка с неизвестными лицами вызвали опасения местных властей. У Свириденко производился обыск, но ничего не было найдено. Вскоре Свириденко возвращается в Москву, а затем приезжает в Петербург.

Среди петербургских знакомых Свириденко были И. Худяков, П. И. Якушкин, Н. Костомаров. Вместе с ними он принимал участие в распространении запрещенной литературы. Секретное наблюдение, учрежденное за Свириденко еще в Херсонской губернии, не прекращалось и в Петербурге, куда он приехал по аттестату, выданному Московским комитетом призрения нищих в 1857 году (за № 3759 без срока) (V, 8, л. 9).

В Петербурге Свириденко работал приказчиком книжного магазина Кожанчикова, бывшего в связи с букинистом Н. И. Крашенинниковым. О Крашенинникове в III отделение поступали сведения, что «он занимался разноскою „Колокола“ и всех запрещенных сочинений и воззваний... через него можно получить сколько угодно номеров налитографированных в Москве

книг, заключавших в себе все то, что до сих пор напечатано было в „Колоколе“» (V, 8, лл. 9—10, 22). Судя по пометкам на полях просмотренных нами архивных дел, у III отделения были основания подозревать Свириденко в связях с П. И. Якушкиным, с которым он действительно был в очень близких отношениях. Данные о Свириденко и Крашенинникове предполагалось сообщить графу Крейцу — тайному агенту, принимавшему участие в расследовании дела о поведении Якушкина. Из письма Крейца III отделение узнало о том, что Якушкин и еще один студент предлагали князю Евгению Черкасскому на одной из станций между Москвой и Тулой печатные воззвания, после чего они, заехав в Тулу к графу Л. Н. Толстому, отправились путешествовать по разным губерниям на юг России.

Распространение запрещенной литературы волновало правительство, тем более, что по этому поводу в III отделение поступали анонимные письма. Одно из них было напечатано в «Колоколе»: «Сочинения Искандера читаются в губерниях Нижегородской, Ярославской и Костромской повсеместно. Почти все помещики имеют „Колокол“ и „Полярную звезду“ и раздают для чтения всем лицам, принадлежащим к среднему классу... в октябре стало известно, что на нижегородской ярмарке идет широкая торговля изданиями Герцена» (IV, 103, т. X, стр. 49). Тесная дружба и общность научных и политических интересов соединяли М. Я. Свириденко и П. С. Ефименко. Свириденко снабжал своего товарища запрещенной литературой, делился с ним своими записями народного творчества. В бумагах Завадского находились заметки Свириденко о народной жизни, переписанные рукой П. С. Ефименко. Эти заметки готовились к печати вместе с памятниками устной народной словесности (V, 21, ч. 7, л. 61).

На формирование мировоззрения Рыбникова, Якушкина, Худякова, Ефименко влияли, конечно, не только студенческие кружки и общественное движение шестидесятых годов. Большую роль играли впечатления, вынесенные из раннего детства, и та конкретная обстановка, в которой рос и развивался тот или иной деятель. Для Ефименко, например, первым наставником был Шевченко, его «Кобзарь».

Творчество Шевченко оказало влияние не только на Ефименко. П. В. Завадский в своих показаниях признал, что сочинения Шевченко зародили в нем желание сделаться «чем-то вроде Шевченко». Под влиянием чтения «Кобзаря» он стал задумываться над вопросом, как помочь бесправному простому народу. И в ссылке Ефименко и Завадский продолжали увлекаться поэзией Шевченко.

Сочетая изучение народной жизни с политической пропагандой, Ефименко, под предлогом собирания этнографических и статистических материалов, часто менял место жительства, чем обратил на себя внимание властей. Прочувшись в Московском университете один год, он уволился по слабости здоровья и «странствовал по южным губерниям, для ознакомления с краем, собирая этнографические и исторические материалы».

За время путешествия Ефименко подолгу задерживался в пределах Черниговской губернии, где успел сделать этнографические наблюдения, провести записи произведений народного творчества и частично опубликовать их в «Черниговских губернских ведомостях» за 1859 год (№№ 10 и 31).¹

Ефименко записывал также сказки, приметы, пословицы, поговорки и поверья украинского народа. В 1859 году он добился разрешения Московского цензурного комитета на публикацию собранных им пословиц. Каждая украинская пословица сопровождалась переводом на русский язык. Многие пословицы имели пояснения. Уже в этих ранних записях Ефименко видно его стремление обратить внимание на социальную сторону народной жизни. Среди пословиц самого разнообразного содержания имеются, например, такие: «Богатый не ведает, как бедный обедает», «В суде убогий с богатым, хотя прав, бывает виноватым» и т. п. Это был первый опыт П. С. Ефименко публикации своих записей. Он обращался к читателям с просьбой указать на недостатки, повторял, что их замечания принесут собирателю пользу в дальнейшей работе при изучении памятников устного народного творчества. В ответ на обращение Ефименко в «Черниговских губернских ведомостях» выступил его товарищ по харьковскому студенческому кружку А. Тыщинский, отзывавшийся положительно о публикации Ефименко: «Обыкновенно издавались пословицы без всяких объяснений, просто бралась пословица или поговорка из народной жизни и появлялась перед читателями мертвою, неоживленной объяснениями» (IV, 69). Рецензент ставил в заслугу Ефименко, что он снабдил публикацию примечаниями, хотя и слишком краткими; он советовал в дальнейшем не скупиться на комментарии и делать их более развернутыми, поясняя смысл каждой пословицы и привлекая другие виды народного творчества (песни, сказки, нравоучительные рассказы), в которых пословицы тоже содержатся. Ефименко учел в своей дальнейшей практической

¹ В Чернигове Ефименко пытался завести связи с наиболее передовой интеллигенцией, познакомился с учителем гимназии И. П. Дорошенко, близким знакомым М. Вовчек.

работе дружеские советы рецензента. При публикации пословиц в архангельской печати уже видно его стремление пояснять смысл каждой пословицы, а если она чисто местного происхождения, то раскрыть ее колорит.

На протяжении всех своих странствий по южным губерниям Ефименко поддерживал связь с товарищами по Москве и Харькову. В записке начальника I окр. к. ж. генерал-майора Анненкова содержалась догадка, что деятельность Ефименко «по выбытии из Харьковского университета имела какую-нибудь особую цель, которую нельзя, однако же, определить положительными фактами потому, что он прикрывал все свои действия и постоянные разъезды из одного города в другой благовидными предложениями собирания материалов для статистики и этнографии Малороссии. Он обращает на себя внимание своей скрытностью и хитростью, которые проявлялись в ответах его комиссии, тем что он старался выказать себя совершенным простачком, когда все бумаги и его обширная переписка, которую он вел с разными лицами, указывали в нем человека с весьма хорошими способностями, образованием, с склонностью к ученым занятиям» (V, 21, ч. 3, л. 166). В записке предлагалось подвергнуть Ефименко негласному наблюдению.¹

Царское правительство зорко следило за путешествующими разночинцами, писателями, фольклористами и этнографами и всячески их преследовало.

М. Лемке сообщает: «Например, когда после своих громких псковских приключений П. И. Якушкин явился в Ярославскую губернию, губернатор Бутурлин пришел в страх и отнесся в III отделение собственной е. и. в. канцелярии с вопросом, что ему делать с путешествующим сотрудником „Русской беседы“, совершенно не желающим не только прекратить „шатание“ по деревням, но даже надеть платье, соответствующее его дворянскому званию». Якушкина приказано было из губернии выслать, а к другим подобным возмутителям принять решительные меры.

¹ П. С. Ефименко действительно был в постоянных разъездах. Укажем, что и с киевскими студентами он поддерживал постоянные связи. Из переписки харьковских студентов становится ясна их полная осведомленность. Вскоре после ареста Рыбникова, например, Ефименко сообщал об этом товарищам в Киев (V, 21, ч. 7, л. 6). Письмо датировано маем 1859 года. В письме к А. Тыщинскому Ефименко писал: «Старшина дуже, дуже косытця на славянофилов. А наидужче озвирчал старшина после того, як узнав, что славянофилы сходяться с студентами (Рыбников и К°)». Письмо это было без подписи и представляло для комиссии загадку до тех пор, пока Ефименко не объяснил во время допросов, что «старшина» — это попечитель учебного округа Ковалевский, который сделал выговор студенту Рыбникову за то, что у него собираются сходки.

Граф Панин тогда же сообщил сенату высочайшее повеление: «Государь император, по всеподданнейшему докладу ген-адъют. кн. Долгорукова о путешественниках, отправляемых издателями журналов и газет по селам и деревням для собирания сведений о быте крестьян, высочайше повелеть соизволил сообщить кому следует, для надлежащего руководства и исполнения, что только ученые общества, утвержденные правительством, могут посылать от себя лиц для собирания нужных им сведений; что и ученые общества должны снабжать их настоящими видами, и о каждом из них поставлять в известность Министерство внутренних дел, дабы начальники губерний могли быть предварены об упомянутых собирателях прежде прибытия их на место, а равно и сами собиратели обязаны заявлять о себе местной полиции, что издатели журналов и газет отправлять подобных путешественников права не имеют, и что с лицами, путешествующими без установленных видов, следует поступать по законам» (IV, 88, стр. 29—30).

Такие распоряжения влекли за собой строгий надзор за теми, кто появлялся в крестьянском платье. Подобное распоряжение о «путешественниках» было получено 12 января 1860 года и олонецким губернатором. Рыбников тогда уже находился в Петрозаводске. Олонецкий губернатор отдал распоряжение по уездам принимать самые решительные меры для пресечения зла в начале. Между тем, стало известно, что в некоторых местностях являются разного звания лица, даже без узаконенных видов под предлогом собирания сведений о быте крестьян, и разговорами возбуждают между этими людьми «ложные и вредные толки» (V, 6, лл. 1—2).

За участие в революционных кружках, за «противоправительственную деятельность» студенты массами ссылались в отдаленные места России. Многие из них в ссылке работали в качестве секретарей губернских статистических комитетов, судебных следователей, писарей, сочетая казенную службу с широкой общественной деятельностью. Губернскому начальству настрого было приказано «употребить этих лиц на службу не в губернских городах, а в уездных и при том таких, где имеются опытные и благонадежные городничие, с поручением сим последним бдительно наблюдать за образом жизни, занятиями и поведением этих лиц, вменив им в обязанность сведения о них ежемесячно доставлять в III отделение его величества канцелярии» (V, 18). Но никакие «бдительные» наблюдения не могли заглушить любви к народу, не могли остановить разночинцев, решивших посвятить себя изучению народной жизни. А. И. Герцен призывал не падать духом и использовать окраины.

России, места ссылки для продолжения начатого труда, ибо «уездные города гораздо больше нуждаются в благородных деятелях, чем губернские». Сосланные в разные концы России бывшие студенты на деле стали осуществлять заветы своих идейных вождей.

Политические ссыльные соприкасались с народом непосредственно, воочию наблюдали народную жизнь и делали выводы из своих наблюдений. Из политических ссыльных вышли настоящие энтузиасты-краеведы. История русской фольклористики во многом связана с политической ссылкой, и это немаловажный факт. Политические ссыльные шестидесятых годов как бы продолжили дело своих предшественников — декабристов, также проявивших специфический интерес к народу в годы каторги и ссылки. Деятельность ссыльных в области народознания на местах в далекой провинции ни в коем случае нельзя рассматривать как случайное явление или объяснять благоприятными обстоятельствами — счастливыми встречами со сказителями. Усиленный интерес к народу в шестидесятые годы был выдвинут самой жизнью, крестьянский вопрос был и оставался самым волнующим вопросом. Для «невольных изгнанников» ссылка явилась лишь продолжением начатого дела, практическим осуществлением ранних замыслов.

Как мы уже видели, на север были высланы многие участники студенческого движения. П. С. Ефименко оказался в Перми, а затем в Архангельской губернии, Рыбников и Завадский — в Олонецкой губернии, Яков Бекман — в Вологодской, М. Д. Муравский — в Сибири и т. д. И Рыбников и Ефименко в ссылке пытались завершить то, что не успели сделать на воле; они собирали народное творчество и сделали значительный вклад в изучение культуры русского севера. К числу лучших изданий народно-поэтических памятников в записях шестидесятых годов относятся собрание песен П. Н. Рыбникова и фольклорно-этнографический сборник П. С. Ефименко.

П. Н. РЫБНИКОВ В КАРЕЛИИ

1

Оценивая значение деятельности П. Н. Рыбникова, прежние исследователи отмечали главным образом ту роль, которую сыграло в науке открытие Рыбниковым богатств былинной поэзии на севере, в частности в Карелии. «Перед тем русская этнография, — писал А. Н. Пыпин, — знала в отделе былин только Киришу Данилова, немногие пьесы в „Памятниках великорусского наречия“, думали, что былины должно искать где-нибудь в Сибири, — и когда целый, огромный запас их был найден в недалеком соседстве Петербурга, то первым впечатлением ученого мира было изумление, а потом у иных недоумение и даже недоверие» (IV, 85, т. II, стр. 63).¹

¹ Открытие Рыбникова было принято не сразу, ценнейший труд вызвал недоверие. См., например, рецензию И. И. Срезневского на первый том Рыбникова (II, 44). Срезневский, указывая на отсутствие объяснений, где, как и от кого собирал Рыбников песни, сомневался в подлинности записей Рыбникова, в возможности записать такое большое количество былин непосредственно от самих исполнителей.

Некоторые ученые считали, что недоверие к сборнику Рыбникова не рассеялось до тех пор, пока не поехал по его следам другой собиратель — А. Ф. Гильфердинг. Об этом писал биограф и друг Гильфердинга К. Н. Бестужев-Рюмин во вступительной статье ко второму изданию «Онежских былин» (СПб., 1894, стр. XX).

А. Н. Пыпин также считал, что тень сомнения в подлинности записей Рыбникова оставалась до поездки Гильфердинга (IV, 85, т. II, стр. 65). На неправильность подобного суждения указано в статье В. И. Чичерова «Вопросы безличности фольклора в работах фольклористов в середине XIX века» («Советская этнография, 1947, № 1). Рыбников посоветовал Гильфердингу предпринять путешествие в Олонецкий край; он подробно рассказал о своем пребывании в Олонецкой губернии и даже рекомендовал маршрут поездки. К моменту поездки Гильфердинга уже не было сомнений в подлинности записей Рыбникова. Скептически настроенный Срезневский получил исчерпывающий ответ от академика Д. В. Поленова и учителя петрозаводской гимназии В. И. Модестова. Модестов сообщал, что он сам слушал в квартире Рыбникова певца Кузьму Романова (II, 44).

Появление «Песен» произвело огромное впечатление на всех, кто интересовался поэгическим прошлым русского народа (II, 41). Студент историко-филологического факультета Московского университета Л. Поливанов рассказывал: «Шел 1860—61 год... хорошо помню, как в аудиторию, где собрался наш четвертый курс, перед началом лекции кем-то была принесена вновь отпечатанная книга и роздана всем присутствующим от имени бывшего студента Рыбникова. Мы все хорошо помнили Павла Рыбникова; не более трех лет назад он был среди нас и по окончании курса оставил Москву. Слышно было, что он живет в Петрозаводске — вот не успели мы еще окончить курса, как он напоминал о себе, прислав целый объемистый том своих трудов, которым суждено было внести оживление в изучение народной поэзии. До тех пор мы были лишь слегка знакомы с этой областью словесности из лекций профессора Ф. И. Шевырева. Ф. И. Буслаев, сменивший его, свои курсы ограничивал еще книжной словесностью и только готовился к исследованию русского эпоса, подвинутый к тому появлением новых сборников народных песен» (II, 59).¹

Высоко оценил труд Рыбникова И. Худяков. В своей рецензии он писал: «Сборник П. Н. Рыбникова справедливо может занять первое место между отечественными трудами по этой части как по количеству, так и по качеству сообщенных им песен» (II, 43). Собрание «Песен» Рыбникова привлекло внимание А. И. Герцена. В письме к И. С. Тургеневу от 21 мая 1862 года Герцен просил прислать ему «Песни, собранные Рыбниковым» (IV, 103, т. XV, стр. 136). Но книга эта, видимо, не дошла в то время до Герцена. В письме к Н. П. Огареву от 4 января 1865 года Герцен снова писал: «Голохвостов читал мне акт из своей драмы, составленной из былин о Добрыне Никитиче. Я у него видел томов десять книг, о которых мы едва еще слышали, например „Сборники“ Рыбникова» (IV, 103, т. XVIII, стр. 6—7).

Несколько позже была сделана попытка снизить значение Рыбникова как собирателя, отвергнуть его заслугу в открытии олонецких былин. Член Олонецкого статистического комитета К. Петров в статье «Провинциальные статистики и писатели»

¹ В своих статьях «О русском богатырском эпосе» Ф. И. Буслаев в 1862 году призывал обратить внимание на открытый Рыбниковым богатейший источник национального искусства (II, 41).

В 1862 году, после выхода в свет первых томов собрания Рыбникова, О. Ф. Миллер прочел несколько публичных лекций о русских народных песнях и занялся специальным изучением древней литературы (IV, 85, т. II, стр. 231).

утверждал, что былины в Олонецкой губернии были открыты до Рыбникова и давал понять, что первые публикации Рыбникова в «Олонецких губернских ведомостях» не являются его собственной записью (II, 58). При этом Петров называл ряд лиц (Н. Ф. Бутенева, А. П. Баласогло, С. Раевского), занимавшихся собиранием народного творчества. Сообщая некоторые сведения о собирателе Баласогло, Петров указывал на опубликованную в «Олонецких губернских ведомостях» былинку «О Соловье Будимировиче» с пометкой «из бумаг А. П. Б.». Эту былинку и имел в виду Петров, когда утверждал, что открытие былин в Олонецком крае принадлежит не Рыбникову.¹ Возражения Петрова были совершенно неосновательны. Свои ранние публикации Рыбников не выдавал за собственные записи. Наоборот, в примечаниях к текстам он пояснял, что тексты печатаются частично по сообщениям, переданным ему Н. Ф. Б-м,² в иных случаях они являются извлечением из старинных рукописей. Рыбников подчеркивал, что в Олонецкой губернии уже обращалось внимание любителей народной словесности на собирание различных устно-поэтических памятников, в том числе и былин, но былины не появились в печати, призывы остались призывами, а на деле ничего не было сделано. Об этом писал Рыбников в письме к П. А. Бессонову от 11 апреля 1861 года: «Возьмите в соображение, что здесь любителей бывало много, и начальников горных заводов и губернаторов, все они собирали, а что явилось в свет? Одна старина в Губернских ведомостях» (I, 38, т. III, стр. 311).

У Рыбникова имелись предшественники, политические ссыльные, но они не занимались систематическим собиранием русского фольклора в Карелии. Одним из первых знатоков народного творчества Олонецкого края был ссыльный поэт-декабрист, друг А. С. Пушкина, Ф. Н. Глинка. Как показал В. Г. Базанов в своих работах «Народная словесность Карелии» и «Карельские поэмы Ф. Глинки», Федор Глинка широко использовал в своем творчестве народные предания и сказки: в поэме «Карелия», например, он изобразил крестьянскую девушку Машу, носительницу народной поэтической культуры. Свои произведения Глинка снабдил развернутыми примечаниями, историческими и этнографическими, указал на наличие

¹ До Рыбникова в «Олонецких губернских ведомостях» были опубликованы две былины: «Старина о Василии» (из бумаг А. П. Б.), ОГВ, 1856, № 13, и «Старина о Соловье Будимировиче», ОГВ, 1857. №№ 30—32.

² Н. Ф. Бутенев — горнозаводчик. Он передал Рыбникову рукописную тетрадь с былинами.

в Олонецком крае богатейших народных преданий, народных верований и обрядов. Специально изучением и публикацией произведений народного творчества Глинка не занимался, некоторое исключение составляют лишь его переводы на русский язык карело-финских рун.

Ровно через десять лет после Ф. Глинки за распространение стихотворения М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта» в Карелию был сослан друг Лермонтова Святослав Раевский.¹ Пребывание Раевского в Петрозаводске совпало со временем организации «Олонецких губернских ведомостей».² Официальная газета ограничивалась публикацией статистических сведений, правительственных распоряжений, сообщений цен на рынках, некрологов о важных лицах, разных происшествий и т. п. Раевский становится редактором «Ведомостей», он много сделал для организации нового отдела газеты «Неофициальная часть». В 22-м номере «Олонецких губернских ведомостей» за 1838 год Раевский разъяснял цель этого «Прибавления»: «Изучение и описание каждой страны составляет непрременную обязанность призванных ее туземцев, и как благородно участвовать в этом подвиге, как лестно передавать потомству свои наблюдения, может быть произведения лучших минут жизни». Он говорил о необходимости изучения природных богатств и особенно настойчиво призывал обратить внимание на богатейшее поэтическое наследие, на сохранившиеся песни, поверья, предания. Раевский призывал следовать в этом отношении примеру Г. Р. Державина и Ф. Н. Глинки.

Среди разнообразных вопросов, волновавших Раевского, едва ли не на первом месте стоял вопрос о народной поэзии, о задачах ее собирания и изучения. В статье «О простонародной литературе. О собирании русских народных песен, пословиц и т. п.» Раевский писал: «Для полного издания песен и стихов необходимо, чтобы они записаны были везде, где это возможно».³ Но записи самого Раевского немногочисленны: два народных причитания и предание о Петре I.

¹ Фольклорные интересы С. А. Раевского раскрыты в исследовании Н. Л. Бродского, в котором впервые поставлен вопрос о С. А. Раевском как фольклористе (II, 90). Об этом см. также: М. К. Азадовский. Фольклоризм Лермонтова. Лит. наследство, 43—44, Изд. АН СССР, М., 1941, стр. 227—260 (автор ссылается на вышеуказанную работу Бродского, тогда еще неопубликованную); В. Б а з а н о в. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947, стр. 18—29.

² «Олонецкие губернские ведомости» начали выходить с 3 января 1838 года при губернском правлении.

³ ОГВ, 1838, №№ 12, 18, 19, 21, Прибавления.

В 1849 году в Карелию был сослан петрашевец Александр Пантелеймонович Баласогло. Как о собирателе произведений народного творчества, о Баласогло известно очень мало. По заданию губернатора он собирал статистический и этнографический материал, был в Заонежье, где производил записи народных произведений, но они не сохранились. Член Олонецкого статистического комитета К. Петров сообщал, что собрание записей Баласогло попало в руки учителя петрозаводской гимназии Дозе, который и опубликовал былинку из сборника Баласогло «О Соловье Будимировиче» с пометкой «из бумаг А. П. Б.».¹ Три сказки, записанные Баласогло в Сенногубском погосте, были опубликованы С. В. Максимовым в «Заметках по поводу издания народных сказок»² в двух вариантах: «Сказка о царе-девице» и «Сказка о царе и портном». Из просмотренных нами архивных дел о Баласогло, хранящихся в Центральном Государственном архиве Карело-Финской ССР³ и в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде,⁴ следует, что в 1851 году Баласогло был вновь арестован и из Петрозаводска отправлен в Петропавловскую крепость в Петербург. Баласогло захватил два чемодана с бумагами. Эти бумаги попали в руки III отделения и судьба их остается неизвестной. Не исключена возможность, что среди этих бумаг была какая-то часть записей народных произведений.

Кроме политических ссыльных Глинки, Раевского и Баласогло, собиранием народного творчества в Олонецком крае занимался В. А. Дашков. Ему принадлежит несколько заметок и публикаций.⁵ Заслуживает внимания его сообщение в «Олонецких губернских ведомостях» (1845, № 34) о «Народных песнях Олонецкой губернии». В. А. Дашков указывал, что в Олонецкой губернии поются «старины», поют их слепые нищие на ярмарках, на сельских праздниках и на ступеньках храмов. Таким образом, Дашков, говоря о песне, имел ввиду именно былины. Перечисленным и ограничивается все, что было сделано до Рыбникова. Рыбников имел право спрашивать: «... а что явилось в свет? Одна старина в Губернских ведомостях».

¹ Об этой былинке см. стр. 45.

² Живая старина, 1897, вып. I, отд. II, стр. 112—123.

³ ЦГА К-ФССР, Канц. олонецк. губернатора, 1851, д. №№ 8—10, лл. 1—11.

⁴ ЦИАЛ, ф. 728, 1849—1852 гг., д. №№ 552 и 1262.

⁵ В. А. Д а ш к о в. 1) Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1842; 2) Свадебные обряды олонецан. ОГВ, 1842, № 1—3; 3) Похоронные обряды олонецан ОГВ, 1844, № 5.

Первые публикации былин Рыбникова относятся к 1859 году, т. е. к первому году пребывания его на севере. В «Олонецких губернских ведомостях» (1859, №№ 30—33) были напечатаны собранные им «Былины, песни и духовные стихи».

П. Н. Рыбников продолжал начинания своих предшественников, но его деятельность знаменует собой следующий этап в собирательской и исследовательской работе на севере. Деятельность Рыбникова выходит из рамок местных краеведческих исследований и становится общерусским, общенациональным этапом в науке о фольклоре. По сравнению с предшественниками собирательство Рыбникова более обширно, разносторонне и принципиально отлично от всего, что было сделано до него. Рыбников занялся собирательской деятельностью в тот период, когда вопрос о крестьянстве являлся центральным вопросом времени, когда стремления революционных демократов были направлены на всестороннее изучение народной жизни, когда формировалось новое революционно-демократическое учение о народе и его поэзии. На первый план революционные демократы выдвигали социальное изучение, фольклористика объединялась с этнографией, публицистикой и художественной литературой. Выразителями этих стремлений были идейные вожди эпохи шестидесятых годов Чернышевский и Добролюбов. Писатели, краеведы и исследователи народной поэзии и народного быта ответили на призыв своих учителей практической деятельностью на местах, в русской провинции. Они пошли в народ, чтобы своими глазами увидеть его быт и жизнь, узнать его чаяния и ожидания. К числу виднейших сторонников такого направления в фольклористике принадлежал и Рыбников, который, как и многие подобные ему исследователи, за настойчивое стремление изучать народную жизнь оказался в ссылке. Рыбников прибыл в Петрозаводск 3 марта 1859 года и вскоре был определен на службу в канцелярию начальника губернии, сначала чиновником особых поручений, а через некоторое время секретарем Статистического комитета. Работая там, он увидел вопиющий бюрократизм и полный произвол, царивший в этих учреждениях. Статистика, подчиненная официальной политике, не отражала и не могла отразить действительное положение вещей.

Позднее Рыбников замечал: «Впоследствии, рассматривая статистические отчеты сельских и волостных правлений, я убедился, что многие цифры ведомостей дутые и что составление их происходит следующим образом: если поленится волостной писарь, то ведомости составляются сельскими писарями, а волостной их переделывает по-своему в одно целое, или же первоначально сочинит волостной писарь, а сельские станут его произве-

дение расписывать между собою. Чем выше административная уездная единица, тем больше бесцеремонности в обработке этих самодельных статистических данных» (I, 38, т. I, стр. LXXI). Работать в такой обстановке честному человеку было очень трудно и Рыбников писал в ответных письмах к своим друзьям и знакомым: «В ответ на ваш призыв служить верой и правдой еще раз повторяю: лишь бы не мешали» (I, 38, т. III, стр. 313). Статистическая работа не могла удовлетворить Рыбникова, запросы его были значительно шире. Статьи и заметки, появлявшиеся на страницах местной печати — о ярмарочной торговле в Шульге (где ему приходилось часто бывать по службе), о рыболовстве и охоте, о разведении льна, о тивдийских мраморных разработках — говорят о самых разнообразных интересах Рыбникова. Он занимался собиранием памятников древности, старинных рукописей, древних памятников материальной культуры и т. п. Собранные экспонаты Рыбников представлял в императорское Археологическое общество.¹

Кроме этого, Рыбников принял деятельное участие в организации Публичной библиотеки в г. Петрозаводске. Под его руководством составлялся список необходимых для библиотеки книг и журналов. Он был избран читателями директором библиотеки. Правда, библиотека просуществовала недолго, но и в дальнейшем Рыбников продолжал начатое дело и помогал в выборе книг для библиотеки Петрозаводского уездного училища, где был открыт прием подписчиков на книги для частных лиц и библиотечное отделение для учащихся. Не без влияния Рыбникова библиотека постоянно подписывалась на журналы «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки», «Библиотеку для чтения», «Филологический вестник», «Учитель»; приобретались также сочинения Белинского, Пушкина, Лермонтова, Писемского, Крылова, Костомарова.

Положение Рыбникова в губернии было несколько необычным: сам он находился под полицейским надзором, но, будучи советником Олонецкого губернского правления, по должности обязан был принимать от полицмейстера доклады и рапорты о поведении ссыльных, в том числе и о себе. А. Е. Грузинский сравнительно благополучное положение Рыбникова в Петрозаводске объяснял хлопотами за него друзей и главным образом Хомякова. Но при всех, на первый взгляд благоприятных

¹ Из переданных Рыбниковым вещей особенно ценен был вышлифованный из темного камня топор с изображением головы медведя, по заключению археологов топор с таким изображением не встречался среди находок других северных мест.

обстоятельствах, Рыбников жил на правах поднадзорного ссыльного и деятельность его как общественная, так и собирательская была сопряжена с немалыми трудностями. В письме к К. Аксакову от 6 мая 1860 года из Петрозаводска Рыбников писал: «Многое можно бы сделать, да почти везде местное начальство равнодушно к жизни народной. Мне еще пока не мешают заниматься, между прочим, этнографиею, потому что каждый шаг по службе ступаю бережно. А для меня эти этнографические занятия да чтение единственное спасение от застоя провинциальной грязи. Теперь я понимаю озлобление Щедрина: лучшие люди едва высовывают голову из зеленоватой мутной воды провинциального болота и все чаще мало-помалу опускаются на дно» (V, 4).

Особенно рискованно было заниматься собиранием народной поэзии. Поступившая 12 января 1860 года инструкция министра внутренних дел о «путешественниках» обязывала местное жандармское начальство быть настороже по отношению к Рыбникову, проявлявшему интерес к народу. В апреле 1861 года Рыбников писал Бессонову: «Вы в Москве полагаете, что я по крайней мере здесь свободно разгуливаю, где хочу и как хочу. Между тем до последнего времени всякое мое путешествие было соединено с большими препятствиями, а три первых и даже отчасти пятое оставили за собой неприятности ... В Каргополе в ту же поездку (имеется в виду летняя поездка 1860 года, — А. Р.) я собрал бы многое, да меня воротили» (I, 38, т. III, стр. 310).

Причины возвращения из поездки в Каргополь Рыбников не указал, но вероятнее всего, что местному начальству было крайне нежелательно, чтобы Рыбников отправился в этот город, где он мог встретиться с только что прибывшим в ссылку П. В. Завадским, одним из видных организаторов харьковского тайного студенческого кружка, близким товарищем П. С. Ефименко.

Впоследствии Рыбникову и Завадскому все же удалось встретиться. Завадский по собственной просьбе после годичного пребывания в Каргополе был переведен в Петрозаводск и получил назначение на должность помощника столоначальника губернского правления.¹ Он вместе с Рыбниковым принимал уча-

¹ В июне 1862 года Завадского экстренно отправили в Петербург, где до конца января 1863 года содержали в Петропавловской крепости, затем возвратили в Петрозаводск под надзор полиции (V, 3, д. 28/782, лл. 1—69). Причиной служило раскрытие переписки Завадского с политическим деятелем Митрофаном Даниловичем Муравским, одним из организаторов харьковского студенческого кружка. Вместе с Завадским по этому

стие в организации литературных вечеров. В программу вечеров входили пьесы Гоголя, имевшие большой успех у зрителя, сцены из народного быта Горбунова, стихотворения Некрасова. Рыбников знакомил слушателей с записанными им былинами, Завадский читал стихотворения Шевченко. Средства от этих вечеров поступали в еженедельную бесплатную школу, в помощь желающим поступить в университет, необеспеченным учащимся гимназии.

Подобные литературные вечера проводились не только в Олонецкой губернии. Как правило, организаторами подобных мероприятий являлись ссыльные студенты. И эти бывшие студенты, пострадавшие за участие в революционном движении, использовали литературные вечера для расширения своего влияния, для продолжения своей пропагандистской деятельности. Министр внутренних дел Валуев требовал от губернаторов обратить внимание на «подобные предприятия». Распоряжение было послано и олонецкому губернатору. «Опыт обнаружил, — говорилось в послании, — что благотворительные предприятия в пользу студентов нередко имели только то значение, что служили способом соединения и взаимного познания людей с известным взглядом и направлением. Подобные предприятия не могут быть поощряемы» (V, 14, л. 1). Такое же распоряжение было отдано и по Олонецкой губернии. Распоряжение Олонецкого губернатора имело прямое отношение к Рыбникову и Завадскому, тем более, что Завадский продолжал поддерживать письменную связь с некоторыми из членов бывшего тайного харьковского студенческого кружка. Из Каргополя Завадский переписывался с видным политическим деятелем, бывшим членом харьковского

делу был привлечен каргопольский крестьянин Распутин, также состоявший в переписке с Муравским, и ряд других лиц. О Распутине стало известно полиции из письма Завадского к С. Н. Пыпину — заведующему книжным магазином (брату академика); письмо это было найдено при обыске у Н. Серно-Соловьевича. Завадский просил прислать ему несколько экземпляров письма Герцена «К русскому посланнику в Лондоне» и очень хвалил местного крестьянина Распутина, характеризуя его, как крупного по уму человека, пользующегося весьма заметным влиянием во всей волости. По этому же делу привлекался бывший студент Московского университета В. Праотцев, высланный в Каргополь за деятельное участие в студенческом волнении (ЦГИАЛ-1, ф. 1275, оп. 93, ед. 28, л. III). Каргопольский исправник, избегая дальнейших беспокойств, донес олонецкому губернатору, что в бумагах Праотцева не оказалось ничего предосудительного. В донесении же комиссии, занимавшейся расследованием этого дела, за подписью князя Голицына, сообщалось, что у Праотцева обнаружены письма от неизвестных лиц. Письма эти не были безвинными: в них речь шла об арестах, о правительственных решениях по поводу арестованных, о появившихся прокламациях и т. д. (V, 17, д. № 230, ч. 155, л. 25).

кружка, М. Д. Муравским, который из сибирской ссылки продолжал призывать своих товарищей сохранять дружеские связи. В одном из писем к Завадскому в Каргополь Муравский писал: «Если мы будем единодушны, если станем поддерживать один другого, то никакие меры, никакие раскассирования, никакая „провинциальная среда“ нам не страшны» (IV, 94, стр. 296). В переписке с Муравским состояло большое количество ссылных студентов и связь между ними имела политический характер. Это была остроумно придуманная переписка друзей, находившихся под надзором полиции, переписка с целью информации не только о себе, но и о ближайших знакомых.¹ Несмотря на то, что у нас нет прямых данных об участии Рыбникова в этой переписке, предположительно можно говорить, что и Рыбников был осведомлен о письмах Муравского. Муравский вел переписку с П. В. Завадским и П. С. Ефименко, которые были близко знакомы с Рыбниковым. Влияние Муравского на товарищей было велико. Из далекой Сибири он призывал ссылных продолжать «общее дело», под которым разумелось проведение в жизнь идей, привитых в студенческих кружках. В пример ставился Ефименко, который, будучи в Перми, принимал активное участие в общественной жизни. Эта переписка восстанавливала утраченные связи между бывшими членами кружка. В одном из писем к Завадскому Муравский писал: «Переписка для нас очень важна. Письма Португалова и Ефименко воскресили из мертвых». Ефименко из Перми в своих письмах призывал Муравского идти вперед к светлому будущему. Муравский советовал готовиться к свержению самодержавия, для чего рекомендовал сближаться с войсками и военным сословием. Большое значение придавалось просветительской деятельности, надежды возлагались на периферийную интеллигенцию и бывших семинаристов, так как «эти люди тесно общаются в уездах с народом и при известном влиянии на них смогут продолжать университетское дело, тем более, что опыт Харькова, Киева и Казани показал, каких великолепных результатов можно этим достигнуть» (V, 17, ч. 155, лл. 74—75).

Во время следствия Муравского спрашивали, что значит «общее дело», о котором он неоднократно писал в письмах. Муравский отвечал: «Общее дело, о котором я писал в предъявленных мне письмах, имеет своей целью приготовление русского общества к тому, чтобы оно со временем получило возможность

¹ Некоторые письма Муравского к Завадскому и Ефименко опубликованы в «Очерках освободительного движения 60-х годов» М. Лемке (изд. 2-е, СПб., 1908).

управлять своими делами само». Борясь за это общее дело, Муравский давал совет товарищам использовать все возможности, чтобы обеспечить успех. Он предлагал привлечь в воскресные школы почтальонов, чтобы заслужить их преданность и таким образом через них вести должную переписку, избегая официальной почты. Резко отзывался Муравский о самодержавном правительстве и прямо заявлял, что спасти русский народ можно только путем «насильственной революции». «В последние три-четыре года я пришел к твердому убеждению, — говорил он, — что от русского правительства (под именем которого я понимаю императора и всех ныне существующих властей) подвластные ему национальности не должны ожидать никаких существенно полезных преобразований, так как правительство не имеет ни способности, ни желания сделать что-нибудь подобное для народа и что единственное средство к перемене существующего порядка остается по моему мнению, путь насильственной революции» (IV, 94, стр. 301).

Конечно, революционность ссыльных и их политических замыслов нельзя преувеличивать. Наступившая реакция сломила многих деятелей, вызвала спад революционных настроений, пересмотр практических идеалов и намерений. Но в какой-то части демократические идеи сохраняются и продолжают жить среди наиболее стойких представителей передового движения. Это прежде всего касается демократических симпатий к угнетенному народу, желания изучать народную жизнь, несмотря на преследования правительства. И то, что Рыбников и Ефименко не успели сделать в стенах университета, они делали теперь на севере, столкнувшись лицом к лицу с народом.

2

О сохранности любопытнейших древних обычаев, поверий, преданий, былин и песен в Олонецком крае Рыбников узнал сразу же по приезде в Петрозаводск из разговоров со старожилами. На бытование разнообразных видов народного творчества указывали и местные «Губернские ведомости». Рыбников использовал свои разъезды по губернии в качестве чиновника, собиравшего статистические сведения, для встреч с народом, для изучения крестьянского быта, выявления народных певцов и записи фольклорных текстов. Он приложил все усилия для того, чтобы достичь намеченной цели: привлекал к собиранию народного творчества местную интеллигенцию, упорно добивался личных встреч со сказителями и с увлечением занимался собиранием памятников народной поэзии.

В «Заметке собирателя» Рыбников сообщал, что в поисках былин он «проехал более двух тысяч верст от Петрозаводска через Заонежье до границ Архангельской губернии на север и Вологодской губернии на восток», посетил Пудожский край и Каргополь. Он прослушал 30 народных певцов, записал 200 былин и собрал другие жанры народного творчества: превосходные свадебные и похоронные заплачки, беседные песни, игры, сказки и поверья.

В 1861 году был опубликован первый том «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», а до 1867 года вышло все четырехтомное его собрание, которое было удостоено Демидовской премии.¹

Из всего собрания «Песен» Рыбникова первостепенное значение имеют былины. На них было обращено внимание и в местной печати. Вслед за вышедшим в свет третьим томом «Песен» в «Олонецких губернских ведомостях» (1864, № 32) появилась статья, озаглавленная «Олонецкая летопись», где труд собирателя получил высокую оценку. «Народная поэзия, — сообщалось в заметке, — составляет предмет, достойный изучения не только в литературном, но и в научном отношении, потому что в ней, как бы в зеркале, отражаются и сама жизнь народов и их свойства характера, темперамент, наклонности, верования и обычаи». Особенно высоко были оценены эпические песни, известные гораздо меньше, чем лирические; в заметке отмечалось, что в них больше проявляется дух народа и времени, к которому они принадлежат.

Записи олонецких былин принесли славу русскому северу, особенно Карелии как главному очагу былевой поэзии. Олонец-

¹ По первоначальному замыслу рыбниковские материалы должен был издавать П. И. Якушкин, но они попали в руки П. А. Бессонова, который издал первые два тома былин, снабдив их громоздкими комментариями. С произвольными толкованиями этих комментариев полемизировал в своей рецензии на второй том «Песен» И. Худяков (II, 43).

Третий том, «Былины», вышел в Петрозаводске под редакцией самого Рыбникова. Вышедший в 550 экземплярах этот том долгое время лежал на складе. Олонецкий статистический комитет вел переписку с магазином Кожанчикова в Петербурге, а также с магазинами Я. А. Исакова и Н. Г. Овсянникова. Из этой переписки следует, что 50 экземпляров третьего тома разошлись в Петрозаводске, 500 же было продано через магазин Исакова.

Четвертый том вышел под редакцией О. Ф. Миллера, когда Рыбникова в Петрозаводске уже не было.

Второе трехтомное издание «Песен» Рыбникова было осуществлено А. Е. Грузинским в 1909—1910 годах. В нем был изменен принцип расположения песенного материала: учтена географическая локализация и материал располагался по сказителям. Первый и второй тома этого издания составляют былины, в третий вошли все остальные записи Рыбникова (песни, сказки, притания, заговоры и пр.).

кий край, а затем Архангельская губерния заслуженно вошли в науку о русском фольклоре и по разделу былин материалы русского севера стали основополагающими. Следует заметить, что «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» высоко ценил М. Горький. В 1910 году в письме к Е. А. Телешовой Горький писал: «Получил II-й том Рыбникова, — тронут любезностью Вашей и сердечно благодарю Вас. Ценность подарка Вашего очень высока в моих глазах, — я люблю этот сборник. Просил бы Вас передать А. Е. Грузинскому мой почтительный привет и поздравления: имея старое издание Рыбникова, я вижу, сколько труда и любви вложено А. Е. в новое» (II, 87, стр. 23—24).

Огромный материал, собранный Рыбниковым, поднимал целый ряд общих теоретических вопросов: о причинах сохранности былин на севере, о значении личного начала в былинном сказительстве, об отражении в былинном эпосе национального героического характера.

Рыбников по существу первый проложил путь для собирания былинного эпоса. Успех А. Ф. Гильфердинга, поехавшего вслед за Рыбниковым, был во многом обеспечен деятельностью его предшественника (II, 92). Известно, что Рыбников давал практические советы Гильфердингу, сообщал адреса сказителей и рекомендовал ему маршрут поездки.

Внимательно следя за творческим своеобразием отдельных певцов, Рыбников очень бережно относился к тексту народных произведений, он не досочинял за рассказчика; если сказитель отказывался закончить повествование, то собиратель делал пометку: «Осталось незакончено» или «далее не помнит» и т. п. Стремясь к максимальной точности передачи текста, Рыбников не довольствовался первоначальной записью, делал повторные записи от одного и того же исполнителя. О своей методике собирания он сообщал в «Заметке собирателя»: «Я... проверял свою запись, пополнял пропуски и окончательно устанавливал текст петых им (сказителем, — А. Р.) вариантов».¹

Рыбников обратил внимание на своеобразную у северного крестьянства лексику. Во избежание неверного понимания и толкования былинных текстов к изданию былин он приложил словарь местных слов. О постоянном наблюдении Рыбникова над языком народной поэзии свидетельствует его переписка. В одном

¹ Рыбников с большой осторожностью относился и к записям, представленным ему другими собирателями. В письме к Дм. А. Хомякову от 3 ноября 1861 года он писал: «На днях один писарь надул меня, приславши шесть старин, которые он от слова до слова списал у Кириши Данилова. Вообще можно положиться только на то, что записано на глазах» (I, 38, т. III, стр. 318).

из писем к Аксакову он сообщал, например, по поводу неправильного восприятия народной лексики некоторыми учеными: «Посмотрите, какие промахи делают наши ученые — знатоки народной литературы. Недавно я читал, или лучше сказать, перечитывал ст. Пыпина в „Отечественных записках“ 1858 года, № 1. Он начинает добродушно искать слово то ерича в областном словаре, между тем, как это явно описка вместо то перича (стр. 309). Потом позволяет себе на стр. 308 вместо — с т р а т н и ц а печатать с т р а м н и ц а: А между тем в былине „Добрыня“ Маринка прямо называется стратницею за то, что истратила девять богатырей. На стр. 312 его смущают слова: „Уж как сын перемена, а дочь перепутье“. А между тем они очень понятны из свадебных заплачек; там дочь жалуется на мать, что она выдает ее за нелюбимого ради близкого перепутьица» (V, 7).

Записи Рыбникова вполне отвечали требованиям передовой науки того времени, они заслужили научное признание. Вместе с самыми ранними записями былин Кириши Данилова, былины, записанные Рыбниковым, помещались в хрестоматиях и сборниках. Таким образом замечательное наследие былинного эпоса становилось известно широким общественным кругам.

3

Буржуазно-либеральные ученые оценили Рыбникова прежде всего за собирательскую деятельность. Для них Рыбников был собиратель-практик, и только. Ссылаясь на письмо Рыбникова, где собиратель говорил о скудости литературы в Петрозаводске, об отсутствии фольклорных сборников — Кириши Данилова, Гримма и других, Грузинский делал вывод, что Рыбников не был ученым-теоретиком и не мог им быть, так как он обращался только к жизни, к действительности, к ее «живому синтезу».

Но именно в этом стремлении к «живому синтезу» состояла положительная сторона Рыбникова как собирателя и как ученого, который рассматривал народное творчество вместе с жизнью и в своей практической деятельности как бы продолжал осуществлять программные требования Белинского, Чернышевского и Добролюбова, отвечал на призыв революционных демократов — изучать действительность, жизнь народа, ее светлые и темные стороны. Увлечение Рыбникова народной поэзией Грузинский объяснял личным интересом собирателя, пробужденным еще в детстве, художественными наклонностями натуры Рыбникова и только между строк отмечал «общее чувство некоторой близости и симпатии к народу, поддержанное в сознатель-

ную пору известными принципиальными соображениями» (II, 69, стр. XXXVIII). Грузинский не увидел в Рыбникове сильного противника славянофильских концепций, Рыбникова настоящего, идущего по пути демократической фольклористики, для которого было важно противопоставить славянофильской догме свои наблюдения, противопоставить славянофильским взглядам на народ и его творчество свой опыт, свой взгляд на народную поэзию.

Интерес Рыбникова к народу, о котором Грузинский бросает вскользь беглое замечание, и был главной причиной его увлечения народной поэзией. Но это отнюдь не была славянофильская сентиментально-реакционная идеализация народа. Рыбников иными глазами посмотрел на сущность и историю народной поэзии, его убеждения формировались под непосредственным влиянием революционных демократов. В одном из писем к П. А. Бессонову он писал: «Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь к народу и ответное расположение с его стороны, чтобы в короткий срок, узнавая чутьем местность и людей, собрать такие редкости» (I, 38, т. III, стр. 311).

В ссылку Рыбников приехал со сложившимися взглядами, с большим опытом и эрудицией. Дальнейшее сближение с крестьянами еще более убеждало его, что народ и есть основная сила, на которую следует опираться в борьбе с социальной несправедливостью, что мужественность, смелость, принципиальность следует искать в народе, что только он способен постоять за правду, за независимость и свободу. И Рыбников питал к простому народу глубокое уважение.

Простое, открытое обращение с народом, знание тяжелой крестьянской жизни обусловили успех собирательской работы.

Яркая характеристика олонецкого крестьянина, не похожая на славянофильское восприятие крестьянства, содержится в известном письме Рыбникова, цитировавшемся уже неоднократно. Рыбников говорит о крестьянской нравственности, о душевных способностях народа: «Но несмотря на эту тяжелую обстановку, крестьянин искреннее в своих чувствах и последовательнее в своих поступках нас, цивилизованных людей. Если он далек сам собою до убеждения, что какая-нибудь неправда — истинно не правда, а глупость, в самом деле глупость и помеха, так уж ничем не заставишь его идти по старым следам, по нелюбой торной дороге. Конечно, у него выход из старого свой, но зато какой решительный и безвозвратный. Если он ненавидит недруга, он изведет его; если полюбил, а родные стали поперек его счастья, или любимая девушка не отвечает на его любовь, —

так он идет в монастырь; если усомнился в истине предания ч значении обрядности, — создает свою религиозную и философскую систему, распространяет ее между братьями и стоит за нее, не боясь тюрьмы и ссылки; если сознал, что гнев сверху превосходит всякую меру:

... схватит шальгу подорожную...
И видит князь Владимир стольно-киевский,
Что пришла беда неминучая.

Да, мы образованные люди не умеем уже так освобождаться от своих кумиров и пугал», — писал Рыбников (I, 38, т. I, стр. XXXI—XXXII).

Илья Муромец в поэзии — олонецкий крестьянин в жизни. Эпического героя Рыбников объединяет с простыми людьми из народа, у них одинаковая «философская система», одинаковые правила поведения и более высокая мораль — чувство социальной ненависти, преданность своим убеждениям. Люди светского круга куда мельче, своекорыстней крестьянина. Народ — источник высокой нравственности, поэзия заложена в самой его натуре. И это совсем не славянофильский «тихий» русский человек, это по-настоящему гордый человек, наделенный чувством собственного достоинства, способный постоять за себя, за свои идеалы. Только передовая интеллигенция, «новые люди» могут считать себя единокровными родственниками народа. И в самом деле характеристика Рыбникова имеет что-то общее с характеристикой Никитушки Ломова, у которого должны учиться «новые люди», если они желают идти в ногу с революционными демократами и самим народом.¹

Совершенно справедливо отмечалось исследователями, что письмо Рыбникова во многом напоминает добролюбовскую оценку народа, оно перекликается со статьей Добролюбова «О чертах для характеристики русского простонародья». Добролюбов писал: «Не то у простого человека, он или negliжирует, внимания не обращает на предмет, или уже не толкует о своих желаниях, или уж если привяжется, если решится, то привяжется и решится энергически, сосредоточенно, неотступно. Страсть его глубока и упорна и препятствия не страшат его, когда их нужно одолеть для достижения страстного желания и глубоко задуманного. Если же нельзя достигнуть, простой человек не останется сложа руки; по малой мере он изменит свое

¹ См.: Н. Г. Чернышевский. «Что делать?», гл. III. XXIX. «Особенный человек». Полн. собр. соч., т. IX, СПб., 1906, стр. 184—185.

положение, весь образ своей жизни: убежит, в солдаты наймется, в монастырь пойдет».¹

Влияние статьи Добролюбова на Рыбникова сказалось и в «Заметке собирателя», где содержится положительная характеристика русских крестьян, «простонародья»; «врожденная вежливость», «радушие», «приветливость», «удивительный такт» и особенно «деликатность». И Добролюбов считал «деликатность» характерной особенностью простых людей, он ставил в пример народную нравственность, противопоставляя ее своекорыстной и эгоистической морали правящих классов.

Для иллюстрации здесь нельзя не привести известный эпизод, характеризующий олонецкого крестьянина Трофима Григорьевича Рябинина: «Слово гордость не исчерпывает характера Рябинина: к ней присоединяется деликатность, т. к. это свойство в нем следует назвать уважением к самому себе и к другим. Для характеристики этого самоуважения расскажу здесь случай из его жизни: один из полицейских чиновников прежнего времени попросил с него (с Рябинина, — *А. Р.*) взятку за какое-то дело; Рябинин не дал. И случилось чиновнику этому проезжать через деревню Середку. Как он завидел Рябинина, так и бросился к нему с поднятыми кулаками. Трофим Григорьевич спокойно отстранил его от себя и заметил ему суровым голосом: „Ты, ваше благородие, это оставь: я по этим делам никому еще должен не оставался“» (I, 38, т. I, стр. XXIX).

В годы олонецкой ссылки Рыбников не принимал и не мог принимать непосредственного участия в общественном движении «шестидесятников»; его деятельность была ограничена рамками ученых занятий. В области фольклористики Рыбников оставался верным тем принципам народознания, которые вырабатывались в революционных студенческих кружках. В письме из Шуньги мы читаем: «Войдите в крестьянскую избу с промерзшими углами, с занесенными окнами, с ее угаром и чадом и осмотритесь кругом: перед вами налицо трудовая жизнь крестьянина. Целое семейство сбилось в кучу в одной комнате, потолок застлан вековой сажей, свет чуть-чуть проходит через щели оконных ставень, на полках запас лучины и дров, у печки тускло горит, нагорает и гаснет лучина. Темнота, холод, нечистота ... Сегодня он снес подати, а завтра надобно отдавать сына или брата в солдаты, послезавтра давать ответ перед судом за порубку дров для топлива. Впереди вечное изгнание перед сильным и, пожалуй, тюрьма за то, что крестится по-старому и

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, 1935, стр. 289.

вместо Иисуса выговаривает Исус. Летом скотский падеж, зимой — долги и недостаток хлеба.

Не по силам крестьянчикам работушка,
Не по размыслу крестьянчикам заботушка.

Впрочем, что же нам горевать о их судьбе! Ведь их трудом и усталостью мы покупаем себе удобства нашей цивилизованной жизни» (I, 38, т. I, стр. XXXI—XXXII).

Неслучайно также, что Рыбников из всех жанров олонецкого фольклора остановился на былинах. Для Рыбникова былины — не отголосок мифотворчества. Былинный эпос — показатель умственных и нравственных доблестей народа, в них отражена героика, гражданская удаля, совесть самого народа. Рыбников, изучая народное творчество, убеждался в правильности взглядов Добролюбова, который, говоря об идее гражданской доблести, подчеркивал, что эта идея особенно присуща русскому народу.

Вопреки существовавшему тогда суждению мифологов и компаративистов, рассматривавших былины или как пережиток, отражение отзвуков далекой мифологии, или как одно из звеньев странствующей цепи сюжетов, вобравшее русский исторический элемент, Рыбников видел в эпосе национально-историческую основу и одновременно считал, что былевая поэзия соответствует исторически устойчивым, типичным настроениям русского крестьянства, выражает его духовную сущность, его социальные и эстетические воззрения. На это соответствие былевой героической поэзии внутреннему миру крестьянина Рыбников указывал в упомянутом письме из Шуньги. В письме к Бессонову от 2 декабря 1861 года он писал: «Я всегда был убежден, что русский народ отозвался в своих произведениях на все, что ему было дорого, на всякое замечательное событие в области своего развития. И чем больше узнаю я народное творчество, тем убеждение это более и более подтверждается» (I, 38, т. III, стр. 318).

Народную поэзию Рыбников понимал и как отражение исторической жизни народа и как отражение подлинно народного мировоззрения. Он не соглашался с резким противопоставлением О. Ф. Миллера богатырей киевских и новгородских, был против преувеличения чисто местных черт, против сужения исторического и общенационального смысла былинного эпоса. Рыбников считал, что былины — достояние всего русского народа и рассматривал их как выражение общерусского характера: «Былины, — писал он, — родились в целом народе, для целого народа, у которого условия жизни и мысли были общие» (I, 38, т. III, стр. 323). Богатыри для Рыбникова — представители всей

русской нации, воплощение общей силы народа, проявление его воли и могущества. В этом же письме к О. Ф. Миллеру он пишет: «Богатырь — это вообще яркая, крупная личность, возведенная в идеал» (I, 38, т. III, стр. 318). Для того чтобы понять, как эта могучая личность выходит за пределы будничной жизни, необходимо знать все условия жизни народа, семейной и государственной жизни. Отстаивая свою точку зрения, Рыбников спрашивал: «Неужто они (богатыри, — А. Р.) в самом деле стольно-киевские? Почему же Киев не сохранил о них памяти, почему сохранилась о них память на окраинах новгородского севера, где до сих пор человек упорно борется с природой, где до сих пор из каждого почти семейства выходят из дому бурлаки отвезти если не силы, то удали молодецкой? Нет, это богатыри свято-русские, общие всей Руси» (I, 38, т. III, стр. 323).

Многие свои замыслы и заметки Рыбников оставил незаконченными. Так, он хотел написать статью о былинном эпосе, где должен был осветить весьма важные вопросы генезиса и развития былевого эпоса: «сущность народно-эпической поэзии — постепенный переход из коротких эпических стихов, с одной стороны, в былины и образование поэм при участии личности поэта, с другой стороны, переход былины в побывальщину, сказку и лирическую песню» (I, 38, т. III, стр. 304). В письме к К. Аксакову от 26 июня 1860 года Рыбников уточняет свой план статьи, сообщая, что статью об эпосе он хочет писать, основываясь на живых наблюдениях: «Материалов под рукой теперь много и взгляд мой на предмет образовался сам собой, из того, что я знаю и слышу. А живое знакомство с предметом необходимо, чем думают книжники» (V, 7). Статья, задуманная Рыбниковым, осталась ненаписанной. Он ограничился рассказом о том, как передаются и сохраняются былины, и замечаниями о значении личного элемента в былинном сказительстве.

Из отдельных его замечаний следует, что народный эпос обычно развивается, переходя от героических песен к широким эпическим повествованиям — поэмам; русский героический эпос, группируясь вокруг любимых народных героев, задержался на первой ступени развития, он не испытывал вмешательства извне, к нему не прикасалась рука поэтов, отсюда былевой эпос подлинно народный эпос, вылившийся непосредственно из уст народа. Рыбников признавал возможность образования новых былин за счет композиционной перестройки и создания так называемых «сводных» былин — поэм. По этому вопросу он писал в «Заметке собирателя»: «Вообще, образование первоначального эпоса происходит еще в то время, когда письменна не изобретены или не в большом употреблении, когда человек, желая сохранить

прошедшее в памяти, прибегает к размеру и напеву, и когда в стихотворную форму облакаются не одни предания и исторические воспоминания, но и законы, пророчества, предзнаменования. Сначала подвиги героев и события национальной жизни передаются в коротеньких отдельных героических песнях. Эти песни мало-помалу группируются около любимых народных героев и образуют целые циклы разного времени и происхождения; циклы, в свою очередь, под влиянием какого-нибудь господствующего мифа или преобладающей нравственной идеи сближаются между собой и при участии личного творчества сплавляются в эпопею. Затем народные былевые песни мало-помалу теряют свой поэтический характер, частью уступают место поэмам, рыцарским романам, частью переходят в сказки на первой ступени.

«Наша поэзия остановилась на первой ступени развития, былинах, и не успела перейти в эпопею. Зато многие былины, смотря по тождеству изображаемого ими быта и мирозерцания, сами собою сгруппировались в циклы: старших богатырей, Владимиров, Новгородский и Казацкий... Некоторые варианты об Илье и Добрыне разрослись до огромных размеров и обнимают почти все подвиги воспетых ими богатырей» (I, 37, стр. ХCVIII—XCIX).

Рыбникова интересовало не только прошлое былинного эпоса, но и его современное состояние, а также дальнейшая судьба былевой поэзии. В книге «Русский былинный эпос на Севере» А. М. Астахова отмечает, что «Рыбников был первым, кто задумался над странными былинами, которые он записал от кижского сказителя Абрама Чукова, по прозвищу „Бутылка“» (II, 89, стр. 139). В «Заметке собирателя» Рыбников писал: «В августе месяце 1863 года текст былин был уже переписан и приготовлен к печати, „Бутылка“ припомнил две старины о царстве под солнышком и о нерассказанном сне. Я записал их, но, записывая, испытал то же недоумение, которое было возбуждено во мне побывальщиной о дворянине и несчастном молодце и которое рассеялось после статьи П. А. Бессонова, доказавшей, что о дворянине этом непременно должны были существовать былины» (I, 38, т. I, стр. XCII). Рыбников задумывался над новым сюжетом и искал ответа: «Отзвук ли это древних до-Владимировых старин, у которых склад разрушился или разрушается в побывальщину, или же это последняя, может быть, попытка народного творчества построить новые былины из сказок, в основании которых лежат предания, общие всему индо-европейскому племени». С последней возможностью он никак не мог согласиться: если бы это было так, «то при-

шлось бы допустить, что период эпического творчества только еще заканчивается». Рыбников придерживался того мнения, что сложение новых былин в новых условиях, во вторую половину XIX века, почти невозможно. «Таким образом, — замечает А. М. Астахова, — представление о северном этапе в истории былины, как периоде угасания эпической традиции, заставило Рыбникова ошибочно видеть в этих былинах — сказках „особый цикл песен, содержание которых восходит к доисторическому времени“» (II, 89, стр. 139). Действительно, Рыбников не раз говорил о «потухании», о разрушении былинного эпоса. Упомянутые песни А. Чукова, по мнению Рыбникова, явились в результате разрушения былевой поэзии. В прозаическом пересказе былинных сюжетов он отказывался видеть проявление нового своеобразного творчества: «побывальщина» — это перерождение былины при «подновлении и малевании новейшего времени». В письме к К. С. Аксакову Рыбников писал: «Вот былины так вымирают и переходят в сказку. Как совершается такой переход, усмотрите сами из образцов побывальщины, межеумков былины и сказки, где голос уже забыт, а вместе с ним исчезли уже устойчивость стиха, определенность и архаизм выражения: на старой картинке видно уже подновление и малеванье новейшего времени. Во всяком случае бывальщины интересны, как развалины, которые прямо указывают на существование былин однородного содержания» (V, 4).

Однако в конечном итоге Рыбников не совершал ошибки. Судьбу былевого эпоса он в основных чертах предугадывал верно, это был закономерный процесс постепенного ослабления традиционного эпоса в живом его бытовании. Новейшие записи былин объективно подтверждают выводы Рыбникова.

4

Принципиальное научное значение имеют высказывания Рыбникова о сказке. Судя по тем предварительным замечаниям, которые сделал Рыбников в области сказковедения, наблюдения его были основаны на достаточно серьезном и обширном материале (I, 38, т. III, стр. 321). В 1860 году Рыбников уже обладал большим собранием сказок собственной записи и записи собирателя А. А. Шкалина. По неизвестным причинам в издание «Песен» Рыбникова вошли только две сказки — «Сказка о мужике и воине» и «Сказка об Олеше голопузом».

В. Г. Базанов совершенно правильно указал, что в кратких высказываниях Рыбникова о сказках «содержится целая программа будущего сказковедения» (II, 88, стр. 217). Рыбников

поставил целый ряд важнейших вопросов по изучению сказки, которые явились в результате непосредственных наблюдений над сказителями с их индивидуальным репертуаром. Можно сказать, что Н. Е. Ончуков, братья Соколовы и М. К. Азадовский, выдвинувшие проблему сказочника и индивидуального мастерства, в значительной мере обязаны Рыбникову. Рыбников во многом опередил издания сказочных сборников, явившихся после знаменитого собрания «Народных русских сказок» А. Афанасьева.

Наблюдения Рыбникова не были обобщены в специальной статье, но они довольно ясно высказаны им в письмах и заметках. В письме к О. Ф. Миллеру Рыбников писал: «Послушаем сказчика. У хорошего слова так и нижутся, как бисер, слышим даже ритм, целые стихи. Но это в тех сказках, которые он на твердил, часто рассказывал. Заставьте его повторить, он многое передаст другими словами. Спросите, не знает ли той сказки кто-нибудь другой — он укажет Вам на одnodеревенца имрек. Вы просите имрека рассказать ту же сказку. Она передается не только другим языком, другим складом речи, но иногда другим ладом. Один вводит или сохраняет жалостные подробности, другой вносит или удерживает насмешливый взгляд на иные эпизоды, третий выбирает или прилаживает из другой сказки (или из общего всему люду сказчиков склада, о чем после) иную развязку, появляются новые лица, новые похождения» (I, 38, т. III, стр. 321). В противовес старому обычному представлению об устойчивом, раз навсегда данном сказочном тексте, Рыбников отмечает его подвижность, возможность возникновения новых вариантов и комбинаций. Он указывал на отличие сказки от былевой поэзии, которой присуща более законченная форма. «Основа у былин и сказок действительно одна и та же в прошедшем и отчасти в настоящем, — писал Рыбников. — Народное мирозерцание, взгляд народа на прошедшую свою историю, на житье-бытье — то передается сказкой, то сказывается былиной. Но когда просится на волю представление (первопонятие), оно не стесняется образами и выражается сообразно с характером рассказчика; когда нужен образ, когда нужна пластичность, идеал, определенный особью,¹ местом и временем, — тогда требуется устойчивая форма, стих, былевое воплощение, тогда произволу места нет, личный элемент в передаче уступает место общему, целому, в теперешнем положении эпоса — традиции. В былинах личный элемент сказывается

¹ Первая степень разрушения былин — утрата имени и разум. личности у богатыря, утрата определения места. — Примеч. Рыбникова.

отдельным словом, выбором варианта; в сказке — всем ее складом, интригой, развязкой. Былевая поэзия — земская поэзия народа; но как земские интересы, хотя они и дороги каждому, всем рядить нельзя, то они и требуют особых представителей; чтобы стать ими, нужна любовь к делу, память, голос. Сказочная поэзия — обыденная, бытовая жизнь, переведенная в представление. Каждый то же, что делают другие, делает по-своему, сообразно со всей особенностью, настроением, хотя, разумеется, определяется в своем личном творчестве, народностью, временем, местом. *Былины* — область общего, земского, народного эпического творчества, сказки — личного» (I, 38, т. III, стр. 321—322).

Рыбников не отрицает, что в некоторых сказках отражены «древние и мифологические поверия», но для него также ясно было и то, что сказки сопутствуют жизни крестьянина, что в них отражены реальные взгляды на жизнь. Рыбников разделял некоторые положения мифологической школы, он не отрицал наличие в былевой поэзии и в сказках мифологических представлений, но Рыбников призывал идти дальше, не останавливаться на архаических мотивах и соотносить фольклор с реальной действительностью, со взглядами крестьянина на жизнь. В одном из писем к К. Аксакову, посланном вместе с сборником сказок, Рыбников писал: «Если не все сказки заслуживают печати, то может пригодятся Вам какие материалы, тем более что во многих сохранились следы древних мифологических поверий, а другие прямо переносят в быт народа и знакомят нас со взглядами крестьянина на жизнь» (V, 4).

И все же Рыбников в понимании народных сказок не был прямым союзником Добролюбова. В добролюбовской характеристике на первом плане — отношения народа с окружающей действительностью, отражение мировоззрения народа. В рецензии на сборник сказок А. Афанасьева Добролюбов писал: «Всякий из людей, записывающий и собирающий произведения народной поэзии, сделал бы вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записыванием сказки или песни, а передал бы всю обстановку как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку».¹ Для Добролюбова народные сказки — прекрасный «материал для характеристики народа».² Он считал особенно важным уяснить, «в каком отношении находится народ к рас-

¹ Н. А. Добролюбов. Народные русские сказки, изд. А. Афанасьева. В. III и IV, М., 1858. Полн. собр. соч., т. I, 1934, стр. 433.

² Там же, стр. 432.

сказываемым им сказкам и преданиям», верит ли народ в действительное существование сказочных чудес, считает ли действительностью могущество знахарей и колдунов. Ответы на все эти вопросы должна была дать современная фольклористика. «Живой ответ на них (на эти вопросы, — А. Р.) даст возможность принять народные сказания как одно из средств для определения той степени развития, на которой находится народ».¹ Для точного представления «живой физиономии народа» необходимы были всесторонние наблюдения, пристальное и внимательное изучение сказочного репертуара и самого сказочника.

5

Рыбников первый по-настоящему поставил одну из важных проблем в изучении народного творчества, проблему сказительского мастерства. Конечно, творческий процесс у сказителей-сказочников и певцов былин не совпадает, сказка более подвержена варьированию, она легче вбирает в себя местный колорит, поэтика сказки более подвижна. Но и в былинном эпосе личное начало всегда присутствует, всегда дает себя знать.

Индивидуальное мастерство певцов былин было отмечено Рыбниковым впервые. До него ученые не обращали внимания на творческие индивидуальности. Рыбников писал О. Ф. Миллеру: «Было бы желательно, чтобы выводы опирались на еще более подробную разработку фактической основы, чтобы аппарат был, так сказать, осязательнее. Для этого Вам интересно было бы познакомиться с представителями народной поэзии в ее настоящем положении. Так, сказка и былина, простите, по моему сильному убеждению, у вас не разграничены еще устойчиво. Послушайте, как певцы поют былинку, как крестьяне сказывают сказку, — сейчас же родится само собой представление о наглядном различии того и другого» (I, 38, т. III, стр. 321). О значении личности сказителя Рыбников писал и в «Заметке собирателя».² Будучи убежденным в правильности своих наблюдений он считал наиболее удобным публикации текстов по сказителям, так как каждый сказитель вносит в былинку свои коррективы, личный элемент. «Всякий, кто хочет познакомиться вполне с русской былевой поэзией, — писал Рыбников Оресту Миллеру, — должен прочесть былины каждого

¹ Там же, стр. 433.

² О внимании Рыбникова к проблеме сказительства см. работу А. М. Астаховой (II, 89).

певца вместе. Тут ему представится все, что есть общего и характерного у каждого сказителя, не только народного, но и особого, ради чего певец из океана песен выбрал известную волну былин... в былинах К. И. Романова, слепца от рождения и ученика слепцов, заметно особенное добродушие, свойственное слепым; даже жестокий поступок получает у него какой-то смягчающий характер посредством мягких выражений или смягчающих подробностей. Война, поединки, пиршество, силы молодецкие, беззаветная удаля на первом плане у рыбаков и бесстрашного пловца Рябинина; трагический отпечаток, так редкий в эпосе, вызывающий то страх, то сострадание, бросаются в глаза в былинах поморского старика...» (II, 71, стр. 314—315). В конечном итоге Орест Миллер должен был согласиться с Рыбниковым; Рыбников нанес удар по западноевропейской и русской славянофильской фольклористике, обезличивавшей фольклор, отвлеченно понимавшей народ, проходившей мимо современных процессов и в народном творчестве. Миллер отмечал, что ни в одном из сборников, вышедших до собрания Рыбникова ни у нас, ни за границей, не указывались имена сказителей и певцов. Положительным и вполне оригинальным считал Миллер и сообщение Рыбникова о встречах со сказителями. «Наш отечественный собиратель, не задаваясь приемами гения, представляет во всяком случае пример того, что при добросовестном взгляде может быть названо только величайшей добросовестностью и в отношении к науке» (I, 37, стр. XXXII—XLV).

Известно, что вопросу о «личном начале» в народном творчестве уделил огромное внимание и другой крупный собиратель — А. Ф. Гильфердинг, собиравший былины в Олонецком крае.

Нет сомнения, что Рыбников в разрешении вопроса о сказителях и их индивидуальном творчестве во многом предвосхищает Гильфердинга. Но это только одна из заслуг Рыбникова, причем не основная. Рыбникова многое отличает от Гильфердинга, и эти различия прежде всего определяются политическими взглядами и убеждениями Рыбникова. Не следует забывать, что Рыбников не только собирал и изучал произведения народного творчества, но и принимал живейшее участие в революционном студенческом движении, руководил политическим кружком вертепников, пропагандировал идеи Герцена.

6

Кроме былин Рыбников записывал и другие жанры народной поэзии. Он обратил внимание на причитания и бытовые песни, хотя они и не представляли для него первостепенного

значения. Ему принадлежит описание свадебного обряда, публикации свадебных песен и заплачек из Заонежья, Петрозаводского и Пудожского уездов. В издание песен Рыбникова вошло около 80 свадебных заплачек и песен. При изучении свадебных песен и заплачек исследователи совершенно несправедливо забывали Рыбникова; лучшие и почти единственные записи свадебных песен и обряда в Олонецкой губернии за эти годы принадлежат именно П. Н. Рыбникову.

Свадебные обряды привлекали внимание местных любителей словесности и краеведов и до Рыбникова. Описание свадебного обряда олончан дано в 1842 году в «Олонецких губернских ведомостях» В. А. Дашковым,¹ в 1853 году неизвестным собирателем в тех же «Ведомостях» было опубликовано описание свадебного обряда Пудожского уезда,² несколько свадебных песен в записи собирателя Макарьевского вошло в издание «Песен» Рыбникова (I, 38, т. III, стр. 17—21).³ Но большинство этих публикаций не могут стать в сравнение с материалами, собранными Рыбниковым. В публикациях собирателей, предшествующих Рыбникову, сообщалось обычно описание обряда и лишь в качестве отдельных образцов приводились отрывки песенных текстов, причем в этих образцах часто обнаруживается явная их стилизация.⁴ В противоположность таким отрывочным и случайным записям, записи Рыбникова представляют собой стройные тексты в их полном объеме. Одновременно Рыбников тщательно изучал народные обряды, для него причитания представляли интерес в связи с обрядом, в связи с их живым бытованием.

Рыбников отмечал, что свадебный обряд русского севера представляет собой целостное сценическое представление, где главными действующими лицами являются: князь — жених, порученная княжна — невеста и непременно наперсница невесты — вопленица, или плакальщица.

Рыбников обратил внимание и на бытовые песни.⁵ Здесь он также производил дополнительные наблюдения. Собиратель описывал внешнюю обстановку, в которой поются песни, сообщал содержание «беседы», рассказывал о свадебных играх и их

¹ В. А. Дашков. Свадебные обряды олончан. ОГВ, 1842, №№ 1—3.

² Свадебные обряды Пудожского уезда. ОГВ, 1858, № 2.

³ Свадебные песни №№ 10, 11, 12 напечатаны в «Олонецких губернских ведомостях» за 1862 год (№ 11 и сл.).

⁴ Так, например, некоторые газетные публикации свадебных заплачек в записи Макарьевского явно стилизованы.

⁵ В раздел «Бытовые песни» вошли уцелевшие песни, записанные Рыбниковым в Черниговской губернии.

ритуальном значении. Примером внимательного наблюдения может служить описание праздничных костюмов и украшений: «Богатые (девушки, — А. Р.) разодеты в красные парчевые и штофные сарафаны, перехваченные у талии поясом из лент, и тонкие сорочки с польскими, коротенькими рукавами. На шею у них пестрые платки, которые не закрывают жемчужных ожерельев; в ушах большие жемчужные серьги; на голове поднизь, т. е. сетка из лошадиного волоса, из насаженного жемчугом, которая, как кружево, обрамляет лоб и спускается к ушам. Поднизь состоит из нескольких кружевных сборов и, чем богаче девушка, тем больше сборов в сетке. У некоторых, кроме сеток, — челочек, т. е. коронка из жемчуга» (I, 38, т. III, стр. 134; разрядка П. Н. Рыбникова). Такие подробности мог запечатлеть только внимательный этнограф.

В оценке обрядовой поэзии Рыбников никогда не фальшивил, не заигрывал с народом, как это делали либералы, а серьезно и заинтересованно пытался разобраться в народной поэзии, сохранить ее для потомства и сообщить для народной жизни необходимые сведения, подчас очень важные, переключившись с высказываниями Добролюбова о «простонародье». В «Заметке собирателя» он рассказал о шунгской вопленице, с которой познакомился в одну из поездок в Повенецкое Заонежье. Он отметил живой интерес местного населения к обрядам, указал на органическую связь причитаний с обрядами, со свадьбами, проводами рекрутов и похоронами. Для того времени Рыбников считал плачи очень распространенным на севере жанром и указывал, что они известны здесь почти каждой женщине этих мест. «Вопленица — это в Повенецком Заонежье такое же официальное общественное лицо в бытовой сфере, как „уставщик“ в религиозной», — писал Рыбников. Уставщик наблюдает за чистотой религиозного обряда и порядком, а вопленица блюдет чистоту бытового обряда, обычая и порядка: она руководит ходом свадеб, похорон, поминок. Когда невесту в день порученья подводят «ко столу», плакальщица идет сзади нее и поет жалобные заплачки, в которых высказывает всю горечь расставанья молодой девушки с родителями, родом-племенем, и весь страх неизвестности при переходе к «чужим чужанинам», «на остудушку чужую на сторонушку». «В дни похорон и поминок она же подсказывает вдовам и сиротам жалобные заплачки и высказывает «жалобным голосом тяжесть разлуки с милой „семеюшкою“, „ясным соколом-брателком“ и другими дорогими „покойничками“» (I, 38, т. I, стр. XV).

Рыбникову представлялось, что обрядовая поэзия обнаруживает в себе наличие драматического элемента и при других

обстоятельства могла бы разрастись в народную драму. Об этом сообщал он в письме к неизвестному лицу из Петрозаводска, подобное сообщение повторил и в письме к К. Аксакову от 6 мая 1860 года: «Как-то в споре с А. С. Х., — писал Рыбников, — я наобум и на веру добрым людям высказал мнение, что поэтическое творчество уже исчезло из народа. Тогда он привел мне слова новой превосходной сибирской песни. Лучшее подтверждение его мнения представляют заплачки, которые слагаются до сих пор... Вообще заплачки, игры и пения на беседах, свадьбах и похоронных обрядах носят в себе зародыши драматической потребности — не было благоприятных условий, и не развились они в народную драму» (V, 4).

Для Рыбникова причитания, как и другие виды народной поэзии, являлись отражением реальной народной жизни. В них он видел выражение народных чувств, переживаний обыденной жизни, а не отражение только пережитков и древних верований. В «Заметке собирателя» Рыбников писал: «Если былевая поэзия переносит нас в далекое прошлое и открывает нам народное земское представление о русской истории и о тех идеалах, которые созданы ее течением в сознании народа, то заплачки и бытовые песни знакомят со взглядом русского человека на явления его семейной и обыденной жизни» (I, 38, т. I, стр. XII—XIII).¹ Рыбников говорил о неизбежности потухания былевой поэзии в устном ее бытовании, но это не касается песен, сказок и причитаний. Если раньше, в полемике с Хомяковым, он «наобум» говорил об исчезновении народной поэзии, то теперь, в годы олонеецкой ссылки, он пытался разобраться в тех сложных процессах, которые происходят в современной народной поэзии.

Причитания стали особенно известны лишь с появлением в свет первого тома «Причитаний Северного края», изданного Е. В. Барсовым в 1872 году. Но собирать причитания Барсов начал уже после Рыбникова и не без его влияния. Об этом Барсов сам писал в письме к О. Ф. Миллеру от 11 мая 1868 года (II, 73, стр. 217). В сборник «Причитания Северного края» в своем большинстве вошли плачи, записанные от Ирины Федосовой, знаменитой вопленицы, которая так высоко была оценена А. М. Горьким. Известно, что вместе с другими видами народной поэзии причитания Федосовой послужили непосредственным материалом, который использовал в своей поэзии Н. А. Некрасов. Сборник причитаний Барсова вышел в свет в то время, когда Некрасов работал над своей поэмой «Кому

¹ См. также «Письмо Рыбникова к...» (II, 82).

на Руси жить хорошо». В руках у Некрасова были лучшие сборники русского классического наследия народного творчества: «Народные русские сказки» А. Афанасьева (1855—1864), «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (1861—1867), «Пословицы русского народа» Даля (1862), «Песни, собранные Петром Киреевским» (1868—1872), «Причитания Северного края» Е. В. Барсова (1872). Об использовании причитаний Ирины Федосовой Некрасовым в литературе говорилось неоднократно. В этом убеждает простое сличение текстов, сделанное в книге И. Кубикова «Комментарии к поэме Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“» (II, 81).¹

Но известно также, что Некрасов использовал и заплачки, вошедшие в «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Особенно ясно это обнаруживается при сопоставлении поэмы («До замужества» и «Демушка») с плачами пудожских и заонежских воплеиц, помещенными в сборнике «Песен» Рыбникова.

В своих рассуждениях о песнях и причитаниях Рыбников не расходился с мнением революционных демократов. Добролюбов считал, что песня выражает «внутреннее чувство, возбужденное явлениями обыкновенной жизни». В статье об А. В. Кольцове он писал: «У нас народ сопровождает пением все торжественные случаи своей жизни, всякое дело, всякое веселье и печаль. Еще в колыбели дети убаюкиваются песнями; подрастая, они сами выучиваются напевать народные песни. Собирается зимой молодежь крестьянская на посиделки, и здесь раздаются песни, приходит весна, выходят поселяне встречать ее, составляют хороводы, завивают венки, и при этом непременно поют песни. Едет крестьянин пахать землю, он облегчает труд свой песней; собираются крестьяне жать, косить в знойную рабочую пору, и здесь песня звучит между ними, освежая их среди тяжелых трудов. Провожают лето, празднуют уборку хлеба, — опять с песнями. Песня сопровождает поселянина во всех его общественных трудах; она же следует за ним и в семейную жизнь

¹ Н. П. Андреев (II, 83), признавая сходство сопоставлений, приведенных в книге Кубикова, совершенно основательным, замечает, что Некрасов использовал материалы не механически. «Мы видим, — пишет Н. П. Андреев, — у Некрасова чрезвычайное сжатие всего текста по числу строк... Кроме того, и каждая строка у Некрасова короче соответствующей фольклорной строки (например у Рыбникова — «К дубову столу», у Некрасова — «К дубову столу»). Это придает стиху Некрасова большую эмоциональную напряженность (фольклорный размер длиннее и вличнее)». Об этом см. также в работах Ю. М. Соколова (II, 84), В. Базанова (II, 88), К. В. Чистова («Некрасов и сказительница Федосова». Научн. бюлл. ЛГУ, 1947, № 16—17).

его. Собирается ли молодец жениться, его сватанье, девешник, свадьба — все это непременно оглашается песнями, готовыми нарочно на этот случай. Настает ли готовая разлука с семейством, мать провожает сына, жена мужа — с рыданиями, причитаньями и пением. Умирает ли человек, над ним раздаются похоронные печальные песни ... Так ли, почему-нибудь нападает грусть — тоска на душу, она сейчас изливается в грустной песне. Веселье ли заберется в сердце, и оно не удержится в нем без того, чтобы не выразиться в удалой, разгульной песне».¹ Рыбников и на этот раз как бы подтверждал мнение Добролюбова, ссылаясь на свои наблюдения и на вновь добытые материалы.

В примечании к «Заметке собирателя» Рыбников писал: «В песне исчерпан круг несложных ощущений, которые приходится испытывать крестьянину как члену семьи и общины. Начиная от колыбели, песня провожает человека до детских игр, к забавам молодых лет, к первому пробуждению любовного чувства; она в трогательных образах представляет девушке горький переход от девичьей воли к замужнему безволию; но она же подсказывает мужу и жене задушевные речи любви и учит их убаюкивать и утешать будущего ребенка; песня оживляет тяжелую будничную работу настрадах в непогоду и зной и в душевной избе при свете лучины, и в праздничный отдых в хороводе или на беседе. Подрастут у крестьянина дети, и та же песня проводит и сына на службу государеву, и дочь на чужую сторону, и старика отца со старухой матерью, с которыми дети расстанутся навсегда в этом свете» (I, 38, т. I, стр. XII—XIII). Замечания Рыбникова о бытовых песнях и плачах дополняют его выводы о народном творчестве в целом как явлении, отражающем народную жизнь и служащем источником для познания народного мировоззрения.

7

Деятельность Рыбникова-фольклориста фактически обрывается в Олонецкой губернии. В январе 1864 года он написал письмо олонецкому губернатору Арсеньеву, которое вместе с ходатайством последнего было направлено князю Долгорукову (V, 11). Рыбников просил о снятии с него полицейского над-

¹ Н. А. Добролюбов. А. В. Кольцов. Полн. собр. соч., т. I, 1934, стр. 123. Впервые опубликовано в: А. В. Кольцов, его жизнь и сочинения. Чтение для юношества, М., 1858.

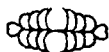
зора, угнетавшего его «как гражданина и как нравственную личность». Даже и в этом письме Рыбников не мог скрыть своих прежних политических идей. Он признавался: «В пору этого обвинения я усердно занимался политэкономией, наука эта весьма часто составляла предмет моих разговоров, а еще недалеко от нас то время, когда политэкономия нисколько не различалась обществом от политики и стремления умножить народное богатство, улучшить быт трудящихся — причислялись к политическим тенденциям. Вообще положение дел в 1854—59 годах (когда я был в университете) резко отличалось от настоящего. Всеми чувствовалась потребность облегчения кар против печатного слова, гласного судопроизводства, земских учреждений и, наконец, уничтожения крепостного права. Глубоко сочувствуя этим потребностям, я, признаюсь, не затруднялся высказывать некоторые мнения по этим предметам» (V, 11).

В своем официальном послании из Олонецкой губернии, защищая себя от всяких подозрений в политической неблагонадежности, Рыбников все же не сумел скрыть главного: изучал политическую экономию, стремился «умножить народное богатство», «улучшить быт трудящихся», защищал свободу слова, печати, ратовал за уничтожение крепостного права. Вместе с тем Рыбников использовал в этом письме все средства и доводы, лишь бы облегчить свою судьбу, да иначе и не звучала бы серьезно для губернатора просьба политическому ссыльному. Он просил учесть, что ближайшими его знакомцами были А. С. Хомяков и К. А. Аксаков, преданность которых православию, монархии и царствующей династии не вызвала сомнений. После рассмотрения прошения Рыбников был освобожден от надзора, а в 1866 году ему было дозволено покинуть Петрозаводск с воспрещением, однако, жить в столицах и столичных городах.

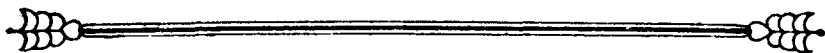
В годы наступившей реакции Рыбников фактически прекращает свои занятия народной поэзией и окончательно прощается с вольнолюбивой молодостью, разделяя участь тех деятелей, которые после закрытия «Современника», после разгрома революционно-демократического движения ушли от общественной борьбы и довольно успешно продвигались по службе. Изучением народной поэзии после олонецкой ссылки Рыбников уже не занимался. Последний период его жизни не представляет для нас интереса.

Рыбников и Ефименко не разделили судьбу таких ученых, как Худяков, Прыжов и Якушкин, которые пали жертвой самодержавия, не успев завершить своих деяний и помыслов. Рыб-

ников и Ефименко постепенно эволюционизировали вправо, они превратились в народнически настроенных либералов. В. И. Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся?»¹ указывал, что либеральные народники девяностых годов утратили революционные черты народников семидесятых и начала восьмидесятых годов и отказались от борьбы с самодержавием.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 459.

П. С. ЕФИМЕНКО В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

1

Этнограф и фольклорист Петр Саввич Ефименко, как и Рыбников, попал на север не по своей воле. Он был сослан за участие в «противоправительственной деятельности», в студенческом революционном движении. Архангельская губерния была вторым местом его ссылки: некоторое время Ефименко находился в ссылке в Перми.

Отправленный из Алексеевского рavelина¹ в Пермь, Ефименко продолжает общественную деятельность и опять попадает под надзор III отделения. В Перми он прожил около года (с 1 июня 1860 года по март 1861 года), но без этого короткого отрезка времени будет неполным начало политической биографии П. С. Ефименко.

Главными организаторами передовой общественной жизни в Перми оказались преподаватели семинарии А. Н. Моригеровский, А. Н. Иконников, А. Воскресенский. Все они еще до Перми в какой-то степени были связаны с общим демократическим движением. Моригеровский в бытность свою учителем Петербургского технологического института читал воспитанникам запрещенные сочинения: «Колокол», «Будущность», воззвание «Великорусс» и т. п. Он был хорошо знаком с издателями «Современника» и помещал в этом журнале под неизвестным псевдонимом свои статьи (V, 26). А. Воскресенский (кандидат Казанской духовной семинарии) был сослан в Пермь за пропагандистскую деятельность. По окончании курса Казанской духовной академии прибыл в Пермь Иконников, он поступил профессором философии в Пермскую семинарию, откуда позднее перешел на должность чиновника особых пору-

¹ В Алексеевском рavelине Ефименко пробыл 4 месяца — с 26 февраля по 24 июня 1860 года и был отправлен в III отделение.

чений при местном губернаторе. К этому же кругу принадлежал товарищ Н. А. Добролюбова по Главному педагогическому институту — Н. А. Фирсов.¹

В 1859 году Иконников и Воскресенский открыли в Перми библиотеку для чтения, где можно было найти не только петербургские журналы, но и сочинения Герцена. В библиотеке они организовали кружок, состоящий главным образом из семинаристов, но здесь же бывали и политические ссыльные. Семинаристы издавали рукописный журнал, где критиковали схоластическое обучение и порядки семинарии. Любопытным является письмо пермского губернатора Лашкарева на имя министра внутренних дел П. А. Валуева от 4 марта 1864 года, где появление молодых учителей в Перми охарактеризовано как неблагоприятное для губернии происшествие. Впоследствии, когда пермский тайный кружок был раскрыт, подозрения в его организации пали на профессора семинарии Иконникова. В деле «О лицах, прикосновенных к пермскому кружку» на полях имеется пометка: «Иконников был главным руководителем кружка злонамеренных людей» (V, 20, л. 28). Считая Иконникова центральной фигурой местной демократической молодежи, пермский губернатор Лашкарев отмечал также известную роль в этом кружке П. С. Ефименко и А. И. Европеуса, друживших с Иконниковым и Воскресенским.²

С появлением Ефименко деятельность кружка в Перми ожилилась. В кружке использовались и такие формы конспиративной работы, как литографирование запрещенных сочинений и их распространение. Рядовому гарнизонного батальона Кулышеву было предложено изготовить литографский станок для отпечатания 5000 экземпляров сочинения Огарева «Что нужно народу» (IV, 103, т. XI, стр. 407). Замысел этот не удался, Кулышев оказался случайным человеком и выдал всех участников кружка. Но рукописные сочинения все же продолжали распространяться. Бывший воспитанник пермской семинарии Иван Золотов, привлеченный в связи с беспорядками в Казанском университете, писал в прошении к министру внутренних дел Валуеву: «Я не буду заператься перед Вами в моем сочувствии к изложенным в них (запрещенных сочинениях, — *А. Р.*) мыслях. Я скажу более, что я не только сочувствовал им . . . я давал

¹ О добролюбовском институтском кружке см.: С. А. Рейсер. К вопросу о революционных связях Н. А. Добролюбова. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. IX, № 1, 1952, стр. 52—60.

² А. И. Европеус был сослан в Пермь как участник беспорядков в Тверской губернии в 1859 году.

другим для прочтения ... это было естественным увлечением. Бывши в семинарии, я не видел и не читал ничего, кроме сухих, старых, переходивших от одного учителя к другому учебников. Я перешел от веры на слово, от механического зубрения семинарских учебников к вере в истинность запрещенных сочинений, которые имели преимущество перед первыми в новизне предмета и в самом изложении» (V, 16, л. 477).

О влиянии на пермскую молодежь П. С. Ефименко указывает в своей рукописи С. С. Татищев: «Кружок этот не имел определенного характера до прибытия в Пермь высланного туда П. Ефименко, скоро приобретшего значительное влияние на прочих членов кружка. Он успел придать ему политическое направление, кружок завел корреспондентов в Москве и Петербурге. Он был как бы продолжением харьковского кружка» (V, 45).

Как и многие кружки того времени, пермский кружок ставил перед собой политические задачи: «Приготовить умы посредством распространения запрещенных сочинений, изданных за границей; приобрести влияние воспитанников средних учебных заведений, в особенности семинаристов, приготовляя из них будущих революционных деятелей; действовать на народ путем возмутительных воззваний, составленных как за границей, так и, в случае надобности, в среде самого кружка; сближаться с учащейся молодежью посредством литературных вечеров; заводить, где только можно, подобные кружки и поддерживать связь между ними, для чего каждый член пермского кружка обязан, где бы он ни находился, поддерживать сношения с этим кружком» (V, 45).

1 мая 1861 года пермский губернатор сообщил министру внутренних дел о наличии в пермской семинарии рукописного воззвания «Послание старца Кондратия», в котором под видом апостольского писания разъяснялось настоящее положение угнетенного народа (IV, 103, т. XI, стр. 407).¹ Самодержавный властитель был представлен в послании антихристом, который отнимает народную волю. В послании говорилось о разжигаемой антихристом национальной и социальной розни, подчер-

¹ Царское правительство считало, что это послание исходит от Герцена, между тем оно было составлено В. А. Энгельсоном в 1854 году и тогда же было напечатано в Лондоне. Напомним, что Владимир Аристович Энгельсон был причастен к петрашевцам, дружил со Спешневым. В 1850 году Энгельсон выехал за границу, где и познакомился с Герценом. В Пермь «Послание» было привезено из Петербурга наставником семинарии А. Н. Моригеровским и распространялось семинаристами в рукописных копиях.

кивалось тунеядство дворянства и царского правительства, которые живут за счет народного труда. Все дела антихриста назывались ложью, а сам он именовался начальником лжи. Послание призывало народ к объединению и вере в свой разум; «Выбирайте из себя выборных и поручайте им заведывать общественными делами, требуйте отчета от них — свергайте с себя иго антихристово и боярское!», — так заканчивалось послание.

В связи с распространением «Послания старца Кондратия» была «высочайше» утверждена следственная комиссия под председательством князя Голицына. Комиссия установила, что эта прокламация в двух экземплярах была послана в Шадринский уезд с уволенным из пермской семинарии слушателем Симановским и два экземпляра повез с собой в Красноуфимск П. С. Ефименко, отправленный туда в марте 1861 года на должность столоначальника в уездный суд. Губернатор с некоторым опозданием сожалел, что Ефименко не был направлен в более отдаленное место для ссылки и характеризовал его как ярого зачинщика свободомыслия в Перми: «Он (Ефименко, — А. Р.) привез ультрареволюционное сочинение, направленное против царя, дотоле в Перми не известное. Он адресован был единомышленниками и поместился на квартире с состоящим под надзором Годлевским (из кружка Иконникова). Он один мог вести их в связь с другими городами. Он же воодушевил бессознательный кружок к действию, указав цель — возбудить волнение ко времени объявления крестьянской свободы» (IV, 103, т. XI, стр. 408).

В донесении на имя князя Долгорукова сообщалось о пермской семинарии: «Таким образом, в пермской семинарии были заронены семена демократии, которые сеет в России враг... нравственная зараза охватывала, если не большинство, то лучшие надежды семинарии» (V, 24, л. 90). Имея в виду Ефименко и Европеуса, пермский губернатор не без основания писал в донесении Валуеву: «К ним (т. е. к свободомыслящей молодежи, — А. Р.), как вредная закваска, присоединяются присланные под надзор (Ефименко и Европеус, — А. Р.), составляющие без преувеличения заразу, отравляющую соки свежего края» (IV, 103, т. X, стр. 408). Несомненно, Ефименко принадлежало одно из первых мест в распространении запрещенных сочинений в Перми, об этом говорят и данные следственной комиссии.

Необходимо напомнить, что Ефименко был сослан в Пермь как один из главных организаторов харьковского кружка. Он был причислен к первой категории виновных как обнаруживший «вредный образ мыслей» и проявивший «неблагоднамеренные по-

ступки». Ему было определено содержаться под строгим наблюдением опытного и благонадежного городничего, который мог бы следить за его образом жизни, занятиями и поведением (V, 18, л. 4).

Несмотря на свое положение ссыльного, Ефименко принял самое непосредственное участие в общественной жизни. О своей работе он сообщал одному из близких друзей по Харькову, ссыльному М. Д. Муравскому:¹ «У нас открывается несколько воскресных школ, в одной уже открытой занимаются гимназисты, другую, а если потребуется и третью, откроют вообще ревнители просвещения: учителя семинарии и проч. (учителя гимназии здесь дрянь). Семинаристы здесь прекрасный народ. За два года они издают уже восьмой рукописный журнал, в котором нападают на недостатки семинарии и семинаристов и на причины этих недостатков. Народ этот пришел к сознанию и называет семинарию просто помойной ямой. У семинаристов и гимназистов бывают литературные собрания. Составляется общество для распространения грамотности и полезных сведений. На днях обсуждается проект устава (написан мной)» (IV, 94, стр. 304—305). Общество должно было возглавить культурно-просветительную, а вместе с этим и политическую работу: завести ремесленную школу в Перми и Екатеринбурге, открыть в уездах библиотеки, воскресные школы, возглавить организацию литературных собраний и публичных лекций, издавать газеты, помогать молодым людям, желающим получить дальнейшее образование, и т. п.

Пермская воскресная школа имела связь с Петербургом, Москвой и Киевом, откуда она получала соответствующие указания. Вслед за организацией общества грамотности мыслилось основать общество распространения трезвости и общество взаимного «вспомоществования». Но и эта филантропическая деятельность имела свой политический смысл, путем филантропии разночинцы пытались найти доступ к простонародью и завоевать к себе симпатии и доверие и тем самым облегчить свою пропаганду. Все эти начинания передовой молодежи в условиях существовавшего режима были несбыточной мечтой. На запрос об утверждении общества грамотности правительство ответило, что займется этим делом само, а просвещать народ можно и без обществ, тем более, что в пермском уставе, составленном Ефименко, было сказано: «Общество состоит вне всякого контроля» (IV, 103, т. XI, стр. 411). Насколько про-

¹ О М. Д. Муравском см. М. К. Лемке (IV, 94), а также Б. П. Козьмин (IV, 104).

светительный план был задуман серьезно, свидетельствует одно из писем Ефименко к Муравскому: «Я теперь сижу почти сложивши руки и обдумываю два плана насчет самообразования других. Первый — устроить такую компанию, которая согласилась бы составить библиотеку лучших учебников, потом разделила бы между собой предметы по одному или по два. Каждый, изучивши предварительно свой предмет, чтобы читал другим по этому предмету лекции. Второй — учредить домашние литературные вечера, притом так, чтобы каждый выбрал себе один из современных вопросов, поднятых в литературе, прочел о нем все, что было написано, составил свод всего, а потом ознакомил остальных. Я теперь, главным образом, занимаюсь христианством и дошел до таких выводов, которые тебе, может быть, покажутся странными, а именно, по-моему, оно до высшей степени безнравственно» (IV, 94, стр. 318). В письме к Муравскому Ефименко фактически изложил план предполагаемых мероприятий. Так, ссыльные, оторванные друг от друга, находившиеся в разных концах России, обменивались своим опытом. Трудно было требовать от Ефименко, находившегося под строгим полицейским надзором, открытой политической агитации. Что касается легальных и полулегальных форм, то Ефименко не без риска для себя в Перми пытался развернуть свою просветительскую деятельность. Во всех замыслаемых им мероприятиях нельзя не почувствовать определенной политической тенденции. Литературные собрания, воскресные школы, распространение запрещенной литературы, шефство над семинаристами, народные библиотеки и «вспоможение беднейшим» — все это хорошо известные формы общественной деятельности «шестидесятников», гражданский быт и повседневный труд «новых людей». От подобной деятельности не отказывались и герои «Что делать?» Чернышевского и организаторы «Знаменской коммуны», во главе которой стоял В. Слепцов. Все эти факты принципиально меняют представления о собирателях народной словесности типа Якушкина, Рыбникова, Худякова и Ефименко. Они прежде всего просветители, энергичные деятели, не «кабинетные сидельцы», для них изучать народ значило с головой окунуться в пропаганду.

Просветительская деятельность была продолжена Ефименко, как мы увидим далее, и в Архангельском крае. Он старался довести до читателей необходимые периодические издания и приложил все усилия к тому, чтобы в губернию поступили сочинения, которые, по его выражению, «шевелют мозг». По настоянию Ефименко в холмогорскую библиотеку выписывались «Современник», «Дело» и другие журналы. В местной архангель-

ской печати появлялись сообщения и жалобы о плохом состоянии библиотек в уездах. В заметках же из Холмогор (III, 21, 42), куда был сослан Ефименко, эти сообщения всегда сопровождались практическими предложениями об улучшении состояния библиотеки. Читателям рекомендовалась просветительская литература, сочинения по отечественной истории, естественно-научные книги, а также сочинения, знакомящие с бытом и характером народа различных стран. В рекомендательном списке книг, подлежащих приобретению, стояли сочинения Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Пушкина, Гоголя, Островского, Дарвина. В 1867 году холмогорская библиотека получала уже 25 периодических изданий, в количестве 44 экземпляров. О результатах своеобразной пропаганды передовой журналистики со стороны Ефименко можно судить из небольшого отчета (за 4 месяца), сделанного по холмогорской библиотеке. Если за этот период «Русский вестник» был спрошен читателями всего два раза, то 2 тома «Современника» переходили из рук в руки (побывали у 22 человек).

В условиях ссылки в Перми Ефименко продолжил фольклорно-этнографические наблюдения, начатые им еще в студенческие годы в южных губерниях. Он находил возможность общаться с народом, присматривался к местным особенностям быта, наблюдал народные обычаи, записывал пословицы, поговорки, предания от коренного населения. Его пермские материалы немногочисленны, и они не были опубликованы, но он использовал их позднее, при подготовке к изданию материалов Архангельской губернии.

Однажды в Перми Ефименко встретился с земляками-казаками, которые говорили на украинском языке. Поселившись в 1847 году в Петропавловском уезде Тобольской губернии, казаки служили в пограничном тобольском войске. От них он узнал, что в Перми есть выходцы из Украины — казаки оренбургского войска. Ефименко встретился с оренбургскими казаками и по их рассказам думал составить полное описание быта оренбургского казачества, но не успел его закончить. В журнале «Основа» он опубликовал отдельные отрывки из рассказов оренбургских казаков о существовании в Оренбургской губернии курганов, оставшихся от нашествия Мамай, о могилах, хранящих память о пугачевцах, и т. д. (III, 7).

Следует заметить, что пермский кружок, в котором принял участие Ефименко, наряду с просветительскими мероприятиями ставил перед собой задачу исследования местного края, изучения быта народа, исторического прошлого, собирания и издания произведений устного народного творчества. В библиотеке Икон-

никова находилась редакция «Пермского сборника».¹ Вокруг этого сборника объединилась группа местных краеведов. В сборнике предполагалось помещать материалы, наблюдения, факты, касающиеся различных сторон жизни Пермского края.

Сразу же после выхода в свет первой книги, в 1859 году, в «Современнике» появилась рецензия Н. А. Добролюбова, который высоко оценил «Пермский сборник».² Добролюбов называл этот сборник образцовым, отмечал и такие статьи, которые имеют интерес не только для местного, но и для всякого образованного читателя. Прежде всего Добролюбов имел в виду статьи о Пугачеве, основанные на не известных до сих пор местных архивных материалах. Заслуживали внимания и комментарии к этим материалам: «Пугачевский бунт не был явлением одной только местности — Яика, напротив, он охватил весь восток европейской России: повсюду поднялся народ против тогдашней власти и, между прочим, это волнение обнаружилось более или менее в каждой местности Пермского края».³ Среди многочисленных, но не известных в литературе лиц в этом сборнике принял участие и друг Добролюбова, Н. А. Фирсов, выступив со статьей об открытии народных училищ в Пермской губернии. Эта статья была также отмечена Добролюбовым. «В таких именно статьях и в таких взглядах нуждается литература», — писал Добролюбов.

Участие Ефименко в общественной жизни передовой молодежи в Перми было установлено правительственной комиссией и в мае 1861 года у него на квартире был учинен внезапный и строгий обыск, но «вредных сочинений» найдено не было (V, 17, ч. 155, л. 10). И все же у III отделения имелись подозрения, что инициатива в распространении запрещенной литературы принадлежала Ефименко. К тому времени было выявлено распространение «Послания старца Кондратия» в Красноуфимске, куда только что был переведен Ефименко. В день присяги на верность службы Ефименко, по распоряжению министра внутренних дел, был арестован и вывезен из Красноуфимска в Архангельскую губернию (V, 42, лл. 26—28).

21 июня 1861 года III отделение сообщало архангельскому губернатору о высылке под строгий надзор с определением

¹ Пермский сборник. Повременное издание, кн. I, М., 1859; кн. II, М., 1860.

² Н. А. Добролюбов. Пермский сборник. Современник, СПб., 1859, кн. X, отд. «Новые книги», стр. 357—372. Включено в «Полное собрание сочинений» Н. А. Добролюбова (т. II, М., 1935, стр. 518—526).

³ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, М., 1935, стр. 520.

в гражданскую службу П. С. Ефименко «за прикосновенность к делу об открытии в Перми рукописи возмутительного содержания» — «Послания старца Кондратия» (V, 18, л. 30).¹ Строгий полицейский надзор продолжался за Ефименко на протяжении всего времени его пребывания на севере. В ноябре 1862 года, когда он жил в г. Онеге, у него снова был произведен внезапный обыск, при котором отобраны все бумаги в количестве 17 номеров и представлены в III отделение, но запрещенных сочинений и на этот раз среди них не оказалось (V, 17, ч. 155, л. 25).

Одновременно из Перми были высланы и другие участники местных «беспорядков». Моригеровский был сослан в город Тотьму и определен канцелярским чиновником уездного суда, где жил в крайней нищете (V, 20, лл. 2—4),² Иконников — в Сибирь, в город Березов,³ в Пинегу Архангельской губернии был сослан без права поступления на службу бывший воспитанник пермской семинарии Н. Вишневецкий (V, 20, лл. 23 и 30).⁴

¹ Бурцев (IV, 105, стр. 43) ошибочно сообщает, что Ефименко ссылался в Вологду. Все время своей ссылки после Перми Ефименко провел в Архангельской губернии.

² Тотемское начальство доносило потом о Моригеровском, что, живя в Тотьме, он порицал догматы веры, оказывал влияние в этом направлении на местных жителей. Указывались примеры, свидетельствующие о таком влиянии: чиновник уездного тотемского суда Оглоблин пять лет подряд не ходил на исповедь. Характерным в этом отношении является и разговор Моригеровского с смотрителем тюремного замка Петропавловским. Последний жаловался Моригеровскому на трудности жизни. Моригеровский спрашивал его, почему же он не стал священником, когда на это имеет право. Петропавловский задал такой же вопрос Моригеровскому и тот ответил: «Я другое дело, у меня есть свои убеждения. Я не хочу быть Фарисеем» (V, 20, лл. 2—4). Бурцев в сообщении о пермской пропаганде (IV, 105, стр. 43) неверно упоминает фамилию Марголевский: следует читать Моригеровский.

³ М. К. Лемке в примечаниях к «Полному собранию сочинений и писем» А. И. Герцена говорит, что Иконников не был сослан, в документах же о пермском кружке (V, 20, лл. 16—17) сказано, что Иконников обвинялся за изготовление литографского станка для отпечатания «возмутительного сочинения, за распространение рукописей преступного содержания и вредных для правительства направлений» и 28 июня 1862 года был сослан в Сибирь, в город Березов, а затем переведен в Тюмень, где был делопроизводителем тюменского городского банка. Там ему было поручено собиранье статистических сведений и описание разных местностей.

⁴ По окончании пермской семинарии Вишневецкий учился в Казанском университете и в 1861 году по случаю закрытия университета из-за возникших там беспорядков, выехал обратно в Пермь. Ввиду того, что в Казанском университете продолжали образование многие пермские семинаристы, в Казань были посланы предупреждения о возможном участии их в студенческих беспорядках. И действительно, по обвинению в принадлежности к противоправительственному кружку в Казани привлекался Н. Вишневецкий.

2

Пермский период жизни Ефименко был по существу продолжением его революционно-просветительской деятельности в харьковском тайном студенческом кружке. В архангельской ссылке эта деятельность дальше не развивалась, внимание его сосредоточилось на изучении народной жизни северного края.

В Архангельском областном архиве о Ефименко сохранилось дело (№ 3724), озаглавленное «О высылке под надзор полиции студента П. С. Ефименко», которое помогает установить подробности периода его активной фольклористической научной и собирательской деятельности.¹

Еще до приезда Ефименко в Архангельск III отделение предупредило губернатора о бдительном наблюдении и представлении ежемесячных сведений о поведении и образе мыслей вновь прибывшего, как «особо неблагонадежного политического ссыльного». Согласно распоряжению министра внутренних дел от 21 июня 1861 года, Ефименко не имел права жить в губернском городе, поэтому отправлен был в город Онегу писцом земского суда, где прожил до января 1863 года, а затем переведен уездным заседателем в город Холмогоры. Не исключена возможность, что причиной перевода Ефименко на другое место жительства было подозрение в связи его с группой украинцев, привлекавшихся в это время за противоправительственную пропаганду на Украине.² Именно в это время Ефименко подвергался обыску, у него забрали в III отделение все бумаги, но кроме заметок по этнографии севера ничего не нашли и возвратили все обратно.³

в составлении «пасквиля» на попечителя князя Вяземского был уличен вольнослушатель Казанского университета Иван Золотов, который только что был исключен из пермской семинарии во время ареста членов кружка Иконников. Золотов также был арестован, подвергнут допросу и выслан в г. Яренск. В его бумагах оказались сочинения, направленные против религии, самодержавного правительства и существующего общественного порядка, среди которых обнаружены «Голос из России», «К молодому поколению», «Что нужно народу», «История харьковского кружка», переписанная его рукой «Гавриилада» Пушкина, тетрадь со стихотворениями Огарева и Некрасова на 86 страницах, «Сила и материя» Бюхнера.

¹ Дело о Ефименко велось с 1 июля 1861 года до 5 июня 1863 года, т. е. до окончания следствия, производившегося по поводу распространения рукописного сочинения в Перми «Послания старца Кондратия». Затем, в июне же 1866 года дело о Ефименко возобновилось и было продолжено до 28 сентября 1871 года.

² Одновременно по этому делу привлекался и П. В. Завадский, отбывавший ссылку в городе Каргополе Олонецкой губернии.

³ Об этом см. в статье М. Возняк «3 роки заслання Петра Ефименко на Архангельщину» (IV, 105, стр. 114).

Полицейский надзор продолжался за Ефименко до последних дней жизни на севере и малейшие его «провинности» были известны III отделению. Характеристики его поведения и образа жизни в первые годы ссылки, повидимому, не вызывали особой тревоги, но через некоторое время уже сообщалось: «Требуется постоянного и бдительного надзора, в домашней жизни тих, но при малейшем поводе или разговоре о политике не чужд порицаний правительственных мероприятий по тому или иному предмету. Общества чуждается, но между ссыльными освоился и поощряет преимущественно их» (V, 38, лл. 77—79).

Неоднократно обращался Ефименко к министру внутренних дел П. А. Валуеву с просьбой разрешить ему жить в Архангельске и работать в статистическом комитете, где он мог принести большую пользу, но каждый раз получал отрицательный ответ. Архангельское губернское жандармское управление доносило, что Ефименко «образа мыслей и дел явно предосудительного, требует крайне бдительного и строжайшего за ним надзора» (V, 23, л. 266).

В марте 1866 года полицейский надзор за Ефименко был усилен. В характеристике за 1866 год значится записанное подозрение относительно поведения Ефименко. Местная полиция опасалась его общения с народом; было замечено, что он принялся писать просьбы крестьянам, передает их другим для переписки, чтобы «скрыть свои неблагоприятные действия» (V, 23, л. 119). Несомненно, что это были просьбы в защиту крестьян, так как симпатии Ефименко к народу были очевидны.

Несмотря на запрещения выезжать за пределы города Ефименко продолжал общаться с народом. Под видом собирания статистических данных он бывал среди крестьян, сумел расположить их к себе и получал от них интересующие его сведения. Довольно смелое поведение Ефименко не только среди простого населения, но и в «обществе» чиновников имело свои последствия. Однажды на семейном вечере местного почтмейстера Громова среди собравшегося чиновничества стали распространяться портреты Комиссарова-Костромского, стоимостью 35 копеек. Многие из присутствующих приобретали «защитника царя», но Ефименко отказался, сказав при этом: «Подождем, когда будет стоить 10 копеек». И тут же изъявил согласие приобрести портрет Каракозова, предложив рубль серебром (V, 23, лл. 151—159). Этот факт был немедленно сообщен местной полиции, а затем в III отделение, вслед за чем последовал приказ о тщательной проверке поступающей на имя Ефименко корреспонденции, а также об усилении надзора. Через некоторое время после этого распоряжения исправнику Архангельской

губернии поступило новое предупреждение министра внутренних дел, «дабы не образовались вредные кружки и общества». Министр разъяснял, что и в Архангельске могут быть «нигилисты»: «Развитие и распространение идей отрицания всего священного для общественного порядка и нравственности находило себе почву преимущественно в так называемых студенческих кружках, к которым нередко принадлежат лица и других сословий» (V, 30, лл. 1—2).

В Архангельскую губернию была сослана целая группа передовой молодежи, почти в каждом уезде находились политические ссыльные.

3

Интерес Ефименко к народной жизни, быту и народному творчеству пробудился под впечатлением народных сказок, которые он слушал еще в детстве от «пастухов и батраков», а позднее под непосредственным воздействием поэзии Т. Г. Шевченко и публицистических статей В. Г. Белинского. Об этом Ефименко писал в своих автобиографических заметках: «Я рос на уединенном хуторе, под теми же исключительно влияниями, под какими живут крестьянские дети: впечатления природы и хуторской свободы, народные сказки, общество пастухов и батраков. В шестом классе попала мне случайно в руки книга, которая произвела на меня потрясающее впечатление, отразившееся на всей моей дальнейшей жизни: это книга «Кобзарь» Шевченко, над которым я пролил потоки слез. Единственно под влиянием этой книги я начал при первом же приезде домой на каникулы записывать народные песни, пословицы, закланья и проч., т. о. вышел из меня самодельный этнограф» (V, 15).¹ В конечном итоге вышел не «самодельный», а очень образованный и передовой ученый. «Кобзарь» пробудил в Ефименко чувство уважения и любви к народу. Образ Шевченко, вместе с лучшими людьми того времени — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским — был для него примером не только в ранней юности, но и в студенческие годы и в годы жизни на севере.

Фольклорно-этнографические и историко-краеведческие работы Ефименко дают право утверждать, что он, политический

¹ П. С. Ефименко был сыном местного крестьянина Таврической губернии, Бердянского уезда, слободы Большого Токмана. Отец его был солдатом во время войны 1812 года, участвовал во взятии Парижа, в армии научился грамоте и служил впоследствии писцом, потом становым приставом, заседателем земского суда и, наконец, городничим города Ногайска.

ссылный, прошедший революционно-демократическую школу, на севере пытался, насколько позволяли условия, собирать материал, доказывающий, что русский крестьянин был и остался после «реформы» в положении политического и экономического бесправия.

Работа П. С. Ефименко протекала совместно с работой другого этнографа, тоже сосланного в эти годы на север, — Павла Платоновича Чубинского; вместе с ним они сумели создать целый коллектив, состоящий из местной интеллигенции, политических ссыльных, и через статистический комитет организовали изучение Архангельской губернии, обращая внимание на самые разнообразные стороны жизни и быта, а также на народное творчество.

В это время Чубинский (1863—1869) работал секретарем Архангельского статистического комитета, а Ефименко, «особо неблагонадежный ссыльный», являлся как бы неофициальным помощником Чубинского. На самом же деле вся непосредственная работа, связанная с собиранием, изучением и изданием местного историко-этнографического и народнопоэтического материала, проходила под руководством П. С. Ефименко и при содействии П. П. Чубинского. Чубинский и Ефименко, работая совместно в своей организаторской деятельности дополняли друг друга. В автобиографических заметках Ефименко подчеркивал: «В своих занятиях я находил большую поддержку в П. П. Чубинском, известном этнографе, моем старом товарище, который тоже вынужден был проживать в Архангельске» (V, 15).

За десять лет жизни на севере, несмотря на всевозможные препятствия (запрещения посещать окружающие деревни, печататься в местных изданиях, материальные лишения, моральное угнетение),¹ Ефименко принимал самое активное участие в работе статистического комитета и был организатором соби-

¹ Получая очень ограниченный прожиточный минимум ссыльного Ефименко вынужден был обращаться за помощью в литфонд, в Петербург. В 1862 году такое заявление он писал на имя председателя общества для пособия нуждающимся ученым и литераторам Петра Лавровича Лаврова (Архив Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бумаги литфонда, т. XII, л. 336). Кроме того, сохранилось письмо Ефименко на имя Н. Г. Чернышевского, в котором он просил материальной помощи, но не известно, успел ли ответить ему Чернышевский и выслать пособие (IV, 106). Из архивных материалов Архангельского областного государственного архива известно, что литфонд неоднократно оказывал Ефименко денежную помощь, особенно в последние годы его жизни на севере (V, 23, лл. 284, 289, 323).

рания материалов по народному творчеству, истории, археологии, этнографии.

В своей автобиографии Ефименко сообщал: «Все продолжительное мое пребывание на севере я занимался изучением народной жизни, не специализируясь ни на какой отдельной ее стороне, а интересуясь всей совокупностью ее явлений, насколько они были мне доступны» (V, 15). В круг его интересов входили вопросы народного творчества, этнографии, археологии, истории, юриспруденции.¹

За время пребывания на севере Ефименко опубликовал в местной печати большое количество статей и заметок по этнографии, обычному праву, просвещению и другим вопросам (III, 10, 11, 21, 32, 42, 46). Статьи помещались в «Памятных книжках Архангельской губернии», «Архангельских губернских ведомостях», «Трудах Архангельского статистического комитета». Кроме местной печати, отдельные его работы вошли в издания Русского Географического общества, Министерства народного просвещения, Юридического общества (см. Библиографию). Но основными работами Ефименко являются «Сборник народно-юридических обычаев Архангельской губернии», вышедший в 1869 году в издании Архангельского статистического комитета и «Материалы по этнографии русского населения Архангель-

¹ Ефименко предполагал издать описание Архангельской губернии в археологическом отношении, собрав воедино уже имеющиеся печатные источники, дополнив их рукописными данными о древностях края. Обратив внимание на наличие большого количества земляных сооружений в Архангельской губернии — пещер, валов, принадлежавших древней эпохе, он поднял вопрос о необходимости изучения доисторического периода севера, смены племен, для чего предлагал снарядить специальную экспедицию. Через местную печать Ефименко призывал все население губернии принять участие в собирании древностей — старинной утвари, оружия, металлических вещей, рукописей. Самому ему удалось собрать рукописи, лубочные картинки XVIII века, старинные повести, две тетради рыцарских романов, карту лубочной печати XVIII века под названием «Космография». Все эти находки были сданы в Московское археологическое общество. В «Древностях» (Труды Московского археологического общества, т. III, стр. 308) сообщалось, что Ефименко обнаружил погост, упоминавшийся в памятниках 1138 года. Этот погост принадлежал к числу первых русских поселений на крайнем севере. Здесь он нашел остатки человеческого жилья, украшения, старинные монеты. В результате своего труда в области археологии Ефименко написал книгу «Заволоцкая чуждь», которая вышла в 1869 году в Архангельске. Предварительные отрывки ее печатались в «Архангельских губернских ведомостях» (1868—1869 гг.). Своей задачей в этой книге Ефименко ставил сообщить народные предания, существующие среди населения, и познакомить читателей с некоторыми рукописными и печатными источниками о предках. Он собрал названия местностей, приводил многочисленные имена и фамилии, которые народ относил к чудскому происхождению.

ской губернии», изданные уже по возвращении Ефименко из ссылки. В собирании этнографического и фольклорного материала, вошедшего в это издание, приняло участие около 30 лиц, и прежде всего политические ссыльные — студенты.

Свою научно-просветительскую и собирательскую деятельность в Архангельской губернии Ефименко, как и Рыбников, начал с обращения в местной печати к читателям, призывая их принять участие в собирании сведений по обычному праву и статистике. На заседании Архангельского статистического комитета рассматривалась составленная им программа по этнографии.¹

Наряду с задачами этнографических изучений (жилищ, одежды местных жителей, названий местностей, урочищ) видное место в программе было отведено народной словесности. В ней указывалось на необходимость собирания всевозможных видов народного творчества, предлагалось записывать песни колыбельные, рекрутские, хороводные, свадебные, причем записывать не только тексты, но и обряд, к которому они относятся. При игровых песнях требовалось описание игры или хоровода; предусматривалась запись былин, анекдотов, небылиц, прибауток, пословиц, загадок, заговоров и заклинаний. В самостоятельный раздел выделялись верования. Большое место уделялось вопросам народного мирозерцания: как народ представляет себе землю, северное сияние, что рассказывает о сотворении мира. Предусматривались также этнографические сведения. Отношение народа к просвещению составляло особый пункт программы. Для ознакомления собирателей программа была опубликована в местной печати.

Одновременно с этой программой Ефименко готовил инструкцию по собиранию сведений о народных суевериях и поверьях южной Руси (III, 20, стр. 19). И здесь говорилось о необходимости наблюдать народную жизнь, записывать приметы, сказки, песни, рассказы, поверья, легенды.

Основные принципы программы по изучению мифологии в южной Руси Ефименко совпадают с предварительным планом

¹ Программа по этнографии была опубликована в «Архангельских губернских ведомостях» за 1864 год (№ 23) и вторично — за 1866 год (№ 33), но как и многие другие публикации Ефименко, они не были подписаны автором. Этнографическая программа была представлена Ефименко на заседании Отделения этнографии Русского Географического общества (27 X 1865), где было решено передать ее в Центральный статистический комитет для препровождения в местные статистические комитеты других губерний и опубликовать в «Губернских ведомостях» («Известия имп. Русского Географического общества», 1866, т. II, стр. 19).

Добролюбова, которого он собирался придерживаться при изучении поэтических особенностей народной поэзии. План Добролюбова был изложен в статье «О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах».¹ Названная статья в то время опубликована не была. Сравнивая с нею программу Ефименко, следует говорить о совпадении замысла, а не о влиянии.

Изучение поэтических особенностей языка Добролюбов связывал с развитием самого народа, его историй, бытом и историей языка. Он писал: «Развитие языка так тесно связано с развитием народа, в народной поэзии так много зависит от степени силы и изобразительности языка, что во многих местах необходимы будут замечания, относящиеся к истории языка... С другой стороны, на язык так много ложится черт истории и быта народного, произведения народной словесности заключают в себе столько исторических преданий, в них так отражается мирозерцание народа, его быт, степень его образованности, что необходимо будет касаться и этих предметов, насколько они выразились в народной словесности».² Без изучения совокупности этих особенностей Добролюбов считал работу над поэтическими особенностями языка скучной, холодной, безжизненной. Добролюбов указывал на необходимость собирать и изучать все виды народного творчества: «Народные пословицы, поговорки, притчи, загадки, заговоры, заклятия, причитания, присловья — также служат отражением народного ума, характера, верований, воззрений на природу, и в них также находим проявление поэтического гения языка».³ Фольклорный материал, по мысли Добролюбова, служил надежным источником для характеристики народного мирозерцания; опираясь на этот материал, Добролюбов хотел «показать понятия русского человека о мире — небе и земле», о человеке, его теле и душе, о разных принадлежностях домашних, военных, религиозных, общественных, понятия о боге, о судьбе и о всем, что выходит за пределы мира видимого.⁴

В рецензии на сборник сказок А. Афанасьева Добролюбов еще раз обращает внимание на собирание и изучение преданий, верований и суеверий народа. Важно было выяснить, «верят ли в народе в ту разумность отношений между зверями, какая высказывается во многих сказках? ... Считает ли (народ, —

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. I, М., 1934, стр. 522—524.

² Там же, стр. 522.

³ Там же, стр. 523.

⁴ Там же, стр. 524.

А. Р.) действительностью... могущество разного рода знахарей, колдунов, ведьм и пр.?»¹ Добролюбовская программа выходила далеко за пределы официальной народной словесности, это была развернутая программа демократического народознания, вопрос шел о комплексном изучении народного быта и мировоззрения с учетом местных условий. Поэтому так настойчиво призывал Добролюбов не только к фиксации текста песни или сказки, но и к точным наблюдениям всей обстановки.

Ефименко составлял свою программу в этом же направлении. Особо он выделял верования, связанные с небом, светилами и небесными явлениями. Далее шли этнографические сведения: о жилище, одежде, занятиях. При записи разных поверий он требовал описания обрядов: где эти обряды совершаются, как народ представляет себе высшее существо, будущую судьбу, что такое душа и где она находится при жизни и после смерти.

Изучение народной жизни в понимании Ефименко должно идти по пути всестороннего рассмотрения духовной и материальной культуры. Только совокупное изучение всех сторон жизни даст полное представление о мировоззрении народа. Он предлагал записывать все виды народной поэзии. В кратком вступлении к публикуемым им загадкам говорилось: «Может быть кто-нибудь из читателей задаст себе вопрос: что за охота нам была заниматься собиранием народных загадок, заключающих в себе дешевое остроумие русского простонародья и имеющих нередко двусмысленное содержание? На это мы ответим, что для полного изучения народа крайне необходимо знакомство со всякого рода памятниками его творчества, между прочим, и с загадками» (III, 11, стр. 21).

Добролюбов также критически отзывался о тех ученых, которые изучение народной поэзии и этнографии ставят ниже своего достоинства. Эти ученые мужи говорят: «Что за охота нам, образованным людям, слушать народную балалайку после величественного концерта в певческой капелле или смотреть на балаганную комедь после трагедии Шекспира?.. Так точно, что для нас могут значить русские народные сказки, когда мы воспитаны на Гомере, Данте, Байроне и т. д.»² Добролюбов резко осуждает представителей «чистой науки», презирающих «грубые, необразованные, неизящные произведения». Со своей стороны он выдвигал новые задачи изучения народной жизни: «Новая

¹ Н. А. Добролюбов. Русские народные сказки, изд. А. Афанасьева. В. III—IV, М., 1858. Полн. собр. соч., т. I, М., 1934, стр. 433.

² Там же, стр. 430.

наука, равно как и новое искусство, не пренебрегает ничем, интересуется всяким живым фактом, обо всем рассуждает охотно».¹

Как известно, в рецензии Добролюбова на сборник сказок А. Афанасьева заключены ценнейшие положения, которые и легли в основу нового направления в фольклористике. Новая наука, о которой говорил Добролюбов, предусматривала прежде всего изучение «простой действительной жизни, без мудрствований и прикрас, с ее естественными потребностями и стремлениями».

Ефименко пытался использовать свое пребывание на севере для изучения местного края, и именно в том развернутом фольклорно-этнографическом и социально-экономическом плане, который с предельной ясностью был разработан и методологически обоснован Добролюбовым. Рыбников, Худяков и Ефименко — вся эта группа демократически настроенных фольклористов была близка «Современнику».

Как и Добролюбов, Ефименко обращал внимание на важность изучения местных пословиц. Соображения по поводу собирания, изучения и публикации местного народнопоэтического материала были высказаны им еще в 1859 году в «Черниговских губернских ведомостях». О необходимости публикации пословиц, песен и других видов народной поэзии он еще раз повторил в рецензии на сборник Н. Закревского (III, 8, стр. 32). При публикации пословиц Ефименко предлагал использовать параллельное изучение других памятников народного творчества, чтобы «всякий мог составить себе самое полное понятие о народе, узнать весь круг его познаний, мировоззрение, дурные и хорошие стороны». Ефименко доказывал, что публикация памятников народного творчества имеет смысл тогда, когда раскрывается их подлинное историческое содержание. Например: «Цур тоби! пек тоби!» — пословица эта могла быть непонятна или воспринята неправильно, а между тем в народе было известно следующее ее истолкование: «в прежние времена, когда приходилось кого-нибудь пытать, то брали палку, затесанную с обоих концов (цурку), вкручивали ее в чуб и, таким образом, подымая ее все выше и выше, страшно мучили. Для усиления мук у ног разводили огонь, и пекли им. Тому, кто скажет вышеприведенную пословицу, отвечали: „Цурка тоби миж ноги“» (III, 8).

Пословицы местного происхождения продолжали интересовать Ефименко и на севере. На страницах «Архангельских

¹ Н. А. Добролюбов. Русские народные сказки, изд. А. Афанасьева. В III—IV, М., 1858. Полн. собр. соч., т. I, М., 1934, стр. 431.

губернских ведомостей» он опубликовал свод пословиц и поговорок, где, кроме собственных его записей, приводились некоторые местные пословицы из печатных источников (из сборника Дала, из книги С. Максимова «Год на Севере», из «Архангельских губернских ведомостей», опубликованных ранее) (III, 32, №№ 67 и 71). Почти все приведенные в этом небольшом своде пословицы сопровождались комментариями. Так, например, была прокомментирована группа пословиц об одном из глухих уголков Архангельской губернии — городе Коле. В народе о Коле существовали следующие пословицы: «В Коле с одной стороны море, с другой горе, с третьей мох, а с четвертой ох», «Кольская губа, что московская тюрьма», «От Колы до ада три версты» и т. д. Без объяснения эти пословицы оставались неконятыми.

При публикации Ефименко сообщал, что город Кола был построен на низменном остроконечном мысе, между двумя реками, в 50 верстах от океана и был отрезан от корабельной пристани. Простояв всю зиму открытой, Кольская губа замерзала к весне и преграждала путь для лова рыбы, таким образом коляне оставались запертыми. Исключительно бедное состояние хозяйства колян, неблагоприятные природные условия, эксплуатация населения рыбпромышленниками создали пословицы о трудных условиях жизни населения города Колы. Предприимчивость же жителей местечка Сумы повлекла за собой пословицу иного содержания: «Сума ума не купит, сама продает».

В поговорках и пословицах местное население хранило памятные даты. Пословицу «Наги и босы, как Синявина матросы» Ефименко объяснял следующим образом: «Лубенахт Синявин в 1714—1715 годах набирал на Поморье матросов, забирая поголовно всех. Выбраны были лучшие силы, остались в домах женщины, дети да самые дряхлые старики. Матросы были одеты очень плохо. В народе долгое время живо было воспоминание о Синявине как о Мамае или о Бироне» (III, 32, № 67). Противоположное отношение выражала поговорка о почитаемом северянами первом кораблестроителе Вавчужской верфи — Федоре Баженине. Когда в помещении было чисто убрано, горели торжественно свечи, обычно говорили: «Словно у тебя Баженин в гостях». Пословице «Что не мило, то попу в кадило» Ефименко дал следующее объяснение: «Попы ходят собирать на кадило (ружить) три раза в год: после Петрова дня — Петровки, осенью и в великий пост. Собирают съестные продукты, масло, молоко, сметану и проч. Крестьяне стараются отдать, что ни есть хуже» (III, 11, стр. 33). Примеры можно было бы умножить,

но и приведенных пословиц с комментариями Ефименко достаточно, чтобы понять угол зрения собирателя: народная пословица — местная историческая легенда и житейско-крестьянская мораль. За лапидарными ее выражениями, за четырьмя-пятью словами скрывается определенное народное понятие — понятие историческое, нравственное, социальное. Таким образом, изучение пословиц включалось в широкое русло народознания, пословица воспринималась как афористическое выражение народной мысли, частица народной жизни, сама по себе очень существенная частица, но выраженная с присущим народу остроумием и художественным лаконизмом.

Публикации памятников народного творчества в местной печати в записи самого Ефименко были немногочисленны. Но методика Ефименко раскрывается и на том материале, который был опубликован. Его установки вполне отвечали требованиям революционных демократов, призывавших изучать народ и его поэзию в связи с жизнью, знакомиться с каждой отдельной местностью, так как «каждая губерния, — говорил Белинский, — есть целый мир, с оригинальным по климату, природе, нравам и обычаям».¹

Белинский, Добролюбов, Чернышевский обращали внимание на бережное отношение к памятникам подлинной народной словесности, призывая собирателей сохранять их от забвения. Приветствуя новые публикации народных произведений, Белинский постоянно напоминал о необходимости расширять собирательскую деятельность.² В своих рецензиях он одобрительно отзывался о собирательской деятельности краеведов. «Какой благодарности, — писал Белинский, — заслуживают те скромные, бескорыстные труженики, которые с неусланным постоянством, с величайшими трудами и пожертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели и забвения».³ Настойчивое пожелание Белинского собирать и сохранять народную поэзию нашло продолжение у Добролюбова и Чернышевского. В 1854 году в рецензии на «Архив Калачева» Чернышевский писал о необходимости всестороннего рассмотрения народной жизни, не только материальной стороны, но и изучения высших стремлений.⁴ На страницах «Современника» публи-

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 478.

² Б. И. Богомолов. Борьба В. Г. Белинского за научное собрание и издание народной поэзии. Сов. этнография, 1949, № 1, стр. 133—148.

³ В. Г. Белинский. Русские народные сказки, собранные Богданом Бронницким. Полн. собр. соч., т. III, стр. 448.

⁴ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемых Н. Калачевым. Современник, 1854, № 9.

ковались и рассуждения о собирании народной поэзии, и сами тексты, и наблюдения собирателей. Наглядным примером может служить сообщение вятского этнографа С. Осокина о верованиях крестьян. Рассказывая о народном быте, в своей статье Осокин останавливался на крестьянской демонологии. Он наблюдал массовое бытование всякого рода верований, приводил многочисленные примеры. Но все это делал исключительно в целях просвещения. Перед ним вставал вопрос об уничтожении предрассудков: «... скоро ли грамотность, распространяемая правительством между крестьянами, выгонит эти безрассудные верования из круга простонародных убеждений?»¹

В свое время по поводу статьи Осокина Добролюбов имел разговор с И. И. Срезневским, который не склонен был обращать внимание на подобные «провинциальные» материалы. Добролюбов же выдвигал другое мнение — брать при собирании материала все, что бытует в народе, с тем чтобы позднейший исследователь отделил, что составляет сущность и что случайность. Не исключался Добролюбовым и материал о крестьянской демонологии. Подобные темы затрагивались неоднократно в «Современнике» и позднее в «Отечественных записках».

Ефименко изучал Архангельский край в широком историческом и этнографическом плане. В этом его заслуга. Публикация этнографической программы вызвала живой интерес. Из разных мест губернии поступали самые разнообразные этнографические сведения и записи фольклорных произведений. Некоторые из них становились достоянием местной печати.

Большую роль в собирании этнографических сведений и устнопоэтического материала Архангельской губернии сыграли также другие политические ссыльные. В Архангельской губернии в эти годы возникла своеобразная «академия ссыльных», как в свое время в Сибири была декабристская «академия». Передовая молодежь была объединена общими устремлениями — познать русскую действительность и вложить посильный вклад в дело изучения народной жизни.

4

Из ссыльных, занимавшихся изучением Архангельского севера, следует отметить П. П. Чубинского. Последний известен в этнографической литературе как исследователь Украины, руководитель экспедиции в Западно-Русский край, состоявшейся

¹ Современник, 1856, т. IX, гл. V.

в 1869—1870 годах (IV, 85, т. III, стр. 347, 356).¹ Огромное количество материалов, собранных в Западно-Русском крае, было издано в 7 томах, заключавших в себе около 300 печатных листов. Разнообразный круг вопросов этого исследования говорит о широте и размахе работы: кроме изучения вопросов экономики, влияния крестьянской реформы на экономический быт народа, участники экспедиции произвели обширные записи устнопоэтического народного творчества: было записано до 400 песен, до 300 сказок, произведены многочисленные записи различных обрядов. Весь этот материал заслуживает специального изучения.²

Значение раннего периода в формировании взглядов будущего исследователя этнографии и народного творчества Украины обычно не отмечалось. Между тем именно на севере Чубинский приобрел серьезный опыт работы в области краеведения. Он вместе с Ефименко изучал местный край.³

¹ А. Н. Пыпин считал Западно-Русскую экспедицию самым крупным событием в истории этнографии.

² Следует заметить, что и у Чубинского интерес к народознанию проявился еще в студенческие годы. По окончании юридического факультета Петербургского университета в 1861 году, когда Чубинский возвратился на Украину, одновременно с собиранием и изучением народных юридических обычаев, он записывал народные песни, сказки, пословицы и поговорки. В «Черниговском листке» (1861, № 8) была опубликована статья Чубинского «Несколько слов об обычае и о значении сказок, пословиц и песен для криминалиста», в которой Чубинский выразил свое отношение к собиранию народного творчества. Чубинский считал, что народное творчество отражает народную жизнь и может сыграть огромную роль в разрешении этнографических вопросов. Особое внимание обращал Чубинский на сказки и песни. Сказки представлялись ему не только источником изучения мифологических народных суеверий или творчеством фантазии, он видел в них повествование народа о светлых и темных сторонах своей жизни, в сказках находил он изображение борьбы добра со злом, правды с неправдой, где большей частью торжествует добро и правда. Чубинский призывал сохранять устные народные памятники и высказывал ряд соображений по поводу собирания. При записи сказок он считал необходимым отмечать личное отношение рассказчика, чтобы отличить современный взгляд народа на свое творчество. При собирании пословиц, которые Чубинский понимал как выражение народной мудрости, он предлагал фиксировать не только словесное выражение, но и сам факт, по поводу которого пословица возникла. В октябрьском номере журнала «Основа» (1861, стр. 130) Чубинский говорил о необходимости знакомства с подлинными памятниками народного творчества, «с богатством, чистотой и глубиной чисто народных песен и с глубокими девственными думами... батька Тараса».

³ В 1914 году в третьем номере журнала «Известия Архангельского общества изучения русского Севера» была опубликована статья А. Н. Попова «П. П. Чубинский на Севере». Автор статьи пытался дать полный очерк деятельности Чубинского на севере. Статья сопровождалась списком печатных работ Чубинского, касающихся самых разнообразных вопросов,

По сравнению с П. С. Ефименко Чубинский во время ссылки в Архангельской губернии был в менее тяжелых условиях. За время своего семилетнего пребывания на севере (1862—1869) он исполнял самые разнообразные должности: секретаря статистического комитета, некоторое время являлся редактором «Губернских ведомостей», служил младшим, а потом старшим чиновником особых поручений при губернаторе. Но основная его должность, которую он не оставлял на протяжении всех семи лет, — должность секретаря статистического комитета.¹

Молодой этнограф, обладавший неутомимой энергией и искренним желанием работать в области изучения жизни русского народа, прежде всего должен быть оценен как организатор краеведческих изысканий и собирания самого разнообразного этнографического материала на севере в шестидесятые годы.

Считая статистику своего рода зеркалом, отражающим жизнь, Чубинский пытается превратить собрание статистических сведений в живое и полезное дело, он предлагает извлекать из собранного материала практическую пользу, делать выводы о жизни народа, собирать сведения о количестве земли, находившейся у крестьян, изучать распределение повинностей, податных платежей и т. п.

Принимая участие в изучении хлебной и льняной промышленности Архангельской губернии, организованном Русским Географическим обществом и Вольно-экономическим обществом, Чубинский работал в комиссии по исследованию Печорского края и предпринял поездку в Карелию. Как член экспедиции, производившей учеными обществами, Чубинский должен был охватить Архангельскую, Вологодскую, Вятскую губернии, 6 уездов Костромской губернии, Кирилловский и Белозерский уезды Новгородской губернии, Вытегорский, Каргопольский и Пудожский — Олонецкой губернии и Чердынский — Пермской

связанных с Архангельской губернией. О пребывании Чубинского на севере имеется также статья неизвестного автора, напечатанная в «Киевской старине» (1903, июль—август, XXXII). Освещению деятельности Чубинского отведено несколько страниц в «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина (т. III, стр. 348 и сл.), где очень коротко говорится и о северном периоде его деятельности. Краткие заметки и некрологи рассыпаны в многочисленных периодических изданиях. В Архангельском областном архиве о Чубинском имеется специальное дело, как о ссыльном, — дело № 3712 «О назначении под надзор полиции Архангельской губернии в г. Пинегу бывшего студента С.-Петербургского университета Чубинского». Дело это просмотрено нами впервые. Деятельность Чубинского необходимо поставить в связь с деятельностью остальных политических ссыльных.

¹ На должность секретаря статистического комитета Чубинский был назначен 7 октября 1863 года.

губернии. Это был огромный и неудобный для передвижения район исследования. При всех трудностях Чубинский собрал подробные сведения и опубликовал обширные отчеты о проделанной работе. В своей статье «О промышленном состоянии севера Европейской России и мерах к его развитию» Чубинский указывал на недостаточно серьезное отношение к изучению севера со стороны ученых обществ в прошлом.¹ Исследователи говорили о севере, как «о стране тундр и оленей», о бедности природных богатств, но не задумывались над вопросом активного изменения условий жизни народа. Такой взгляд на русский север представлялся ему поверхностным, не приносящим общественной пользы. Занимаясь выявлением богатейших природных богатств на севере, Чубинский призывал ученых покончить со старыми взглядами на русский север, с предубеждением, что север только глушь, он выдвигал ряд предложений, обеспечивающих экономическое и культурное преобразование севера. Так, например, он настойчиво призывал развивать на севере земледелие, коренным образом меняя отсталый способ ведения хозяйства. Он предлагал ввести расчистку лесных массивов под пашни, организовать для помощи беднейшему крестьянству запасный государственный фонд хлеба и, как главное условие, обезоруживающее кулачество в хлебной торговле, предлагал постройку железной дороги на севере.

Чубинский обследовал условия жизни карел. После поездки в беломорскую Карелию в «Трудах статистического комитета» был опубликован очерк о состоянии жизни карел и некоторые замечания о их быте.² И здесь Чубинский обратил внимание на исключительно бедственное состояние основной массы населения — крестьян. Несмотря на достаточное количество пахотной земли, обрабатывалась она не полностью, так как большинство хозяйств были безлошадные. Главным бичом карельских крестьян являлся недостаток хлеба. Хлеб без примеси коры был достоянием лишь зажиточных, большинство же крестьян примешивало в хлеб толченую сосновую кору и солому. Чубинский отметил, что к окончательному бедствию и разорению приводили население государственные налоги. Данные о тяжелой материальной жизни карел Чубинский дополнил наблюдениями над бытом, подчеркнув бедность крестьянских построек и внутреннего убранства жилого помещения: «домашняя утварь была настолько бедна, — замечал он, — что во многих домах,

¹ Записки для чтения, 1867, кн. 10—12, стр. 289—372.

² Труды Архангельского статистического комитета за 1865 год, Архангельск, 1865.

кроме котелка, висящего на очаге, нескольких ложек, ушата, почти не найдешь иной утвари». Чубинский обратил внимание на очень низкий уровень просвещения: в тех уездах, которые он посетил, было зарегистрировано 3 сельских училища, где обучалось 73 человека, а всего в Карелии, по сведениям Чубинского, в то время на 110 душ приходился один учащийся. Не успев подробно ознакомиться с народной поэзией карел, Чубинский сделал слишком поспешный вывод о бедности их устно-поэтического творчества. Ему удалось записать только свадебные и похоронные обряды, небольшие отрывки свадебных плачей, поверия и юридические обычаи. Публикации песен, обрядов, записанных Чубинским, незначительны. В «Памятной книжке Архангельской губернии» за 1864 год им опубликовано два свадебных обряда — один из них записан самим Чубинским в селе Ухте «со слов старика», другая запись была произведена местным собирателем из села Юшкозера. Публикации собранных материалов местного края Чубинский придавал серьезное значение, считал крайне необходимым расширение местной печати, и принял все меры к тому, чтобы местные издания систематически освещали вопросы культуры и быта края и публиковали собранные материалы.

В октябре 1863 года Чубинский приступил к работе в статистическом комитете, а в декабре этого же года на заседании комитета рассматривались представленные к публикации этнографические материалы, и в частности статьи Ефименко о демонологии.

Основными печатными органами статистического комитета являлись «Памятные книжки Архангельской губернии» и «Труды Архангельского статистического комитета», представлявшие собой до шестидесятих годов сухие статистические отчеты, сводки сведений о сословном делении населения, о должностных лицах и т. п. В шестидесятые годы содержание отчетов резко меняется. На первый план выдвигается этнографическое изучение. Вместе с статистическими данными в них печатаются материалы по истории, этнографии, народному творчеству, описанию обрядов и обычаев. Публикации материалов о жизни и быте народа в Архангельской губернии до шестидесятих годов проводились случайно. По настоянию Чубинского в изданиях статистического комитета был отведен специальный раздел, куда вошли материалы о местном крае, они публиковались и на страницах «Архангельских губернских ведомостей». Активное участие и здесь принимала передовая молодежь — политические ссыльные, представлявшие новые материалы в собственных записях.

Живя в Пинеге (с 22 января 1863 года по 29 октября 1863 года), Чубинский записывал народные обычаи, приметы, которые позднее были опубликованы в качестве приложения к материалам, собранным в Архангельской губернии (III, 9, стр. 91—93). В Пинеге вокруг Чубинского группировалась молодежь, называвшаяся среди местного населения «колонией ссыльных». Этой «колонии» принадлежат лучшие записи народных произведений по Пинежскому уезду, вошедшие в сборник «Материалы по этнографии Архангельской губернии» П. С. Ефименко.

Кроме организации краеведческих изучений, Чубинский вел большую работу в области просвещения. Он призывал корреспондентов «Губернских ведомостей» давать сведения о состоянии просвещения на местах, и первые сообщения о преобразовании уездных училищ и открытии женской школы поступили из Пинеги и Холмогор, т. е. из мест, где были политические ссыльные.

Чубинский был организатором 100-летнего юбилея со дня смерти М. В. Ломоносова (в 1865 году). По инициативе Чубинского вышел в свет специальный выпуск «Трудов» статистического комитета, открывавшийся статьей о жизни и деятельности Ломоносова. По ходатайству статистического комитета в губернии была открыта подписка на устройство в деревне Куростровке Холмогорского уезда Ломоносовской школы, а вслед за этим вступило в силу и предложение Чубинского об открытии подписки на учреждение стипендии имени Ломоносова. В архиве статистического комитета сохранилось специальное дело (№ 84) об учреждении Ломоносовской стипендии при архангельской гимназии. В результате конкурса на стипендию был принят сын крестьянки Холмогорского уезда Емецкой волости деревни Бросачевой — 14-летний Кукша Мыркин, о котором впоследствии жандарм Лакс сообщал в III отделение, что Мыркин находится под непосредственным наблюдением Чубинского. Жандарм протестовал против участия Чубинского в работе совета архангельской гимназии (V, 17, ч. 38, л. 140).

Чубинский думал не только о распространении грамотности. На заседании статистического комитета (9 февраля 1866 года) в своей речи он говорил: «Какую пользу приносит одна грамотность нашему народу? Дает ли она ему возможность расстаться с невежеством, суевериями и предрассудками? Ведет ли она к улучшению хозяйства и жизненной обстановки? Нет. Крестьянин о своей грамотности говорит: „Грамотен да не учен“. Он не выносит из школы не только никаких знаний, но

даже не выносит сознания о пользе чтения». Чубинский считал необходимым развить у учащихся интерес к чтению, чтобы они могли черпать из книг полезные для жизни сведения. В Ломоносовской школе и предполагал Чубинский осуществить свои замыслы, но сделать это ему не удалось. Ломоносовская школа была учреждена по старым программам приходского училища с тою лишь разницей, что в число предметов, кроме закона божия, русского языка и арифметики, вводилось естествознание, география, отечественная история, наглядное обучение. По инициативе Чубинского учителем школы был назначен крестьянский сын Широков, а попечителем — крестьянин Василий Осипович Христофоров (V, 36, лл. 39 и 43). Открытие этой школы было превращено в народный праздник, торжество сопровождалось пением русских песен, исполнением пьес. В приветственных речах подчеркивалось значение Ломоносова как первого русского ученого. Особенно яркую речь произнес Чубинский на юбилейном торжестве в городе Архангельске: «Немного в русской истории столь дорогих имен для русского народа, как имя знаменитого крестьянина Архангельской губернии. Он гордость русского народа потому, что своею деятельностью перед всем миром доказал гений и нравственную мощь русского племени, но в особенности может гордиться им русское крестьянство. Ломоносов горячо любил свое отечество, любил его славу. Он верил в гений и нравственную силу русского народа, жаждал просвещения своей родины, всю жизнь трудился для него и старался для него».¹

Министерство народного просвещения было поставлено в известность об открытии Ломоносовской школы уже после совершившегося факта. Попечитель Петербургского учебного округа Ливен просил 24 октября 1868 года архангельского губернатора довести до его сведения об открытии этой школы и ее перспективах. Ответ на этот запрос давал сам Чубинский. Он писал: «Имею честь уведомить Вас, что Ломоносовская школа 3-го октября открыта и при ней положено основание библиотеки. Библиотека эта, кроме учебных пособий и руководств имеет несколько книг для народного чтения. Желательно бы из этой библиотеки выдавать грамотным крестьянам книжки для прочтения, чтобы таким образом при Ломоносовской школе была устроена библиотека для народного чтения» (V, 36, л. 44).

¹ Из речи П. П. Чубинского во время празднования столетней памяти М. В. Ломоносова в Архангельске. АГВ, 1865, № 19.

Господствующее тогда схоластическое обучение, основанное на «азах и буках», притупляющее способности учащихся, не могло удовлетворить Чубинского. Он отмечал, что в результате обучения в начальной школе учащиеся ничем не отличаются от неграмотных, они также верят в напускание «икоты, в порчу» домовыми и лешими. В хозяйстве крестьян царит попрежнему рутина. В своих статьях Чубинский призывал учить крестьян правильно работать, практически применять полученные в школе знания. Чубинский не мог добиться сколько-нибудь значительных результатов. Как и многие другие политические ссыльные, он не понимал, что в условиях самодержавной России просветительская программа не могла быть реализована.

К тому же Чубинский не принадлежал к числу революционно настроенных ссыльных, в прошлом он тоже не отличался революционностью. Умеренность политических взглядов Чубинского давала себя знать и в его научно-организаторской работе. Он все свои надежды возлагал на постепенное развитие просвещения и улучшение материального благосостояния крестьян. Фактически Чубинский перешел на позиции либерала-постепеновца и в «малых делах» искал выхода из тупика. В оценке деятельности политических ссыльных не должно быть схематизма и односторонности. Часть политических ссыльных, несмотря на гонения и преследования, верно хранила традиции эпохи Чернышевского и Добролюбова, другая часть пошла на примирение с правящими классами. Это примирение тоже не следует упрощать, оно часто происходило довольно сложным путем, путем постепенного идейного разоружения.

5

Собиранием материалов из народной поэзии непосредственно в Архангельской губернии занимались и другие политические ссыльные. Из них наиболее видным был А. Никольский — товарищ известного этнографа и собирателя народного творчества И. А. Худякова (А. Никольский отбывал ссылку в Мезени).

Будучи студентом Казанского университета, Никольский 21 октября 1861 года был исключен из университета в числе 46 студентов вместе с Дмитрием Каракозовым, за участие в студенческом движении. После исключения он жил в Петербурге и активно сотрудничал в воскресной школе.¹ Среди учителей этой школы была жена И. А. Худякова, с ней Николь-

¹ В. Евгеньев. Дело Каракозова и редакция «Современника». Заветы, 1914, № 6, стр. 83, 92.

ский поддерживал письменную связь и из мезенской ссылки (V, 31, л. 116).¹ Никольский был знаком с Худяковым, до ссылки жил с ним в Петербурге на одной квартире. В своей автобиографии Худяков упоминает Никольского как одного из близких своих товарищей: «А. Никольский был одной из светлейших личностей, которых я только встречал в своей жизни... он отдавал на других все деньги, которые ему посылала мать, а сам существовал на 7—8 рублей в месяц, которые он добывал перепиской или уроками... Он оказал мне столько услуг» (IV, 91, стр. 414). За связь с кружком Худякова Никольский был сослан в Мезень в 1866 году. Так же как и Ефименко, Никольский на севере состоял на особом учете полиции. В 1869 году он совершил побег, но был пойман и возвращен на прежнее место ссылки. О его розысках сообщалось в соседнюю Олонецкую губернию (V, 32).

Годы ссылки Никольский использовал для непосредственного знакомства с народной жизнью и большею частью занимался собиранием народной поэзии. Нужно сказать, что политические ссылки занимались народознанием с определенным риском, местное начальство всячески препятствовало им в этом деле. В записке на имя архангельского губернатора от 20 января 1867 года Никольский просил разрешения «посещать свадьбы здешних мещан, их вечеринки и т. п., тем более, что мне не запрещено посещать здешний так называемый образованный класс?» (V, 37, л. 23). Неизвестно, получил ли Никольский официальное разрешение, но ему удалось собрать в Мезени большое количество песен и записать заговоры. 167 песен в записи Никольского вошло в издание «Материалов», опубликованных впоследствии П. С. Ефименко; большая часть этих песен относится к народной лирике — песни о доле девушки, замужестве поневоле, свадебные и вечериночные песни. Им же записаны 4 былины, которые принадлежат к одним из первых записей былинного эпоса в Архангельской губернии. Его рукописный сборник был представлен в статистический комитет, а затем на рецензию П. С. Ефименко и получил положительную оценку. Ефименко отмечал, что среди других местных материалов, материалы Никольского заслуживают особого внимания, они обладают исключительной полнотой и точностью записи. В своем отчете в статистическом комитете за 1867—1868 годы Ефименко признавал, что все материалы Никольского полностью могут войти в предпола-

¹ В рапорте от 1 июня 1869 года говорится, что Никольский вел переписку с чиновником Германом Лопатиным и Неонилой А. Худяковой в Петербурге. Худякова значится как жена государственного преступника.

гаемое издание этнографического сборника. Большую часть этнографического и фольклорного материала, вошедшего в собрание Ефименко, представляли собой записи из Пинежского уезда. В Пинеге была сосредоточена группа политических ссыльных, многие из них тоже занимались собиранием народного творчества. В пинежскую группу входили студент Николай Вишневский, сосланный за распространение рукописи «преступного» содержания и за противоправительственные действия (V, 41, л. 19); Арсений Симановский, уличенный вместе с Ефименко в распространении «возмутительного послания старца Кондратия» (записанные Симановским «лесни кашниц» вошли в сборник «Материалов» Ефименко); отставной офицер Поплавский; учитель гимназии А. И. Стронин и ряд других. Все они собирались на квартире ссыльного Ф. Н. Неронова. Энтузиастом краеведом среди этой группы был местный пинежский писарь Прокофий Алексеевич Иванов, имевший тесное общение с политическими ссыльными. Собранные Ивановым произведения народного творчества и этнографические записи заняли десятки страниц в сборнике «Материалов» Ефименко. По рекомендации последнего Прокофий Иванов впоследствии был принят в члены Архангельского статистического комитета как один из лучших и добросовестнейших собирателей, представивший обширные и интересные сведения о Пинежском уезде.¹

Яркой фигурой среди ссыльных пинежской группы был учитель полтавской гимназии А. И. Стронин, сосланный в Пинегу

¹ Собранные П. А. Ивановым фольклорно-этнографические сведения вошли в сборник «Материалов» Ефименко. В первую часть вошло описание внешнего и внутреннего быта: сведения о жилищах и постройках крестьян Пинежского уезда (стр. 15—34), об одежде и обуви (стр. 49—60), о пище и питье (стр. 67—70); общее описание свадебных обрядов (74—80); нравы, верования, суеверия, гаданья, приметы (стр. 160—182). Ему же принадлежит описание раскола в Пинежском уезде. Во вторую часть вошла песни, записанные в Пинежском уезде, в собирании которых принимал участие П. А. Иванов.

Кроме того, Прокофий Алексеевич Иванов известен как корреспондент ученых обществ, которым он как уроженец и лучший знаток севера постоянно сообщал разные сведения, касающиеся языка, обычаев и условий жизни населения Архангельской губернии. Ему принадлежит составление библиографического указателя материалов по Архангельской губернии («Библиографический указатель статей и заметок об Архангельской губернии, помещенных в разных периодических изданиях с присоединением алфавитного перечня предметов, имен и местностей, встречающихся в помянутых статьях и заметках». Изд. Арх. губ. стат. ком., Архангельск, 1881). Окончательное составление именного указателя было продолжено после смерти П. Иванова Л. Личковым, который сообщает, что после Иванова остались многие его рукописные труды, указывающие на разностороннюю его начитанность.

за распространение «малорусской пропаганды» и находившийся под строгим надзором полиции. Сохранился дневник Стронина, в котором сообщаются любопытные сведения (V, 46).¹ Стронин вел дневник со школьной скамьи и до последних дней своей жизни. Отец Стронина для своего времени был культурным человеком: в его доме имелась целая рукописная библиотека, переписанная и иллюстрированная собственной его рукой. Среди книг можно было встретить поэмы «Войнаровский» Рылеева и «Цыганы» Пушкина.

А. И. Стронин окончил словесный факультет Киевского университета со степенью кандидата в 1848 году и занимался педагогической деятельностью на Украине. В бытность учителем полтавской гимназии, А. И. Стронин познакомился с попечителем Ребиндером, зятем декабриста Трубецкого, который рассказывал о декабристах. С осени 1859 года Стронин принял участие в воскресных школах и народных публичных лекциях. Позднее его лекции были опубликованы в небольшой серии книжек, называющихся «Рассказы о земле и небе», «Рассказы о силах земных», «Рассказы о земной жизни», «О жизни человеческой» и т. п. В этих книжках Стронин в популярной форме давал представление о происхождении земли, объяснял загадочные явления природы.

В связи с преследованием украинских пропагандистов местные полтавские власти обратили внимание и на Стронина.² В дневнике Стронин замечает, что до ссылки на север, во время путешествия за границу, он был в Лондоне и познакомился с А. И. Герценом. Это было известно полтавскому губернатору. Появившаяся в «Колоколе» заметка о порке крестьян в одном из соседних с Полтавским уездов дала новый повод к подозрению: Стронину приписывалось сотрудничество в «Колоколе». Все эти факты служили причиной сначала негласного наблюдения, а потом ссылки его в Архангельскую губернию. В Харькове Стронин был связан со студенческим кружком и, видимо, хорошо знал Ефименко. В связи с преследованием харьковских студентов, говоривших на своих сходках, что династия Романовых уже совершила свою миссию, у Стронина был произведен обыск. Стронин был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Во время заключения он

¹ Частично данными из дневника Стронина пользовался А. Попов, написавший статью «Из дневника А. И. Стронина» (Изв. Арх. общ. изуч. местного края, 1915, № 2).

² В числе других фактов, порочивших поведение учителя, значился устроенный стронинской группой многолюдный обед в честь манифеста 19 февраля, где председателем был избран лакей Тимошка.

писал в своем дневнике: «За что могли меня посадить в крепость? — В школе я рассказывал, что такое конституция, суд, присяжные, какие могут быть власти и формы управления государством, говорил о возникновении природы».

Стронин не занимался специально вопросами народного творчества, у него интерес к народной поэзии проявился своеобразно. Не лишенный некоторого поэтического дарования, в своем творчестве он использовал сюжеты народных произведений. Поэзией он увлекался еще с детства, но стихи его, слабые в художественном отношении, не увидели света.¹

Поэтическое вдохновение не оставляло Стронина и в Пинеге. Здесь возникли наиболее интересные его замыслы, к числу которых принадлежит стихотворение «Святогор», написанное в апреле 1865 года по мотивам былины «Святогор и тяга земная». Возможно, что в руках Стронина было издание песен П. Н. Рыбникова, в котором былина о Святогоре была опубликована впервые. Но не исключена и другая возможность — Стронин мог слышать былинку в Пинеге или Мезени в устном исполнении.² Для Стронина Святогор — северный крестьянин, потомок новгородской вольницы, способный бороться за освобождение угнетенного народа, он излучает свет от севера до востока. Святогор обладает огромной силой, он способен поднять землю с «Валдая до небес». Образ северного крестьянина содержится и в другом стихотворении Стронина. В нем лучшим представителем русского крестьянства Стронин называет М. В. Ломоносова. Стронин говорит о севере, как о родине первого русского ученого: здесь, на севере, был заронен первый луч науки, отсюда пошел северный рыбак в Москву, чтобы совершить смелый подвиг мысли. Приводим это стихотворение полностью:

Отсюда Новгород ушкуйничьей ладью
 Грань вольницы широко раздвигал,
 Сюда ж, постигнутый погибельной грозою,
 С проклятием и воплем он бежал.
 Отсюда шел рыбак на подвиг мысли смелый,
 Здесь первый луч науки заронен,
 Сюда ж и плод ее, до времени созрелый,

¹ Из рукописной тетради следует, что еще в 1842 году, когда Стронин был гимназистом, он написал стихотворение на смерть М. Ю. Лермонтова. Стихотворением отозвался он на смерть Н. А. Некрасова.

² До Пинег Стронин ссылался в Мезень и оттуда уже был переведен в Пинегу, где работал дворянским заседателем. В это время Чубинский был там же и работал судебным следователем.

На тление и узы обречен.
Но под нетронутой и девственной стихией
Все зерна спят нетленно среди полей,
Ушкуйник расцветет здесь иногда витней,
А рыболов ловцом среди людей.
Из дум и подвигов, скороненных тут рядом,
Еще взойдет со временем их цвет,
Страна изгнания проснется Цареградом
И в Галилее встанет Назарет!
И близок час уже: над опустелым долом
От Севера зардеет наш Восток.
И новой истиной, как молнией и громом,
Расторгнет гром и скажется пророк.

В свое время архангельский и олонецкий север находились под непосредственным влиянием древнего Новгорода и традиции новгородской «вольности» дают себя здесь чувствовать. Сюда бежали последние новгородские изгнанники. Выходец с севера — Ломоносов — открывает новый век просвещения. Себя и своих единомышленников, сосланных на север, Стронин считает жертвой самодержавия. На будущее родной страны он смотрит глазами передового общественного деятеля и возлагает огромные надежды на русский север: «Страна изгнания проснется Цареградом», час пробуждения уже близок. Но это обновление севера, ставшего при Романовых «страной изгнания», не придет без борьбы. Последняя строка стихотворения прямо говорит об этом: «Расторгнет гром и скажется пророк». Это звучит призывом, как в декабристских и пушкинских стихотворениях о пробуждении родной страны. Стронин надеется на появление новых пророков.

Не менее интересным является замысел Стронина создать сказку в 12 частях (песнях), в которой он хотел представить всю Россию в прошлом и настоящем.¹ Замысел остался неосуществленным, ни в стихотворном дневнике, ни в других бумагах Стронина нет в законченном виде этой работы. Сказка должна была называться «Камень Алатырь». Возникновение ее относится к ранним поэтическим начинаниям автора. Первая песня была написана им еще до ссылки, в Полтаве. Двенадцать героев, которые он мыслил представить в поэме, должны были олицетворять собой двенадцать наиболее ярких характеров передовых деятелей прошлого. Прототипы названы самим

¹ В рукописном отделе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в бумагах А. И. Стронина имеются черновые наброски сказки «Камень Алатырь»; замечания Стронина по поводу создания и замысла этой сказки имеются в его рукописном дневнике.

Строниним. Так, князь Панайский олицетворял собой дворянскую оппозицию. Здесь Стронин собирался намекнуть на Пушкина. Никита Ледовитый (атаман) должен был напомнить о Пугачеве, Степане Разине, Булавине. Канин — это собирательное лицо, в нем объединялись черты Радищева, Новикова, Рылеева и Полежаева. Кроме того, каждый из этих героев должен был соответствовать одному из русских былинных богатырей — Илье Муромцу, Алеше Поповичу и другим. Работу над этой сказкой он пытался продолжить в Пинеге, но сказка так и не была завершена. Эпиграфом к первой части была взята народная пословица:

«Путь в тюрьму широк,
Да из тюрьмы тесен».

А ко второй части:

«Хоть в Сибирь пойти, да волю найти».

От поэмы остались черновые наброски, но и по этим фрагментам можно говорить об интересном замысле. Стронин собирался написать поэму о лучших людях России. Все они — истинные сыны отечества, выражали интересы народа на разных этапах национального и общественного сознания, служили народу, стали народными героями. Отсюда понятна и попытка провести аналогию между действительными деятелями и героями былинного эпоса.

В изучении народного творчества Архангельской губернии в эти годы приняли участие ссыльные других уездов. Так, бывшему студенту Московского университета Фризе принадлежат записи онежских песен, они представлены в сборнике «Материалов» Ефименко отдельным разделом. Вместе с Ефименко отбывал ссылку в Холмогорах студент петербургского университета Фортунат Харевич, который занимался исследованием местного архива и одновременно вел наблюдения над особенностями местных обычаев. Харевич был близок к Ефименко и также подвергался полицейскому надзору.

6

Все материалы, собранные за эти годы указанной группой лиц, Ефименко предполагал издать в «Описании Архангельской губернии в историческом, экономическом и этнографическом отношениях», но издание это не состоялось. Сборник

П. С. Ефименко «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» вышел с большим опозданием — в 1877—1878 годах. Издание сборника осуществлялось этнографическим отделом имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, редактировал его профессор Московского университета Н. А. Попов, принадлежавший к реакционным ученым. Ему было предоставлено право отбирать материал по своему усмотрению.

Составителем сборника было предложено записи архангельских былин передать в сборник песен П. В. Киреевского.¹ Ефименко настойчиво желал издать представленные им памятники народной словесности отдельно, чтобы составить цельное впечатление по этнографии архангельского севера (IV, 77, стр. 4). Об этом говорится и в предисловии к сборнику «Материалов» Ефименко: «Так как г. Ефименко желал видеть все материалы, присланные им в отдел, изданными в целой их совокупности, то и решено было напечатать свод сведений, какие можно было извлечь из этих материалов... по отдельным статьям» (III, 54, стр. VI). Какая-то часть материалов оставалась необработанной и неизданной. Об этом же говорит и сам Ефименко в своих автобиографических заметках: «С огорчением должен прибавить, что многочисленные материалы по истории, жизни, быту крестьянского населения архангельского севера (начиная с 16-го века) сданы в Общество естествознания, антропологии и этнографии, где они лежат много лет неопубликованными, а они могли бы пролить свет на разные стороны бытовой истории нашего крестьянства» (V, 15). К сожалению, материалы, оставшиеся неизданными, нам не удалось разыскать.

«Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии», куда вошли и фольклорные и этнографические

¹ Былины Архангельской губернии, вошедшие в сборник П. В. Киреевского, записаны главным образом в южной части губернии в Шенкурском уезде собирателями А. Харитоновым, Кузьмищевым и Борисовым. Во второй выпуск «Песен» Киреевского (1861 г.) вошли былины «Женитьбы Добрыни» (записана А. Харитоновым, доставлена В. Далем), «Братья Эбродовичи» (записана А. Харитоновым, доставлена В. Далем), «Василий Казимирович» (записана Кузьмищевым, доставлена Погодиным). В третий выпуск вошли былины «Иван Годинович» (записана Харитоновым, доставлена В. Далем), «Дунай Иванович» (записана Борисовым, доставлена В. Далем).

Из более северных частей Архангельской губернии в собрание Киреевского вошли лишь несколько песен, записанных С. Максимовым в 1858—1859 годах.

записи, вышли в двух выпусках общим объемом около 500 страниц. В первый выпуск включены этнографические материалы, во второй — произведения народного творчества.

В этнографических описаниях, опубликованных почти без редакторской правки, содержатся подробные данные об одежде, жилище, пище населения, свадебных и других обрядах, играх, внешней обстановке, суевериях и гаданьях. Эти описания свидетельствуют и о широте этнографических интересов участников собирательской работы, сгруппировавшихся вокруг Ефименко и Чубинского, и главное, об определенной направленности внимания. В них много сказано о крестьянском быте и верованиях, о деревне с ее бедными постройками, дымными хатами, где вместе с людьми живет скот, распространяются болезни и т. п.

В сведениях, представленных пинежским писарем Прокофием Ивановым, сообщалось: «Как ни хороши в губернии жилищные постройки вообще, но среди них встречаются хижины, точно шалаши, настолько бедные, что удивляешься, как человек может в них жить... Стекол в окнах больше изломанных, чем цельных. Во многих крестьянских домах, проконопачиваемых дурно, несет из стен, из подоконников и косяков, с пола и из входных дверей... В деревнях встречаются дома без крыш, квадратные, в одно бревно длиною, с одним и двумя окнами по середине, а кругом ни кола ни двора» (III, 54, стр. 33—34). Другой собиратель отмечал: «Годов десятка полтора назад почти по всему Пинежскому уезду молодой скот держали в тех же избах, в которых жили сами... В отдаленной Тимешинской волости, лежащей в самом углу уезда и в захолустьях, обычай жить со скотом вместе вполне сохранился. От житья со скотом грязь в избах ужасная, а от грязи одежда крестьян очень грязная» (III, 54, стр. 34). Далее в описании внешней обстановки жилья можно прочесть: «Избы — эта людская или черная половина крестьянского обиталища, где живут все, как бы семейство ни было велико; в ней стряпают, моют белье, работают, помещаются куры и собаки, кормится домашний скот». Подобные же наблюдения были сделаны в Лисестровском приходе: «Одинокие и безземельные люди часто ставят домики без кровель или без крыш и вообще немногие из крестьян строят вновь опрятные и красивые дома правильного вида». Внутреннее убранство избы поражает своею бедностью. Обстановка дома очень бедна, с одним столом и лавками. Для освещения употребляется лучина — березовая или сосновая. От нее распространяется сильный дым, заедающий глаза (III, 54, стр. 34).

С подобными описаниями перекликаются этнографические заметки и из других мест русского севера, появившиеся на страницах «Архангельских губернских ведомостей». Из Чердыни Пермской губернии писал политический ссыльный, врач Вениамин Португалов: «Нас интересует социальная обстановка русского крестьянина с медицинской точки зрения. Климатические, атмосферные и почвенные условия играют второстепенную роль. Мы видим причину всех болезней только в социальном быте» (IV, 71). Португалов сделал описание курной избы чердынского крестьянина: печь без трубы, изба полна дыма, для выхода дыма открывают двери даже при сильном морозе. Со слов самих крестьян Португалов рассказывает о тяжелой жизни, о полуголодном существовании крестьянской семьи, о голоде и постоянных материальных бедствиях. Единственный источник денежного дохода, который имел крестьянин от лесного заработка, уходил у него на уплату податей.

Эти социальные штрихи придавали обычным этнографическим описаниям иной смысл. Этнография становилась социальной этнографией, комментарием к действительности. Из всех этих мелких подробностей, частных замечаний складывалось одно целое, где на первом плане — современная крестьянская Русь, курная изба, лишения народа, суровая правда о крестьянской жизни. Несомненно, что подобного рода наблюдений было накоплено больше, но материал, собранный в эти годы, сохранился далеко не полностью.

Во второй выпуск «Материалов» Ефименко вошли самые разнообразные виды устно-поэтического народного творчества. Здесь представлены былины, песни, заговоры, пословицы, поговорки, сказки. В свое время на сборник Ефименко была рецензия М. Колосова, который отмечал огромную ценность публикуемых материалов, но сожалел, что в сборнике не представлен полностью лингвистический материал в том объеме, в котором он был собран в Архангельской губернии (IV, 79, стр. 123). Былины и заговоры М. Колосов считал наиболее важными публикациями.¹ Всего было представлено в сборнике 10 былин, из них 4 записаны А. Никольским в Мезени и 6 священником Розановым на берегу Белого моря в Зимней золотце.

В издании Ефименко помещена статья Н. Квашнина-Самарина, который, находя сходство архангельских былин с олонечкими, отмечал своеобразие архангельских вариантов. «Всего

¹ Отдельные варианты былин и старших исторических песен, записанных в Архангельском уезде, г. Шенкурске и Шенкурском уезде на р. Онеге вошли в собрание песен П. В. Киреевского.

более, — писал Квашнин-Самарин, — привлекали меня былины, и они не обманули моих ожиданий, каждая из них представляет что-нибудь новое, а некоторые имеют важность для изучения русского эпоса» (III, 66, стр. 1). Квашнин-Самарин указал и на сравнительно хорошую сохранность мезенских былин, на их значительный объем, превосходящий многие онежские тексты. Отмечая своеобразие архангельских былин, он обратил внимание на былинку о Добрыне и Илье Муромце, которой Онежский край не знал. Открытие этого не известного еще науке былинного сюжета дало возможность говорить о сложении новых былин после XVI века. Даже Вс. Миллер с его отрицанием творческого развития эпоса в позднейший период должен был признать вполне вероятным время сложения этой былины не ранее XVII века и отнести ее возникновение к северо-восточной части Архангельской губернии (II, 89, стр. 146). Совершенно правильно также выделил Квашнин-Самарин былинку об Алеше Поповиче, которую назвал «перлом всего сборника». Действительно, это одна из интереснейших по своему содержанию и композиции былина, свидетельствующая о творческом процессе в развитии эпоса на позднем его этапе (II, 89, стр. 141, 157, 164).

Выше, в главе о П. Н. Рыбникове, уже отмечалось, что до шестидесятых годов былины были известны почти исключительно по сборнику Кирши Данилова «Древне-российские стихотворения». Собрание песен Киреевского начало выходить только с 1860 года, первый том «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» появился лишь в 1861 году и то небольшим тиражом. Открытые Рыбниковым огромные богатства русского былинного эпоса на севере, превзошедшие собрание П. В. Киреевского из средней России, направили внимание исследователей на Олонецкий край, который оказался теперь основным местом живого бытования былин на севере. Былины, вошедшие в издание Ефименко, свидетельствовали о наличии их на севере Архангельской губернии. Новые записи, произведенные на Мезени и в Беломорье, привлекли внимание исследователей и побудили впоследствии, в 1900-е годы, предпринять широкое обследование былинной традиции в других районах русского севера. Поездки Н. Е. Ончукова на Печору, А. Д. Григорьева на Мезень, А. В. Маркова в Зимнюю золотицу были несомненно связаны преемственно с «Материалами» Ефименко. В Зимней золотице Марковым была открыта семья Крюковых, ставшая впоследствии столь известной. Таким образом, публикации Ефименко указали путь обследования других районов севера, наука получила возможность говорить о былинах Архангельского края.

Большое место в сборнике «Материалов» Ефименко отведено песням. Они подразделяются на мезенские, пинежские и онежские. В Мезени их записывал А. М. Никольский (товарищ И. А. Худякова), в Онеге — студент Фризе, из записей разных лиц, в том числе и Арсения Симановского (с ним Ефименко был знаком еще в Перми), состоял отдел пинежских песен. Собрание отличается разнообразием песенного материала: в него вошли лирические, свадебные, игровые, рекрутские песни. Это — одно из первых крупных песенных изданий, к которому исследователи обращаются и до сих пор. Безусловно, до Ефименко уже производилась большая работа по собиранию песен, об этом свидетельствуют песни, собранные П. В. Киреевским, ранние публикации Шейна, публикации неизвестных собирателей, оставшиеся достоянием местной печати. Но песенные материалы Киреевского увидели свет только в начале XX века,¹ местные публикации были крайне немногочисленны. «Материалы» Ефименко для своего времени были одним из лучших фольклорных сборников. Песни, вошедшие в собрание Ефименко, отличаются точностью и полнотой записи. Кроме записи самого текста, собиратели обращали внимание на бытовую функцию песни, описывали игры и обряды, сопровождавшиеся песнями, касались исполнения песни, напева и т. п.

Эти требования были предъявлены к собирателям в программе по этнографии Ефименко, понимавшего изучение народной жизни гораздо шире, чем многие современные ему буржуазные исследователи.

О том, как представлял себе Ефименко собрание песенного материала, можно видеть из его рецензий и заметок по изданию песенных сборников (III, 8). Ефименко понимал крайнюю необходимость издания народных песен и ставил вопрос о более современном типе изданий. Ефименко настаивал на публикации подлинно народных песен, записанных от самого народа, и называл «неспособными издателями» тех, кто публиковал искусственные песни, неполные тексты, перепечатки из разных сборников с сохранением ошибок предшествующих изданий. Полнота и точность записи были непременным условием для Ефименко при собирании всего устно-поэтического материала, эти требования предъявлял он к собирателям в Архангельской губернии.

Из песен, вошедших в сборник «Материалов» Ефименко, особо следует отметить песни о женской доле, хотя они и не

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, новая серия, т. I, М., 1911; т. II, вып. 1, М., 1918; вып. 2, М., 1929.

выделялись в специальный раздел. В конце пятидесятых—начале шестидесятых годов женский вопрос широко ставился революционными демократами в связи с проблемой эмансипации. Не могли пройти мимо этого вопроса и молодые прогрессивные исследователи местного края. Фольклористика включалась в решение и этой проблемы. И. А. Худяков в своем очерке «Женщина допетровской Руси» говорил о простой женщине из народа и подходил к этой теме исторически, останавливаясь на положении женщины в Новгороде, относительной свободе ее политических прав, он резко критиковал бесправные порядки, диктуемые «Домостроем», говорил о тяжелом положении женщины в современном быту. Худяков указывал на поэтический характер русской женщины, на высокий ее нравственный облик, запечатленный в народных песнях и сказках. Вопрос о тяжелом положении женщины-крестьянки входил в круг научных интересов И. Г. Прыжова. Из письма Прыжова к Стасюлевичу от 1867 года известно, что две главы из его работы «История русской женщины» были представлены к печати, но ни одна из них по «независящим от автора причинам» не увидела свет.¹

Вопрос о положении женщины Ефименко рассматривал одновременно с изучением народных юридических обычаев, считая, что обычное право далеко не совпадает с юридическими законами существующего общественного устройства. Подобно Худякову он отмечал наличие в крестьянском быту «отравляющих жизнь правил Домостроя» (III, 36, стр. 15). В одной из заметок в «Архангельских губернских ведомостях» Ефименко писал о несправедливости местной власти по отношению к женщине, о применении волостными судами телесных наказаний. Ознакомившись с решениями волостных судов большей части Архангельской губернии Ефименко пришел к выводу, что судебная практика полна несправедливости. «Волостные суды, — пишет Ефименко, — приговаривают женщин к телесным наказаниям совершенно несправедливо, несмотря на указ от 17-го апреля 1863 года, который изъясл телесное наказание женщин» (III, 43).

При исследовании народных юридических обычаев Ефименко подробно останавливался на жизни и быте женщины до и после замужества. Его интересовала вся сумма вопросов: возраст женщины при вступлении в брак, как заключаются браки: по любви или по желанию родителей, последствия принудительных браков, значение женщины в семье, существование обрядов,

¹ М. Альтман. И. Г. Прыжов. М., 1932, стр. 44—45.

унижающих женщину, наследственное право, участие женщин в общественной жизни и т. д.

Собрание народных юридических обычаев шло одновременно с собиранием памятников народной поэзии. Ефименко получал рукописные сборники песен, среди которых было много свадебных песен, заплачек, подтверждающих бесправное положение русской женщины. Рассматривая обычно-правовые семейные отношения, Ефименко отмечал крепкую родственную связь даже между дальними родственниками, подчеркивая, что это явление свойственно прежде всего крестьянству, а не городскому обществу. Проявление родственной связи он видел даже в свадебном обряде, когда собираются решительно все родственники с обеих сторон брачующихся. Но это тесное родство, по наблюдению Ефименко, ни в какой степени не определяло равного положения членов семьи. Семья как основа народной жизни складывалась под влиянием материальных побуждений. Брак обуславливался необходимостью взять в семью новые рабочие руки, поэтому выбор невесты определялся часто утилитарными соображениями. Придя в новую семью, женщина становилась не столько хозяйкой в доме, сколько слугою мужа и его родных, она должна была подчиняться всем их требованиям, сносить грубое обращение.

Ефименко отмечал, что бесправное положение женщины в обществе нашло полное отражение в народном творчестве и прежде всего в песнях, причитаниях и пословицах. На севере сохранился обычай, как и тысячу лет назад, — разувание жениха после свадьбы, обряд, который указывал новобрачной, что она становилась рабыней (III, 43). О подчиненном положении женщины в семье говорил весь обряд свадьбы, в частности и причитания, в которых изображались настоящие и будущие невзгоды жизни, оплакивалась разлука с родителями. Заплачки, являвшиеся непременным условием свадебного обряда, Ефименко справедливо считал своеобразным протестом женщины против семейного рабства, против замужества по принуждению, протестом против превращения девушки в своего рода товар, который ценят, пропивают, сваливают в чужие руки, «с хлеба долой».

В случае явной неудачи супружеской жизни или смерти мужа женщина, по обычному праву, возвращалась в родительский дом, но и здесь она уже не пользовалась уважением. «Отрезанный ломоть к ковриге не прильнет», — говорил народ. Положение вдовы было особенно тяжелым. В отдельных местах Архангельской губернии после смерти мужа вдова, если она не имела детей, лишалась всякого права пользования имуществом.

оно поступало в пользу родителей мужа. Ефименко не случайно останавливался на положении женщины в прошлом. Некоторой свободой пользовалась русская женщина в древнем Новгороде. Но и в прошлом женщина почти всегда была угнетена. Одним из главных виновников социального и семейного неравноправия женщины являлась церковь. Церковное учение оправдывало семейный произвол. Ефименко выступал в защиту поработенной женщины, которая всегда была неутомимой труженицей, терпеливо переносившей все тяжести своего существования. Фольклор, в частности пословицы, привлекались им для обоснования этой защиты. В народном творчестве он особенно подчеркивал отражение неравноправия женщин. Являясь одним из борников женской эмансипации, Ефименко для решения этой проблемы, волновавшей демократов из «Современника», — Чернышевского, Шелгунова, Михайлова, обращался к фольклорному материалу, который подтверждал, что в современной России не было и нет свободы для женщины, что русская женщина дважды закрепощена. Одновременно Ефименко указывал на реакционную роль христианского учения, оправдывавшего общественное и семейное угнетение женщины. Отсюда становится понятным его резкое осуждение христианской проповеди, которое он сообщал в письме к Муравскому из Перми: «... по моему, оно (христианство, — А. Р.) до высшей степени безнравственно».

7

Отрицательное влияние церковных воззрений на сознание народа Ефименко не ограничивал женской долей, оно представлялось ему значительно шире. Вопрос шел о народном миросозерцании и пережитках патриархальности, о невежестве и темноте. Заговоры, заклинания, поверья давали материал для критического обсуждения современного состояния умственной жизни. Славянофилы обрядовый фольклор и духовные стихи использовали для идеализации патриархальности и религиозности, для удержания народного сознания в путях средневековья. Ефименко придерживался противоположных позиций: русский крестьянин не должен оставаться на этой примитивной ступени мышления. Ефименко доказывал, что заговоры и заклинания — явление пережиточного характера, что их не следует культивировать. Необходимо собирать и изучать весь этот материал, но изучать критически, чтобы ясна была социальная природа каждого подобного явления. Разрешать этот вопрос нужно было на конкретном материале, путем непосред-

ственных наблюдений. С этой целью Ефименко и обратился к собиранию заговоров.

Записывать заговоры и заклинания Ефименко начал еще студентом, на Украине. В 1859 году, публикуя собрания мало-русских заклинаний в «Черниговских губернских ведомостях», Ефименко писал в своей заметке: «Нельзя не пожалеть, что на этот, столь интересный для истории, этнографии и мифологии предмет до сих пор не было обращено ни малейшего внимания. Люди, которые близки к народу, смотрят на знахарей, как на обманщиков, не стоящих никакого внимания, а люди, знающие цену народности, по большей части не имеют к народу доступ; оттого сколько драгоценных памятников с каждым поколением гибнет не собранными» (III, 5, стр. 171—174). Свою настойчивую просьбу собирать приметы и гадания Ефименко повторил в местной северной печати, обращаясь к собирателям с призывом записывать их со слов народа, как и всякие памятники народного творчества (III, 16). Одними из первых его публикаций на севере были вместе с пословицами и загадками заклинания и народные верования, занявшие в «Памятной книжке Архангельской губернии на 1864 год» два раздела: 1) «Памятники языка и народной словесности», куда вошли обереги и подходы, загадки, пословицы и поговорки; 2) «Демонология жителей Архангельской губернии» с приложением записей народных преданий о лешем, домовом, бабе-яге, водяном. В «Трудах Архангельского статистического комитета за 1865 год» публикация заклинаний была продолжена, здесь о них была дана краткая пояснительная записка. Наиболее полно заклинания были представлены в «Материалах», где общалось 255 текстов. Из них около одной трети текстов были заговоры, переписанные из старинных рукописных сборников, поступавшие из разных мест Архангельской губернии, рукописных старинных дел архива архангелогородской губернской канцелярии, частично из печатных источников. Большую часть текстов представляли собой непосредственные записи из уст народа. Все тексты заговоров в этом собрании были даны без пояснений. Единственным комментарием служило указание, откуда взят текст, где и кем он записан.¹

Заметим попутно, что вопрос об изучении заговоров поднимался и до Ефименко. Еще в 1841 году в «Сказаниях русского

¹ В 1869 году в «Записках имп. Русского географического общества по отделению этнографии» (т. II, стр. 419—580) Л. Майковым были опубликованы «Великорусские заклинания». Большая часть его публикаций состояла из записей П. С. Ефименко по «Архангельским губернским ведомостям».

народа» И. П. Сахаров отводил заговорам целый раздел «Русское народное чернокнижие». Русские мифологи вели происхождение заговоров от мифа, видели в них остатки древнеязыческой мифологии полузабытых языческих молитв. Буслаев, например, относил возникновение заговора к тому периоду древних верований, когда они оформляются уже в мифологическое творчество. Другой представитель мифологов, Афанасьев, признавая мифологическую природу заговоров, главной задачей исследования ставил открытие в заговорах мифологической основы, а затем всех последующих наслоений, которые сводились, по его мнению, главным образом к подмене древних языческих имен и образов христианскими.

Исследование Ефименко до нас не дошло в полном виде. О его взглядах приходится говорить, основываясь на побочных материалах: во-первых, на отдельных высказываниях и замечаниях в статьях Ефименко, не имеющих прямого отношения к проблеме мифотворчества и народных верований; во-вторых, на отрицательной рецензии архимандрита Доната Бабинского на недошедшую до нас статью Ефименко; в-третьих, на выступлении Чубинского на заседании Архангельского статистического комитета в защиту Ефименко, наконец, на замечаниях Ефименко, сохранившихся в его переписке с друзьями.

Взгляды мифологов не удовлетворяли молодого исследователя. «Ни одна наука не находится в таком жалком состоянии, как славянская мифология», — писал Ефименко в одной из своих заметок (III, 3, стр. 156). Передовая наука в это время искала правильного пути к исследованию мифотворчества; некоторые ученые уже догадывались об ошибках мифологической школы. Следует отметить, что в эти годы изучением верований занимался И. Г. Прыжов. В «Исповеди» он писал: «Целью моих трудов было на основании законов исторического движения проследить все главные явления народной жизни и каждое из них с первых следов их существования вплоть до нашего дня». Прыжовым был собран большой фольклорно-этнографический материал, который он собирался распределить в шести томах. Первый из них назывался «Народные верования (в первые дни культуры, в средних веках и теперь)».¹

Основным недостатком в изучении вопросов мифологии Ефименко считал незаслуженное пренебрежение к памятникам народного творчества. «Мне кажется, — писал он, — что главные причины путаницы две следующие: первая, что исследователи мало

¹ Л. Н. Пушкарев. Рукописный фонд И. Г. Прыжова, считавшийся утерянным. Сов. этнография, 1950, № 1.

обращают внимания на памятники народной словесности, на мир преданий и обрядов; вторая, что исследователи всегда подчиняются какой-нибудь предварительно составившейся у них теории» (III, 3, стр. 156).

Сталкиваясь непосредственно с носителями суеверий и предрассудков, убеждаясь в широком бытовании всякого рода верований среди забитого нуждой крестьянства, Ефименко приходит к выводу, что заговоры и заклинания являются отражением религиозных верований и приносят народу только вред. Особенно широкое распространение верований Ефименко наблюдал среди северного крестьянства. Он полагал, что какую-то роль в распространении заговоров на севере сыграли религиозные фанатики, сочинения которых распространялись в рукописных тетрадах. У крестьян Архангельской губернии ему часто приходилось встречать рукописные сборники заклинаний.

Занимаясь историей христианства еще в Перми, Ефименко пытался уяснить: «Откуда же пошла фальшивая идея бога?». Свое отрицательное отношение к религии он высказал тогда же в письме к М. Д. Муравскому. В дальнейшем он сделал попытку изложить свои взгляды на мифологию в статьях «Краткий исторический очерк восточнославянской мифологии» и «Заклинания жителей Архангельской губернии». Эти статьи были задуманы как часть большого труда. Но труд не был написан и статьи не увидели света, они не обнаружены и в архивных хранилищах.

В одном из писем Ефименко писал: «Я имею цель писать украинскую или восточнославянскую мифологию, в которой нужно выяснить все предрассудки и обычаи, какие есть у нашего народа. Это потребует много времени. Необходимо познаться с мифологией всех народов, начиная с диких и кончая греками и римлянами. Непочатая дорога, требуется самому прокладывать ее» (IV, 105, стр. 113). В другом письме он снова возвращается к своему замыслу: «Над мифологией много требуется работать, так как у нас в Европе нет науки мифологии, а так, чорт знает что... Мифология, как наука, должна найти законы, по которым развивались верования всех народов на свете, а до этого дойти нелегко» (IV, 105, стр. 115). Поставив перед собой, с одной стороны, научную цель — выяснить основы мифологии, Ефименко ставит перед собой и более практическую задачу — вести борьбу со всякого рода суевериями, верованиями и предрассудками, темнотой и невежеством простого народа. И здесь сказались его просветительские установки. В одном из сообщений в статистический комитет Ефименко писал: «Я занимаюсь в настоящее время составлением

записки для собирания мифологических сведений жителей Архангельской губернии для того, чтобы по напечатании ее в „Архангельских губернских ведомостях“ составить по полученным материалам руководство для учителей народных училищ по предмету искоренения местных существующих в народе поверий и предрассудков» (V, 33, лл. 38—39).

Состояние науки того времени не дало Ефименко возможности правильно осветить происхождение и значение мифологии в связи с формированием исторических общественных отношений. Но тем не менее он был близок в определении мифологии ко взглядам революционеров-демократов, считая, что задача каждой науки — раскрыть законы общественной жизни, роль материальных условий. Народные верования интересовали Ефименко как материал для постановки актуальнейших социальных проблем.

Во время обыска, произведенного у Ефименко в 1863 году по случаю его переписки с политически неблагонадежными лицами, привлекавшимися в связи с польским восстанием, среди отобранных бумаг оказались заметки по мифологии, которые были возвращены ему обратно. Но цель, поставленная при собирании заговоров, не могла не навлечь подозрений «блюстителя религиозной нравственности» губернского главы церковников, архимандрита Доната. Написанная Ефименко статья о заговорах осталась ненапечатанной. Но здесь приходит на помощь рецензия архимандрита Доната, сохранившаяся в архиве статистического комитета. Донат возражал против появления подобной статьи в печати. Статья Ефименко якобы отклоняла статистический комитет от прямой цели в изучении местного края. Далее Донат указывал, что в статье содержатся гипотезы, противоречащие взглядам русских мифологов.

Статья и рецензия обсуждались на заседании статистического комитета дважды. На втором обсуждении в защиту статьи Ефименко выступил П. П. Чубинский, поддержав взгляды автора. Чубинский рекомендовал напечатать польный очерк развития мифологических верований и убеждал, что статья не лишена краеведческого интереса, ибо она построена на местных повериях.

Чубинский считал материал, собранный Ефименко, объективно ценным и указывал на оригинальность точки зрения автора. На возражение членов статистического комитета, что в статье привлечен материал, собранный в других губерниях России, Чубинский отвечал, что сравнительное изучение данного вопроса не снижает достоинства местного материала, наоборот, чем полнее представлены записи из других мест, тем

лучше и яснее вырисовывается мировоззрение северного крестьянства, такое сравнительное изучение помогает выяснить местную особенность и одновременно установить общие процессы, показательные для всего русского народа.

Несмотря на защиту Чубинского решено было статью Ефименко к печати не рекомендовать, а опубликовать одни тексты заговоров и заклинаний. Но ввиду того, что тексты без пояснений могли быть непонятны, из статьи Ефименко были сделаны «необходимые» извлечения, которые ни в какой мере не отражали его точки зрения, тем более, что извлечения из статьи делал не автор, а член статистического комитета Мохначев, представивший отрывочные суждения, на основании которых невозможно сделать какой-либо вывод. Ясно, что при таком сопротивлении местных властей довести начатое дело до конца Ефименко не мог.

Сопротивление властей не было случайным. Вопрос о происхождении религиозных верований для своего времени Ефименко решал очень смело. Он стоял на пути материалистического познания законов природы, указывая на их взаимную связь. В незавершенных планах работы о мифологических и религиозных верованиях народа несомненно сказалось влияние революционно-демократических идей, особенно влияние знаменитого письма Белинского к Гоголю. В своей автобиографии Ефименко писал, что с письмом Белинского к Гоголю он познакомился еще в 1856 году. Оно хорошо было известно в харьковском кружке и ходило среди студентов из рук в руки. «Ужасное зрелище страны», раскрытое Белинским в этом письме, глубоко волновало молодое поколение и в данном случае не случайно Ефименко занялся историей религии, считая учение христианской церкви безнравственным.

Не менее важное значение для формирования эстетических взглядов Ефименко имел кружок вертепников. В показаниях по делу этого кружка он сам рассказывал, что на собраниях у них были споры о чудесах и студенты в споре с славянофилами подтверждали свои доказательства ссылками на Фейербаха (судя по всему, вертепники были знакомы с «Сущностью христианства», столь известным в кругах передовой молодежи сочинением Фейербаха).

Изучение народных верований и обрядов оказало значительную услугу передовой науке о народе и его поэзии. Деятельность этнографов типа Ефименко безусловно была деятельностью прогрессивной, помогающей народу осознать свое положение, вести борьбу с косностью, невежеством и суеверием.

8

Свои наблюдения в области этнографии и народного творчества Ефименко дополнял изучением вопросов местной истории. Показательным в данном случае является исследование им некоторых местных архивов. В статье «Что сделано для истории крайнего Севера и что следует сделать», опубликованной в «Архангельских губернских ведомостях», Ефименко сделал краткий обзор исторических изучений Архангельской губернии, проводившихся до половины XIX века (III, 46, № 58). В этой статье он обратил внимание на важность изучения местных памятников и письменных документов, которые никем не сохранялись и варварски уничтожались. Одновременно он высказывал свою точку зрения на историю, которая представлялась ему как познание внутренних и внешних явлений исторической жизни народа. Ефименко писал: «Показать постепенный ход всех вообще явлений внутренней жизни народа — есть настоящая задача истории. Самая конечная цель истории состоит в том, чтобы уяснить прошедшее народа, освещать будущий путь, по которому должен идти народ в своем дальнейшем развитии» (III, 46, № 58).¹ Для обстоятельного исследования народной жизни Ефименко считал необходимым собирать этнографические, археологические и устно-поэтические сведения. Север заслуживает внимания как бывшая составная часть Новгородского государства, север имел богатейшую историю, свою внутреннюю жизнь. Указывая на недостаточную изученность севера, Ефименко подчеркивал, что люди, пытавшиеся заниматься историей, всегда встречали затруднения. «К сожалению и теперь еще соблюдение местных формальностей, — замечал он, — кладет преграды для лиц, желающих заниматься разработкой старин-

¹ Ефименко упоминает о местном историке М. Мясникове, сделавшем историческое описание Важской страны по богатым местным источникам. Это был десятилетний труд Мясникова. При составлении его автор пользовался документами, памятниками, народными преданиями, собственными наблюдениями, и, между прочим, библиотекой верховожского купца Михаила Минина, происходившего от нижегородского гражданина Минина-Сухорукова. Но написанный Мясниковым труд канул в вечность и остался не только неизученным, но и утерянным навсегда. В сочинении Снегирева «Русские простонародные праздники и обряды», изданном в 1838 году, между материалами упоминаются «„Сведения о народных праздниках в Шенкурском и Вельском округах“ М. Мясникова в рукописи 1829 г.». Ефименко замечает: «Немного у нас было в то время, когда жил Мясников, людей, которые бы столь глубоко и всесторонне понимали значение истории и с таким усердием посвящали ей лучшие годы своей жизни. Среди народа просвещенного Мясников пользовался бы общей известностью и глубочайшим уважением, у нас же даже неизвестна его личность».

ных дел» (III, 46).¹ Действительно, и самому Ефименко с большим трудом удавалось добиваться доступа к архивам, которые постоянно подвергались уничтожению.² Работая в архивных хранилищах, Ефименко обнаружил интересные сведения о состоянии края в XVII—XVIII веках, о пошлинных сборах, о нравственности монастырской братии и другие документы. Архивные разыскания позволили Ефименко раскрыть одну из любопытнейших страниц из жизни северных крестьян, находившихся под властью монастырей. Богатый материал сообщали мирские акты — документы сходов, которые происходили при церквях и монастырях, игравших в свое время роль крупнейших эксплуататоров северных крестьян. Расширение монастырских земель вело к стеснению крестьян и окончательному их разорению. Архивные документы раскрывали полную картину «деятельности» этих «святых обителей». Позднее А. Я. Ефименко в своей книге «Исследования народной жизни на Севере»³ писала по этому поводу: «Страшное размножение монастырей, захват пустопорожных земель, служивших крестьянам промыслами урожаями, вторжение в самые деревни и печища путем приобретения долей в них — вторжения, тяжелые для деревенских дольщиков, наконец, опасность просто-напросто лишиться

¹ Ефименко напоминал о первых попытках изучения архангельского севера: «На отдаленном севере среди невежественного населения, в то время, когда так мало было во всей России людей, понимавших значение научных занятий... являются люди, задающиеся целью в истории города и страны упражняться, собрать разных времен двинского летописца списки и разные из архивов и монастырей свидетельства. Это были люди низшие по происхождению и не записные ученые: публичный нотариус Архангельской губернии Василий Крестинин, купец Александр Фомин, граждане Никифор Зыков и Алексей Свечников, прокурор Архангельской губернской канцелярии Василий Нарышкин. Но это историческое общество встретило много препятствий. Грубое тогдашнее общество, не нуждавшееся ни в каких исторических изысканиях, разумеется, не могло смотреть без недоумения и подозрительности на людей, стремления которых были выше обыденных житейских дел». Современники считали это общество противным религии, называли его членов формазонами. Доступ в архивы им был закрыт. Ефименко жалеет, что этим деятелям пришлось встретить препятствие своему намерению. «Если бы им было оказано хотя малейшее внимание со стороны тех, от которых они искали его, то история нашего края обогатилась бы драгоценными сведениями, которые в то время были сохранены и которые потом погибли для науки от действия стихий и людского невежества».

² По свидетельству Крестинина самые древние двинские акты и дела сгорели во время большого пожара в 1738 году в городской ратуше; существовавшая же при Крестинине в Холмогорах «Общегражданская архива», которая заключала в себе много данных для истории города, погибла в Архангельской ратуше при наводнении.

³ А. Ефименко. Исследование народной жизни на Севере. М., 1884, вып. I, Обычное право.

права на землю посредством пожалования ее монастырям, — все это побуждало крестьян относиться к монастырям с понятным недоверием». Крестьянство противодействовало основанию новых монастырей и пустынь, гнало и преследовало отшельников, обосновавшихся вблизи крестьянских земель. Но эти столкновения крестьян с монастырями из-за земли были еще единичными случаями. Позднее А. Я. Ефименко в своей книге использовала и те материалы, которые в годы ссылки собрал ее муж.¹

П. С. Ефименко ознакомился с центральным архивом губернского правления, где просмотрел документы бывшей архангельской городской канцелярии. Здесь хранились дела об управлении краем, начиная с Петра I, документы о поземельном владении, носившем на севере своеобразный характер, материалы о поморском расколе и правительственных мерах против его распространения. В силу особой остроты содержания, обнаруженные материалы в то время опубликованы были лишь частично. 14 ноября 1864 года на заседании статистического комитета слушался отчет-статья Ефименко «Материалы для истории города Холмогор и Двинского края». Ефименко доказывал, что наиболее интересных и ценных сведений о местном крае, кроме архива, получить было негде и поэтому настаивал на необходимости его предварительной обработки. В работе над историческими разысканиями местного края принял активное участие бывший студент Фортунат Харевич, находившийся в ссылке в Холмогорах; он представил к печати статью «Акты и материалы, собранные в Холмогорском Спас-Преображенском соборе» и «Собрание актов» в виде сборника, которые предполагалось опубликовать в «Архангельских губернских ведомостях». Против опубликования этого материала снова возражал архимандрит Донат, обосновывая это тем, что над архивом работали люди без всякого контроля и статистический комитет не имеет оснований доверять им. В действительности оказалось, что из архива были извлечены документы, раскрывающие далеко не приглядную картину жизни и взаимоотношений народа с церковью. Монастырские архивные документы — летопись жизни края в прошлом. Понятным становятся возражения архимандрита Доната против опубликования древних актов. Донат

¹ А. Я. Ефименко (ур. Ставровская) — ближайшая помощница П. С. Ефименко в исторических разысканиях на севере. Бывшая сельская холмогорская учительница, впоследствии профессор истории Петербургского университета, А. Я. Ефименко в годы ссылки своего мужа, жила также на правах ссылкеной. Ей запрещалось в то время работать в школе как «неблагонадежной». Материалы, собранные на севере П. С. и А. Я. Ефименко, а также П. П. Чубинским и всей группой политических ссыльных, легли в основу книги А. Я. Ефименко «Исследование народной жизни на Севере».

предлагал не предавать материалы гласности и прекратить занятия неблагонадежных исследователей по разработке исторических документов. Лишь благодаря настойчивости секретаря статистического комитета Чубинского ценнейшие материалы частично были опубликованы в «Трудах Архангельского статистического комитета за 1865 год».

Документы разных лет говорили о неурожаях, голоде, сибирской язве, еретиках и народных толках по этому поводу. Несмотря на неопровержимость фактов, архимандрит считал все эти сведения ложными, а допросы священников оскорбительными для нравственного чувства читателей. В конечном итоге сборник актов частично был опубликован Харевичем уже в 1868 году в «Архангельских губернских ведомостях»; эпиграфом к сборнику были взяты слова Пимена из «Бориса Годунова»:

И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья переписшет.

Харевич оговаривал, что вследствие «непредвиденных обстоятельств» все акты поместить в сборнике не удалось. Нужно полагать, что одним из этих «обстоятельств» являлось само содержание документов. Но и в том виде, в котором он был опубликован, сборник актов свидетельствовал о тяжелом прошлом народа, жившего под гнетом церковников и монастырей. Доведенные до полного разорения крестьяне иной раз силой отнимали у духовенства земельные участки. В сборнике приведена челобитная неизвестного священника об отнятии у него прихожанами пожни. Публикуя документы, Харевич не мог снабдить их развернутым комментарием. Между строк он все же отметил: «Как часто тут слышится голос настоящего гнета». Из актов можно было узнать о монастырской жизни, о монастырской братии, постригшейся в монахи ради того, чтобы прикрыть монашеским клобуком свои преступления.

Не менее интересные сведения сообщал Ефименко о Соловецком монастыре, который был местом северной ссылки. Сохранившиеся допросы заключенных красноречиво рассказывали об ужасах монастырских застенков.

На этом же материале Ефименко написал два очерка о своих соотечественниках, бывших в ссылке на севере (III, 53, 57).

Среди узников Соловецкого монастыря наиболее примечательным оказался П. И. Калнишевский — последний кошевой Запорожской сечи, пробывший в монастыре 25 лет (1776—1801).¹

¹ В сведениях за 1779 год о содержащихся в Соловецком монастыре колодниках против фамилии Калнишевского отмечено: «При указе

Ефименко располагал сведениями о Калнишевском, обнаруженными в архиве Соловецкого монастыря. Почти все годы Калнишевский содержался в маленьком сыром холодном полутемном помещении в одной из каменных башен монастырской стены, подвергаясь ужасным пыткам.

Летом 1862 года в селе Ворзегорах (в 25 верстах от г. Онеги) Ефименко записал устный рассказ крестьянина о кошевом. Рассказчик (старик Лукин) видел кошевого и беседовал с ним. Вот рассказ старика Лукина в записи Ефименко: «Ходили мы на звериный промысел, на Белое море и случилось быть в день пасхи в Соловецком монастыре. Пришли мы в трапезу перед обедом, дожидали монаха с порцией. Приходит человек незнаемый, за караулом три солдата с ружьем. Спрашивал нас любопытно: „Кто царем теперь, как цари живут и какие благополучия на Руси таперича“. Он бы больше расспрашивал, да солдаты не позволили говорить. „От этого человека отойдите прочь, — сказали они, — с этим человеком не приводится говорить вам“. И монахи тоже запрещали. Монахи сказывали, что это какой-то кошевой атаман, сидит близко 40 годов в совершенном заточении. Его выпускали только три раза в год: на пасху, рождество и преображенье. Выпускали на трапезу монастырского хлеба кушать. Я как теперь его помню: росту среднего, старый видом, седастые волосы и волос обсеся, видно, что много сидел. Борода не долга, белая. Одет был в китайчетый синий сюртук. Пуговицы, не знаю, оловянные что ль, маленькие такие, в два ряда. Говорил не так чисто, как по-русски». Другой крестьянин добавил, что когда привезли кошевого, то он был широк в плечах, потом сделался худ и стар, куда и «кость делось». «Если будете в Соловках, сходите в ризницу и спросите, где вещи кошевого? Покажут» (III, 53).

Из рассказов крестьян Ефименко узнал, что узники Соловецкого монастыря делились на три разряда. Первый разряд находился на покаянии и должен был ежедневно ходить в церковь. Второй разряд — заключенные сидели в отдельной комнате под замком. Им иногда разрешалось выходить на работу. И третий разряд — выходили из казармы только три раза в год, а остальное время сидели под замком. Их называли великими грешниками. К числу последних принадлежал и Калнишевский. Некоторые из них сидели в рогатках — это был железный обруч, одетый вокруг головы ото лба к затылку, замыкавшийся при помощи двух цепей, которые спускались

из святейшего синода за вероломное буйство и разорение российских поданных, содержать безвыпускно из монастыря и удалять не только от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения».

вниз от висков до подбородка. К этому обручу было приделано несколько длинных железных шипов. Рогатки не позволяли человеку ни лечь на бок, ни на спину и узник мог спать только сидя. Заключенные последнего разряда вскоре умирали или делались «блаженными», т. е. сходили с ума. Рассказы крестьян Ефименко подтверждал монастырскими ведомостями об узниках прошлого столетия. В списках заключенных против многих фамилий стояли пометки: «Находится в несовершенно уме», «находится в расстроенных мыслях», «скорбен умом» и т. п. Крестьяне передавали Ефименко, что в Соловецком монастыре было две тюрьмы — жаравина и корчагина, последняя называлась так потому, что в ней можно было сидеть только скорчившись. Тюрьма находилась в стенах монастыря и окна были настолько малы, что едва можно было просунуть руку.

Весь этот материал о монастырских тюрьмах был обличительным документом, направленным против крепостнической России.

С самого начала пребывания на севере Ефименко и Чубинский занимались собиранием материала, отражающего правовые понятия народа. Статистическим комитетом было решено сгруппировать и обобщить сведения по обычному праву губернии; труд этот принял на себя Ефименко. В результате в 1869 году в издании Архангельского статистического комитета вышла книга П. С. Ефименко «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии». Ефименко не претендовал на теоретические выводы, а давал лишь материал для изучения правового положения народа севера.

Учитывая недостаток исторических исследований, Ефименко собирал юридические документы как подлинные документы для истории края. Собираением такого рода памятников он начал заниматься еще на Украине и тогда же писал в местной печати: «Летописи наши, которыми пользуются почти до сих пор исключительно только историки, столь разноречивы, сухи, скудны, безжизненны, что едва могут служить источником для так называемой внешней истории, ибо они писались в то время, когда под историей разумели не живую художественную картину известного народа, со всеми мелочными оттенками, а механическую связь факторов, расположенную по годам; так в них вычисляются по порядку имена гетманов и их военные подвиги, но того, что составляет источник для внутренней истории народа вы в них не найдете» (III, 4, № 24, стр. 168—169).

Для «Сборника» Ефименко использовал не только рукописные материалы, обнаруженные им в местных архивах, сюда вошли сведения, полученные из непосредственных расспросов крестьян Холмогорского уезда, сообщения местных собирателей

Из печатных источников он не мог многого почерпнуть.¹ Рассмотрение юридических обычаев Ефименко связывал с исследованием быта народа и считал, что в данное время, после «реформы», эти материалы должны вызвать живой интерес.

В коротких заметках-обобщениях Ефименко указывает, что в юридических обычаях Архангельской губернии есть весьма много сходного с законами «Русской Правды» и другими законодательными памятниками древности. Это сходство он объясняет следующим: «... законодательная власть, стоявшая в древности близко к народу, не имевшая как в жизни, так и в понятиях значительной розни с ним, узаконяла народные обычаи, и только с течением времени, постепенно изменяла их, внося новые начала, вырабатывавшиеся по мере развития общественной и государственной жизни. Неполнота всех законодательных памятников древнего времени ясно свидетельствует о том, что во многих случаях, неразрешенных законом, судебная власть должна была прибегать к помощи народных юридических обычаев. Само устройство суда, в особенности в новгородских землях, также много способствовало внесению народного начала в тогдашнее судопроизводство» (III, 36, стр. 279—280).

Изучая современное гражданское и семейное право, юридические отношения между членами семьи, общественное устройство и т. д., Ефименко лишней раз убеждался в тяжелом положении северного крестьянства. Такое комплексное изучение народной жизни, а не только народной поэзии помогало Ефименко сделать очень важные выводы относительно социального неравенства и понять проникновение на север капиталистических отношений. Ефименко указывал «на сравнительно немногочисленных капиталистов, благоденствующих среди северных трудов и удивлявших своим довольством и изобилием в жизни путешественников» (III, 36, стр. 279—280). Эксплоататоры, или как их народ называл «каиафы» — мироеды, сосредоточили в своих руках экономическую и политическую власть, они держали в полной зависимости основную массу крестьянства. Это были прежде всего деревенские мироеды, «капиталисты-крестьяне», или кулаки. «Капиталисты-крестьяне, — писал Ефименко, — пользуясь своим влиянием в материальном отношении, заправляют вместе с тем по-своему всеми общественными делами и действиями бедняков. Таким образом, весьма заметно в нашей губернии изменение обыкновенных отношений, существующих между равными членами крестьянской общины» (III, 36, стр. 274).

¹ В распоряжении Ефименко были «Год на Севере» С. Максимова, «Архангельские губернские ведомости», «Труды Архангельского статистического комитета».

Являясь сторонником общинного землевладения, Ефименко фактически вставал в противоречие с самим собой. Добытый материал и конкретные наблюдения свидетельствовали не об укреплении общины, а о ее разрушении, о проникновении на север капиталистических отношений, о расслоении крестьянства. Сама действительность заставляла вносить в теоретические рассуждения существенные изменения. Народнические иллюзии не оправдывались, наблюдения показывали, что даже на севере, куда капитализм проникал с некоторым опозданием, община уже фактически была фикцией.

Ясно, что взгляды Ефименко не оставались неизменными. В годы архангельской ссылки он, безусловно, испытал влияние со стороны народников семидесятых годов, отсюда его повышенный интерес к общине и резко отрицательное отношение к «господину-купону». Но он не пошел по пути революционной демократии. В 1906 году Ефименко выступил в печати с небольшой по объему книгой «К вопросу об украинском народничестве», в которой обнаружил полное непонимание революционного социал-демократического движения в России. Дальнейшая его деятельность проходит под влиянием идей либерального народничества, а по содержанию своему не представляет особенного интереса. Следует лишь отметить ряд его статей историко-экономического содержания, которые печатались в приложении к «Губернским ведомостям» (особенно за 1878 год) и в «Земском сборнике» (Чернигов), и его работу (1887—1888) по составлению и редактированию «Харьковского календаря», издаваемого Харьковским статистическим комитетом. Ему же принадлежала инициатива устройства центрального исторического архива при Харьковском университете.

Русский север сыграл большую и положительную роль в накоплении и публикации материалов по народному творчеству. Первыми собирателями и исследователями народной поэзии на севере оказались политические ссыльные. Их огромный труд, добытые ими материалы показали, что северные окраины России являются богатейшей сокровищницей народной поэзии.

Несомненно, что собиратели и исследователи, подобные Рыбникову, Ефименко, Худякову, были и в других уголках России. Для всестороннего и широкого изучения передовой русской фольклористики предстоит сделать еще много: необходимы архивные разыскания, обращение к местным периодическим изданиям. В результате не только по-новому осветятся известные факты, но и история русской фольклористики дополнится новыми и важными сведениями.

БИБЛИОГРАФИЯ

И. П. Н. Рыбников в периодической печати

1. Былины, песни и духовные стихи. ОГВ, 1859, №№ 30, 32, 33, 37, 39, 42, 43, 45.
2. Былины, песни и духовные стихи. ОГВ, 1860, №№ 17, 33, 35, 39, 47.
3. Шунгская (Олонецкая губ.) крещенская ярмарка в 1860 г. Вестн. промышл., 1860, т. IX, № 8, стр. 38—57.
4. О льняной промышленности Пудожского уезда. ОГВ, 1860, № 32. Перепечатано в: Журнал министерства народного просвещения, 1860, кн. 8.
5. Былины об Илье Муромце, Иване Гостином сыне, Кострюке, Наезде литовцев, Пудожские свадебные обряды. Пам. кн. Ол. губ., 1861, стр. 71—94.
6. Заметки с дороги И. С. Аксакову. ОГВ, 1862, №№ 43—45.
7. Описание рукописей, доставленных в имп. Археологическое общество. Изв. имп. Археолог. общ., 1862, т. IV, вып. V, стр. 473—476.
8. Заметки с дороги. ОГВ, 1862, №№ 47, 48.
9. Заметки с дороги Н. Д. Дмитриеву. ОГВ, 1862, №№ 49, 50.
10. Былина о Хотене Блудовиче. ОГВ, 1863, № 10.
11. О князе Владимире. ОГВ, 1863, № 11.
12. Вариант Новгородской летописи. ОГВ, 1863, №№ 37, 38, 45.
13. Иван Гостиный сын. ОГВ, 1863, № 43.
14. Былина о земском соборе. Из сборника былин П. Н. Рыбникова. ОГВ, 1863, № 44. — Перепечатано в: Смоленские губернские ведомости, 1864, № 1.
15. Письма П. Н. Рыбникова и П. И. Лерха. О каменных орудиях. (С таблицей рисунков). Изв. имп. Археолог. общ., т. V, вып. VI, 1863, стр. 478—479.
16. Бой Ильи с сыном. ОГВ, 1863, № 46.
17. Шунгская богоявленская ярмарка в 1864 г. ОГВ, 1864, №№ 6—9.
18. Народные поверья и суевья в Олонецкой губернии. Пам. кн. Ол. губ., 1864, ч. II, стр. 191—207.
19. Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губернии. Этногр. сб., изд. ИРГО, вып. VI, СПб., 1864, I, стр. 1—24.
20. О разведении льна в Пудожском уезде. Пам. кн. Ол. губ., 1864, стр. 145—152.
21. О начале града Москвы и о великом князе Данииле Александровиче (список с рукописи Новгородской летописи). Пам. кн. Ол. губ., 1864, ч. II, стр. 185—190.
22. Статистические таблицы о состоянии Олонецкой губернии в 1863 г. Пам. кн. Ол. губ., 1865, ч. II, стр. 3.

23. Шунгская богоявленская ярмарка в 1863—65 гг. Пам. кн. Ол. губ., 1865, ч. II, стр. 149.
24. Об особенностях Олонецкого подречья. Пам. кн. Ол. губ., 1865, ч. II, стр. 105—133.
25. Народная легенда. Письмо в редакцию ОГВ из Каргопольского уезда. ОГВ, 1865, № 9.
26. Этнографические заметки о Заонежанцах. Пам. кн. Ол. губ., ч. II, 1865.
27. Илья Муромец. Иван Гостинный сын. Кострюк. Наезд литовцев на Москву. Пудожские свадебные заплачки П. Н. Рыбникова из IV-го тома былин. Пам. кн. Ол. губ., 1866, ч. II, стр. 71—104.
28. Слова так называемого биямского языка, употребляемого ладвинскими стекольщиками. ОГВ, 1866, № 8.
29. Ониксы, найденные в Олонецкой губернии. ОГВ, 1866, №№ 6, 7, 9, 10.
30. Заметка о Тивдийских мраморных ломках. ОГВ, 1866, № 48.
31. Материалы для изучения рыболовства и охоты в Олонецкой губернии. Рыболовство в Пудожском уезде. Охота в Пудожском уезде. Пам. кн. Ол. губ., 1866, ч. II, стр. 39—68.
32. Из путевых заметок по Петрозаводскому и Повенецкому уездам. Данилов и Лекса. Пам. кн. Ол. губ., 1867, стр. 30—53. — То же с незначительными изменениями в: ОГВ, 1866, №№ 26—27, 35.
33. Из обычаев обонежского народа. Этнографические заметки. Пам. кн. Ол. губ., 1867, ч. III, стр. 131—136.
34. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861, 488 стр.
35. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1862, 354 стр.
36. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864, 460 стр.
37. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. IV. Народные былины, старины, побывальщины, песни, сказки, поверия, суеверия, заговоры и т. п. СПб., 1867, 299 стр.
38. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, под ред. А. Е. Грушинского, с портретом и указателем, т. т. I—III, 1909—1910.

II. Литература о П. Н. Рыбникове (1860—1950 гг.)

39. От редакции. ОГВ, 1860, № 14.
40. М(одестов) В. Из Петрозаводска. Век, 1861, № 4, стр. 127—129.
41. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. Русск. вестн., М., 1862, т. 38, стр. 5—64.
42. Герцен А. И. Письмо к И. С. Тургеневу от 21 мая 1862 г. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XV, Пгр., 1920, стр. 136.
43. Худяков И. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. II, М., 1862. Время, 1862, № 12, отд. II, стр. 104—109.
44. Срезневский И. И. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861, Изв. II отд. имп. Акад. Наук по отд. русск. яз. и словесн., т. X, вып. III, СПб., 1862, стр. 248—251.
45. Летопись имп. Археолог. общ. Извлечение из протоколов заседаний. Общее собрание 5 XII 1862. Изв. имп. Археолог. общ., 1863, т. IV, вып. VI. Доставка Рыбниковым старинных княжеских монет, приобретенных от каргопольских крестьян.

46. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Олонецкая летопись. (Изв. СПб. ведомостей). Извлечения из общего отчета о 33-м присуждении Демидовских наград, читанного в публичном заседании Акад. Наук, 1864. ОГВ, 1864, № 92.
47. Герцен А. И. Письмо к Н. П. Огареву от 4 января 1865 г. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVIII, Пгр., 1920, стр. 6—7.
48. Майков Л. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. IV. Народные былины, старины, побывальщины, сказки, поверья, суеверья, заговоры и причитания. СПб., 1867. Журн. Мин. нар. просвещ., СПб., 1868, ч. СXXXVIII, май, стр. 611—630.
49. Майков Л. Новые данные русского эпоса из Заонежья. Из сб. «Древняя и новая Россия» (Ол. сб., Матер. для ист., геогр., стат. и этногр. Ол. края, в. I). Изд. Стат. ком. Ол. губ., под ред. чл. секр. А. Иванова, Петрозаводск, 1875—1876, отд. II, стр. 3—10.
50. Курочкин Н. С. Товарищеские воспоминания о Якушкине. В кн.: П. И. Якушкин, Сочинения, СПб., 1884, стр. XXX—XL.
51. Лейкин Н. А. Товарищеские воспоминания о Якушкине. В кн.: П. И. Якушкин, Сочинения, СПб., 1884, стр. LXVIII—LXXIV.
52. Модестов В. Два слова о П. Н. Рыбникове. Новости, 1885, № 354.
53. Любопытные показания графа А. А. Закревского о некоторых представителях московского образованного общества в начале прошлого царствования. Русск. архив, М., 1885, № 7, стр. 447—452.
54. Некрологи о П. Н. Рыбникове: Церк. общ. вестн., 1885, № 106, стр. 9; Журн. Мин. нар. просвещ., СПб., 1885, ч. ССXLII, декабрь, стр. 217—221; ОГВ, 1885, № 93; Новое время, 1885, 14 декабря; Ист. вестн., 1886, т. XXIII, январь, стр. 256—257.
55. Веселовский А.-р. Мелкие заметки к былинам. Журн. Мин. нар. просвещ., СПб., 1885, ч. ССXLII, декабрь, стр. 167—198.
56. Приклонский С. Судьба губернских статистиков. Сев. вестн., 1886, № 3, отд. I, стр. 79—93.
57. Языков Д. Рыбников П. Н. Библиогр. вестн. литературы, науки и искусства, СПб., 1887, № 5, стр. 99—100.
58. Петров К. Провинциальные статистики и писатели. Сев. вестн., СПб., 1887, № 4, отд. II, стр. 82—86.
59. Поливанов Лев. Русские народные былины. Избранное чтение для юношества. М., 1888, стр. 194.
60. Рыбников П. Н. С фотографии Лемана. Новь, 1888, кн. 7.
61. Языков Д. Д. Писатели, умершие в 1885. (Рыбников П. Н.). Ист. вестн., 1888, т. XXIV, декабрь, стр. 131—132.
62. Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Прилож. к «Историч. вестнику», СПб., 1889, вып. I (Рыбников П. Н.), стр. 131—132.
63. М. С.-ский. Эпизод из истории нашего народоведения. Труд. Вестн. литературы и науки. Прилож. к журн. «Всемирная иллюстрация», 1890, т. VI, № 8, апрель, стр. 153—167.
64. Погодин Д. М. Из воспоминаний. Ист. вестн., 1892, апрель, т. XLVIII, стр. 35—41.
65. Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии, вып. III. Ол. сб., Матер. для ист., геогр., стат. и этногр. Ол. края, изд. Стат. ком. Ол. губ., Петрозаводск, 1894.
66. Барсов Е. Ирина Федосова и ее песнопения. Моск. листок, 1896, 14 января, № 3.

67. Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого, кн. I, СПб., 1905, стр. 263, 280; кн. II, СПб., 1908, стр. III.
68. Бунаков Н. Ф. Записки. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной, 1837—1905 гг., с портретом и факсимиле. СПб., 1909, стр. 364.
69. Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников, Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, т. I, М., 1909.
70. Аскольдов С. Алексей Александрович Козлов. М., 1912, стр. 218.
71. Шляпкин И. П. Н. Рыбников и новое издание его сборника. Журн. Мин. нар. просвещ., нов. сер., СПб., 1912, ч. XXXIX, июнь, стр. 305—321.
72. Егоров А. Е. Страницы из моей жизни. Ист. вестн., 1912, т. СХХVII, январь, стр. 42—66.
73. Барсов Е. В. Письмо к О. Ф. Миллеру от 11 мая 1868 г. Журн. Мин. нар. просвещ., нов. сер., СПб., июнь, 1912, ч. XXXIX, стр. 317.
74. Русский биографический словарь, изд. Русск. ист. общ., Пгр., 1918, стр. 650—655.
75. Герцен А. И., Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. X, Пгр., 1919, стр. 85.
76. Еланская Е. О народно-песенных истоках творчества Некрасова. Журн. «Октябрь», 1927, декабрь, стр. 113—126.
77. Клевенский М. Вертепники. Каторга и ссылка, 1928, кн. 47, стр. 18—43.
78. Клевенский М. Вертепники. Литер. салоны и кружки, под ред. Н. Л. Бродского, М.—Л., 1930, стр. 434—437.
79. Деркачев П. Н. Кружок П. Н. Рыбникова. Литер. салоны и кружки, под ред. Н. Л. Бродского, М.—Л., 1930, стр. 427—434.
80. Слепцов В. А. Сцены в полиции. Предисловие М. Горького «О Василии Слепцове». Лит. наследство, 1932, № 3.
81. Кубиков И. Н. Комментарии к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., изд. «Мир», 1933.
82. Виноградов Н. Н. Материалы для биографии П. Н. Рыбникова. Сов. фольклор, 1935, № 2—3, стр. 317—324.
83. Андреев Н. Фольклор в поэзии Некрасова. Лит. учеба, 1936, № 7, стр. 60—85.
84. Соколов Ю. Некрасов и народное творчество. Лит. критик, 1938, № 2, стр. 59—73.
85. Базанов В. Карельские поэмы Ф. Глинки. Гос. Изд. К-ФССР, Петрозаводск, 1945, стр. 127.
86. Базанов В. П. Н. Рыбников в Карелии. Ленинск. знамя, 1945, 25 мая.
87. Пиксанов Н. К. Горький и национальные литературы. М., Гослитиздат, 1946.
88. Базанов В. Народная словесность Карелии. Гос. Изд. К-ФССР, Петрозаводск, 1947, стр. 278.
89. Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Инст. ист. яз. и лит., Петрозаводск, Гос. Изд. К-ФССР, 1948.
90. Бродский Н. Святослав Раевский, друг Лермонтова. Лит. наследство, 45—46, М., 1946, стр. 301—322.
91. Базанов В. Г. А. Ф. Гильфердинг и его «Онежские былины». Онежские былины, зап. А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. I, изд. 4-е. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 1—28.
92. Липец Р. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., изд. 4-е, т. I. Сов. этнография, 1950, № 4, стр. 200—202.

III. П. С. Ефименко в периодической печати (1859—1877 гг.)

1. Памятники украинской народной словесности. Украинские пословицы, поговорки. ЧГВ, 1859, №№ 6—13.
2. Памятники украинской народной словесности. Украинские обрядные песни, веснянки. ЧГВ, 1859, № 15.
3. О волках и волчьем боге Полисуне. ЧГВ, 1859, № 23.
4. Юридические акты. ЧГВ, 1859, №№ 24, 26, 34.
5. Памятники украинской народной словесности. Украинские шептания и замовляния. ЧГВ, 1859, № 25.
6. Дополнение к украинским пословицам и поговоркам. ЧГВ, 1859, №№ 31—33.
7. О малороссинах в Оренбургской губернии. Основа, 1861, август, стр. 189—193.
8. Старосветский бандурист. Рецензия на сб. Закревского «Избранные малороссийские и галицкие песни и думы». Основа, 1862, октябрь.
9. Икота и икотницы. Пам. кн. Арх. губ., 1864, стр. 75—93.
10. Демонология жителей Архангельской губернии. Пам. кн. Арх. губ., 1864, стр. 49—61 («Леший»), стр. 62—66 («Домовой»), стр. 67—72 («Баба-Яга»), стр. 73—74 («Водяной»).
11. Памятники языка и народной словесности, записанные в Архангельской губернии. Пам. кн. Арх. губ., 1864, стр. 9—20 (Обереги и подходы), стр. 21—30 (Загадки), стр. 31—33 (Пословицы и поговорки), стр. 34—42 (Провинциализмы Архангельской губернии), стр. 43—48 (Южнорусский элемент в наречии Архангельской губернии).
12. Программа по этнографии. АГВ, 1864, №№ 23, 24.
13. Заметка к статье г. Шадрина «Летние и зимние гулянья Шенкурского уезда». Тр. Арх. стат. ком. за 1865 г., кн. I, Архангельск, 1866, стр. 116—131.
14. Протоколы Архангельского губернского статистического комитета от 19 ноября 1864 г. АГВ, 1865, № 2.
15. Жалованные грамоты царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, данные в 1615 и 1665 гг. крестьянам Комаровым на д. Пожарище. АГВ, 1865, № 8.
16. Программы археологических исследований, по которым ожидается действие Статистического комитета. АГВ, 1865, № 15.
17. Программа этнографии. АГВ, 1866, № 33.
18. Программа обычного права. АГВ, 1866, № 35.
19. Собрание заклинаний. Тр. Арх. стат. ком. за 1865 г., кн. I, Архангельск, 1866, стр. 11—44. (Совместно с С. Огородниковым).
20. Программа для собрания сведений о народных суевериях и повериях в южной России. Изв. ИРГО, 1866, т. II.
21. Из Холмогор (о состоянии библиотеки). АГВ, 1867, № 62.
22. Статья о косах-горбушах как несовершенных в сельском хозяйстве. АГВ, 1867, № 90.
23. Программа для собрания народных юридических обычаев. АГВ, 1868, № 4.
24. Несколько имущественных актов крестьян Ломоносовых. АГВ, 1868, № 4.
25. Вопросы о лопарях. АГВ, 1858, № 5.
26. Холмогорские черти. Отрывок из очерка о демонологии крестьян Архангельской губернии. АГВ, № 14.
27. Род Головиных. АГВ, 1868, № 18.
28. Наше хлебопашество и огородничество. АГВ, 1868, № 25.
29. К статье «Холмогорские черти». АГВ, 1868, № 27.

30. Состояние раскола в южных уездах Архангельской губернии. АГВ, 1868, № 34.
31. Сыроваренный завод в Холмогорах. АГВ, 1868, № 50.
32. Присловья о жителях и местностях Архангельской губернии. АГВ, 1868, №№ 67—73.
33. Негодяев, известный кораблестроитель. АГВ, 1868, № 86.
34. Заволоцкая чудь. АГВ, 1868, №№ 88, 95
35. Заволоцкая чудь. Изд. Арх. стат. ком., Архангельск, 1869, 147 стр.
36. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Тр. Арх. стат. ком. за 1867—1868 гг., кн. III, Архангельск, 1869.
37. О Яриле, языческом божестве русских славян. Зап. ИРГО по отд. этногр., т. II, СПб., 1869, стр. 77—112.
38. Народные юридические обычаи Архангельской губернии. Программа для собрания юридических обычаев (приложение к сборнику). Архангельск, 1869.
39. Отчет Архангельского статистического комитета за 1867—1868 гг. АГВ, 1869, №№ 20, 22, 27.
40. Промысловые артели на мурманском берегу. АГВ, 1869, № 22—24.
41. Материалы для истории бывшей славяно-латинской школы в Холмогорах. АГВ, 1869, №№ 58—61.
42. Из Холмогор. АГВ, 1869, № 65.
43. Заметка о применении волостными судами отмененного закона. АГВ, 1869, № 97.
44. О древностях Архангельской губернии. Тр. I Археолог. съезда в Москве 1869 г., М., 1871, стр. 187—193.
45. Из архивных дел. АГВ, 1871, № 39.
46. Что сделано для истории крайнего Севера и что следует сделать. АГВ, 1871, №№ 58—73.
47. Протоколы заседаний Московского археологического общества, № 65, 1871, 16 III. Древности, Тр. Моск. археолог. общ., т. III, вып. 1. М., 1870, стр. 308—309.
48. Семья архангельского крестьянина по обычному праву. Судебн. журн., Прилож. к «Судебн. вестн.», СПб., 1873, № 7, стр. 32—114.
49. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. Зап. ИРГО по отд. этногр., 1873, т. III, стр. 3—114.
50. Сборник малороссийских заклинаний. Изд. Общ. ист. и древн. рос. при Моск. унив., М., 1874, 70 стр.
51. Юридические знаки. Журн. Мин. нар. просвещ., СПб., 1874, ч. CLXXV, октябрь.
52. Старинные гребенки в Прионежском уезде Архангельской губернии. Древности, Тр. Моск. археолог. общ., т. IV, вып. I, М., 1874, стр. 49—57.
53. Калнишевский, последний кошевой Запорожской сечи (1691—1863). Русск. стар., 1875, т. XIV, № 11, стр. 405—420.
54. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко, действ. чл. имп. Общ. любит. естеств., антроп. и этногр., сост. при Моск. унив. Ч. I, Описание внешнего и внутреннего быта, Изв. имп. Общ. любит. естествозн., антроп. и этногр., т. XXX, М., 1877; Тр. Этногр. отд. имп. Общ. любит. естеств., антроп. и этногр. при Московск. университете, кн. V, вып. I.
55. Программа для собрания сведений об общинном землевладении. Слово, 1878, стр. 1—40.
56. Договор найма пастухов. Зап. ИРГО по отд. этногр., т. VIII, СПб., 1878, стр. 47—160.
57. Ссыльные малороссияне в Архангельской губернии (1708—1802).

- Читано 3 III 1881 в заседании Ист.-филолог. общ., сост. при Харьковск. унив. Киевск. стар., 1882, т. III, сентябрь, стр. 391—412.
58. Последний писарь войска запорожского Глоба. Киевск. стар., 1882, т. VIII, август, стр. 368—371.
 59. Попытка околдовать волостной суд. Киевск. стар., 1884, т. VIII, март, стр. 510—511.
 60. Последствия клятвпреступлений. Киевск. стар., 1884, т. VIII, март, стр. 510—511.
 61. Могила гетманцев в г. Лебедине. Киевск. стар., 1884, т. VIII, апрель, стр. 693—695.
 62. Библиографический указатель трудов П. П. Чубинского. Киевск. стар., 1884, т. IX, май, стр. 38—142.
 63. К истории семейных разделов. Киевск. стар., 1886, т. XIV, март, стр. 593—598.
 64. Затерявшаяся песня о событиях 1696 г. Киевск. стар., 1886, т. XV, май, стр. 173—175.
 65. Околдование начальства. Киевск. стар., 1886, т. XV, май, стр. 175—178.
 66. Материалы по этнографии населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. II. Народная словесность. М., 1878. Изв. имп. Общ. любит. естеств., антроп. и этногр., т. XXX, вып. II. Тр. этн. отд. имп. общ. любителей естеств., антроп. и этнограф. при Моск. университете, кн. V, вып. II, под редакцией Н. А. Попова.
 67. Указание о договоре найма приказчиков. Юрид. вестн., М., 1880, № 6, стр. 279—308.
 68. Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии. Сб. «Нар. юрид. обыч. Арх. губ.», т. II, СПб., 1900, стр. 205—242.

IV. Литература о П. С. Ефименко (1859—1932 гг.)

69. Тыщинский А. Об украинских пословицах и поговорках. ЧГВ, 1859, № 29.
70. Анастасьев А. Провинциальная почта. Век, 1861, № 12, стр. 416—417.
71. Португалов Вениамин. Из Чердыни Пермской губернии. АГВ, 1868, № 13.
72. Харевич Ф. Сборник актов Спасо-Преображенского собора. АГВ, 1868, №№ 100—104; 1869, №№ 1—29.
73. Майков Л. Великорусские заклинания. Зап. ИРГО по отд. этногр., СПб., 1869, т. II, стр. 419—580.
74. Народные юридические обычаи и действующее законодательство. Рецензия на сб. «Народные юридические обычаи Архангельской губернии». Дело, 1870, № 8, стр. 24—43.
75. Протоколы заседания Московского археологического общества, № 65, 1871, 16 III. Древности, Тр. Моск. археолог. общ., т. III, М., 1873, стр. 308.
76. Иванко П. Сборник малорусских заклинаний, составил П. Ефименко. М., 1874. Киевск. телегр., 1875, № 32.
77. Попов Н. А. О материалах Ефименко. Тр. этногр. отд. имп. Общ. любит. естеств., антроп. и этногр. при Моск. унив., кн. IV, Протоколы 13—25. Заседания 14 XI 1874—17 IV 1877, с 12 приложениями. М., 1877.
78. Библиография об издании Ефименко. АГВ, 1878, № 49.
79. Колосов М. Материалы по этнографии русского населения Архан-

- гельской губернии, собр. П. Ефименко. Ч. II. Народная словесность. Русск. филолог. вестн., 1879, т. I, № 1, стр. 122—132.
80. Б. Г. Харьковский календарь на 1884 г. Изд. Харьковск. губ. стат. ком., под ред. действ. чл. секр. комитета П. С. Ефименко, X. 1883. Киевск. стар., 1884, т. VIII, февраль, стр. 317—321.
81. Бага лей Д. М. Харьковский календарь и Памятная книжка на 1885. Изд. Харьковск. губ. стат. ком., под ред. П. С. Ефименко. Киевск. стар., 1885, т. XI, март, стр. 552—558.
82. Сумцов Н. Ф. Губернские ведомости как пособие при изучении русской истории и этнографии. Киевск. стар., 1885, т. XI, февраль, стр. 391—399.
83. Л. С. П. С. Ефименко. Харьковск. сб., 1887, стр. 277.
84. А. Р. Искусство и литература. По поводу двух книг. Одесск. вестн., 1889, № 222.
85. Пыпин А. Н. История русской этнографии, тт. II, III. СПб., 1891.
86. Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. 17, СПб., 1893; т. 22, СПб., 1894, стр. 691.
87. Справочная книжка и адрес-календарь Архангельской губернии на 1897 г. Архангельск, 1896.
88. Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ, 1859—1865 гг. СПб., 1904.
89. Лемке Мих. Н. М. Ядринцев. (Биографический очерк). К десятилетию со дня кончины. С введением И. И. Попова. СПб., 1904.
90. Краткий очерк истории Харьковского университета. Харьков, 1906.
91. Худяков И. А. Из воспоминаний шестидесятника. (Автобиография И. А. Худякова). Ист. вестн., т. CVI, СПб., 1906, №№ 10—12.
92. Лемке М. Молодость «отца Митрофана». Былое, II, 1907, стр. 188—233.
93. Мазуренко Н. Первая харьковская университетская история. Ист. вестн., № 9, СПб., 1907, сентябрь.
94. Лемке М. К. Очерки освободительного движения 60-х годов. По неизданным документам. Изд. 2-е, СПб., 1908.
95. Ефименко П. С. Некролог. Этногр. обзор., изд. Этногр. отд. имп. Общ. любит. естеств., антропол. и этногр., М., 1908, № 1—2, под ред. В. Ф. Миллера, стр. 207—208.
96. Петр Саввич Ефименко. Некролог. Живая стар., 1908, вып. II, стр. 264.
97. Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей, собрал С. А. Венгеров, т. II, СПб., 1910, стр. 369—370.
98. Глинский Б. Б. Революционный период русской истории 1861—1881 гг. Исторические очерки, чч. I—II, СПб., Изд. т-ва Д. С. Суворина, Новое время, 1913.
99. Попов А. К. пятилетию со дня смерти П. С. Ефименко. Изв. Арх. общ. изуч. русск. Севера, Архангельск, 1913, № 13, стр. 607—610.
100. Попов Ан. Периодическая печать в Архангельской губернии. Изв. Арх. общ. изуч. русск. Севера. Архангельск, 1914, № 8, стр. 225—232 и № 9, стр. 257—263.
101. Архангельский М. С. Введение в историю русской литературы, т. I. Пгр., 1916.
102. Сперанский М. Русская устная словесность. М., 1917.
103. Герцен А. И., Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, тт. IX—XI, Пгр., 1919; т. XV, Пгр., 1920; Пгр., 1922.
104. Козьмин Б. П. 1920. М. Д. Муравский в харьковском тайном обществе 1856—1858 гг. Каторга и ссылка, М., 1928, кн. 41, стр. 125—139.
105. За сто лет, кн. II. М., 1928.

106. Чернышевская - Быстрова Н. М. Из переписки Н. Г. Чернышевского. Каторга и ссылка, М., 1928, кн. 44, стр. 69—72.
107. Большая Советская Энциклопедия, т. 24, Гос. Словарно-энциклопед. изд., М., ОГИЗ, 1932, стр. 590—591.
108. Большая Советская Энциклопедия, изд. 2-е, т. 15, М., 1952, стр. 566.

V. Документальные материалы в архивах СССР, использованные при составлении работы

а) О П. Н. Рыбникове

1. О сборищах на квартире студента Рыбникова. Дело канцелярии московского генерал-губернатора по секретной части. МОИА, 1858, оп. 48, св. 148, д. № 240.
 2. Письмо П. Н. Рыбникова к И. А. Аксакову от 3 января 1859 года. Клинды Черниговской губернии. ГБЛ, Рукоп. отд., ГАИС, III, П-1, 6а.
 3. О высылке под надзор полиции студента П. Завадского. Дело канцелярии гражданского губернатора Судного стола. ЦГА К-ФССР, 1860, ф. 1, д. №№ 20/21 и 28/782.
 4. Письмо П. Н. Рыбникова к К. С. Аксакову от 6 мая 1860 года. ГБЛ, Рукоп. отд., ГАИС, III, П-1, 6б.
 5. Письмо П. Н. Рыбникова к К. С. Аксакову от 2 июня 1860 года. ГБЛ, Рукоп. отд., ГАИС, III, П-1, 6б.
 6. О путешественниках, отправляющихся по России для собиранья разных сведений. Дело канцелярии олонецкого гражданского губернатора. ЦГА К-ФССР, ф. 1, оп. I, д. 30/7.
 7. Письмо П. Н. Рыбникова к К. С. Аксакову от 26 июня 1860 года. ГБЛ, ГАИС, III, П-1, 6б.
 8. Об учреждении строгого секретного надзора за проживающими в Москве А. Сабуровым и в С.-Петербурге М. Свириденко. ЦГИАМ, 1862, ф. Третьего отделения, I эксп., д. № 84.
 9. О рассмотрении представленных г. Рыбниковым в отделение двух томов «Сборника песен» для соискания Демидовской премии, Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 9, оп. I, д. № 330.
 10. О рассылке III-й части былин и песен П. Н. Рыбникова. ЦГА К-ФССР, 1864, ф. 22, оп. 1, д. №№ 2, 23.
 11. Письмо П. Н. Рыбникова к Олонецкому губернатору Арсеньеву от января 1864 г. ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 2, ед. хр. 35, лл. 1—4.
 12. По ходатайству об освобождении коллежского ассесора Рыбникова от надзора. ЦГИАЛ, 1864, ф. 1282, оп. 2, ед. хр. 35.
 13. Ведомость о лицах, состоящих под надзором полиции за 1864 г. ЦГА К-ФССР, 1864, ф. 1, д. № 91/11.
 14. Относительно устраиваемых концертов, балов и спектаклей в пользу бедных студентов. Дело канцелярии олонецкого гражданского губернатора. ЦГА К-ФССР, 1866, ф. 1, оп. 10, д. № 21/40.
- б) О П. С. Ефименко, П. П. Чубинском и других лицах, сосланных в Архангельскую губернию в 60-е годы XIX века
15. Автобиографические заметки П. С. Ефименко. ИРЛИ АН СССР, Рукоп. отд., фонд С. А. Венгерова, 1-е собрание автобиографий, № 1200.
 16. О беспорядках в Казанском университете. ЦГИАЛ, 1861—1867, ф. 1282, оп. 2/1381, ед. хр. 100.

17. О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний. ЦГИАМ, 1861, фонд III отделения, 1 эксп., д. № 230.
18. О прикосновении к обнаруженному в Харькове тайному политическому обществу, образовавшемуся между студентами Хлоповым, Ефименко, Муравским, Бекманом, Равским, Ивковым, Левченко. ЦГИАЛ, 1860—1877, ф. 1286, оп. 21/740, д. № 911.
19. О волнении студентов в Петербургском университете. ЦГИАЛ, 1860, Канцелярия министерства внутренних дел, ф. 1282, оп. 2, ед. хр. 103.
20. О лицах, прикосновенных к пермскому кружку. ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 2, ед. хр. 8.
21. О тайном обществе, открытом в г. Харькове. ЦГИАМ, 1860, фонд III отделения, 1 эксп., д. № 26, чч. 1—7.
22. О лицах, состоящих под надзором полиции в Архангельской губернии за 1861 г. АОГА, 1861, ф. 1, д. № 3454, оп. 74.
23. О высылке под надзор полиции студента П. С. Ефименко. АОГА, 1861—1871, ф. 1, оп. 52, д. № 3724.
24. О послании старца Кондратия. ЦГИАМ, 1861, фонд III отделения, 1 эксп., д. № 148.
25. О лицах, состоящих под надзором полиции за 1862 г. АОГА, 1861, ф. 1, оп. 105, д. № 3481.
26. О беспорядках, происходивших между воспитанниками С.-Петербургского университета. ЦГИАМ, 1862, фонд III отделения, 1 эксп., д. № 46.
27. О назначении под надзор полиции в Архангельскую губернию в г. Пинегу бывшего студента С. Петерб. университета П. П. Чубинского, 1862—1863. АОГА, д. № 3712.
28. Дело о бывших студентах П. Завадском, П. Ефименко, Воронкове, Манасеине, учителе В. Праотцеве, крестьянине Распутине и девице Ильиной. ЦГИАЛ, 1863, ф. 1282, оп. 2, ед. хр. 72.
29. Ведомость о лицах, состоящих под надзором полиции в Холмогорах за 1864 г. АОГА, 1864, ф. 1, оп. 3, д. № 3580.
30. АОГА, ф. 1, оп. 70, д. 3732.
31. О высылке под надзор полиции А. Никольского. АОГА, ф. 1, д. 3734.
32. О разыскании состоящего в Архангельской губернии под надзором полиции студента Никольского. ЦГА К-ФССР, ф. 1, д. № 27/32.
33. Переписка в Архангельском статистическом комитете между его членами, 1864—1866 гг., Архив Архангельского статистического комитета. АОГА, д. № 76.
34. О препровождении «Трудов» и взаимный обмен с другими комитетами, 1867. АОГА, д. № 105.
35. О представлении в Статистический комитет статей для помещения в «Трудах» Комитета за 1865 г., Архив Архангельского статистического комитета. АОГА, д. № 76.
36. Об учреждении Ломоносовской стипендии при Архангельской гимназии 1865—1871 гг., Архив Архангельского статистического комитета. АОГА, д. № 84.
37. Письма П. С. Ефименко в Архангельский статистический комитет, Архив Архангельского статистического комитета, 1864—1870 гг. АОГА, д. № 105.
38. Протоколы Архангельского статистического комитета, Архив Архангельского статистического комитета. АОГА, д. № 108.
39. О поведении лиц, находящихся в Архангельской губернии под надзором полиции, 1866 г. АОГА, 1866, ф. 1, оп. 4, д. № 3693.
40. О доставлении сведений о переменах, происшедших с лицами, выслан-

- ными под надзор полиции по политическим делам. АОГА, ф. 1, д. № 3533.
41. Сведения о лицах, подвергшихся наказаниям по политическим делам. АОГА, ф. 1, д. № 3594.
 42. Письма корреспондентов Архангельского статистического комитета, Архив Архангельского статистического комитета. АОГА, д. № 40.
 43. Архив холмогорского суда, 1864—1870 гг. АОГА, д. № 4501.
 44. О быте и нравах жителей и юридических обычаях Архангельской губернии, Архив Архангельского статистического комитета. АОГА, д. № 22.
 45. С. С. Татищев. Революционное движение в России 1861—1871 гг., составлено при Департаменте полиции, ГБЛ, Рукоп. отд., М., 10425.
 46. Дневник А. И. Стронина. ГБЛ, Рукоп. отд., архив А. И. Стронина. Подробное описание архива Стронина см.: «Отчет имп. публичн. библиотеки за 1891 г.», СПб., 1894, стр. 60—62.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГВ — Архангельские губернские ведомости.
АОГА — Архангельский областной государственный архив.
ГБЛ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ИРЛИ АН СССР — Институт русской литературы АН СССР.
МОИА — Московский областной исторический архив.
ОГВ — Олонецкие губернские ведомости.
Пам. кн. Арх. губ. — Памятная книжка Архангельской губернии.
Пам. кн. Ол. губ. — Памятная книжка Олонецкой губернии.
ЦГА К-ФССР — Центральный Государственный архив Карело-Финской ССР.
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.
ЦГИАМ — Центральный Государственный исторический архив в Москве.
ЧГВ — Черниговские губернские ведомости.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
П. Н. Рыбников и П. С. Ефименко в годы студенческого движения .	17
П. Н. Рыбников в Карелии	43
П. С. Ефименко в Архангельской губернии	75
Библиография	130
Список сокращений	141

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академии Наук СССР

*

Редактор Издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректоры *Н. А. Браиловская, Е. Б. Томсинская*
и *А. В. Сорокина*

*

РИСО АН СССР № 10—72 В. Подписано
к печати 8/II 1954 г. М-16938. Бумага
60 × 92/16. Бум. л. 4 1/2. Печ. л. 9. Уч.-
мзд. л. 9.2. Тираж 5000. Зак. № 950.

Номинал по прейскуранту 1952 г.

5 р. 50 к.

1-я тип. Изд. Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12.